

Книга митрополита Филарета (Вахромеева) «Человек в истории» подготовлена пресс-службой Патриаршего Экзарха к 30-летию архипастырского служения на белорусской земле Высокопреосвященного митрополита Минского и Слуцкого Филарета, Патриаршего Экзарха всея Беларуси и выпущена в свет издательством Свято-Елисаветинского женского монастыря в Минске в год 1020-летия Крещения Руси, накануне визита в Беларусь Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

Филарет (Вахромеев К.В.; митрополит Минский и Слуцкий)

Человек в истории / митрополит Филарет Вахромеев. — Минск: Свято-Елисаветинский женский монастырь, 2008. — 192 с.

ISBN 978-985-6886-01-3

УДК 271.22-42

ББК 86.372

Митрополит Филарет (Вахромеев)

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ

От издателей

Что есть человек, что Ты помнишь его? (Пс. 8: 5)

Размышления о человеке как образе и подобии Творца свойственны каждому христианину, и мысли о цели и о смысле человеческой жизни посещают каждого здравомыслящего человека.

Сколь бы ни были разнообразны и многочисленны суждения о призвании человека в области литературного, художественного и иного творчества, они всегда субъективны и зависят от степени творческих дарований и от способов самовыражения автора.

Но существуют объективные законы бытия человека в мире — в мире замыслов Творца о нем, в мире людей, куда приходит человек из материнского лона, в мире бессмертных душ, где он оказывается по завершении своего жизненного пути. Осмыслить и в доступной степени постигнуть эти законы — труд столь же тяжкий, сколь драгоценны его плоды.

В книге Высокопреосвященнейшего Филарета (Вахромеева), Митрополита Минского и Слуцкого, Патриаршего Экзарха всея Беларуси, сделана попытка собрать воедино личный и церковный опыт постижения науки о человеке как венце творения, предложен опыт его обобщения и изложения в доступной и понятной современному человеку форме.

Венец творения, человек является неповторимым феноменом видимого и невидимого миров, в которых он призван обитать. Автор книги размышляет о религиозном, историческом и социальном призвании человека — и нашего современника, и деятеля отечественной и мировой истории, и героя священных библейских повествований. И мы открываем вместе с Владыкой Митрополитом те общие черты мировоззрения и образа жизни, те законы чести и достоинства, те правила веры и образы борьбы с грехом, которые в равной степени жизненно необходимы каждому человеку — от Адама до последнего представителя человеческого рода, за которым Господь затворит дверь истории мира.

В основу предлагаемых читателю размышлений Предстоятеля Белорусской Православной Церкви положены результаты глубоких богословских исследований Его Высокопреосвященства как Председателя Синодальной Богословской комиссии Московского Патриархата. Корпус книги включает в себя материалы выступлений Митрополита Филарета (Вахромеева) на тематических научных форумах.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ, ПРАВО СЛАВЯЩАЯ БОГА

Православный человек в современном мире — это воистину неисчерпаемая тема. Она столь широка, что охватывает и сокровенную сферу личной духовной жизни отдельного человека, и расширяется до уровня всего человеческого сообщества. Она включает в себя высокие богословские размышления о Церкви Небесной, о торжествующем Царстве Божием, и одновременно рассматривает повседневные проблемы членов Церкви земной, воинствующей, по словам апостола Павла, *против духов злобы поднебесных* (Еф. 6: 12).

При этом тема Православия и современности в определенной степени парадоксальна, ибо мы знаем высказывание того же святого Апостола, написавшего в своем Послании к Евреям города Рима девятнадцать с лишним столетий тому назад: *Иисус Христос вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13: 8). К сожалению, эта парадоксальность создается самим человеком. Бог неизменен, но изменчив человек в отношении к своему Творцу, Который от начала времен не перестает быть Промыслителем всего человеческого рода. Так, например, у апостола Иакова мы читаем о праведном Аврааме, который жил около четырех тысяч лет тому назад и которого мы почитаем как отца всех верующих во Единого Бога: *Веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречен другим Божиим* (Иак. 2: 23). А последние по меньшей мере триста лет люди по всей земле с нарастающей дерзостью говорят уже не о доверии Богу, бытие Которого прежде не оспаривалось, но о вере в само существование Бога, которое ставится под сомнение. При такой постановке вопроса доверие Господу и всему, что Он заповедал людям, отходит как бы на второй план. Такому катастрофичному снижению уровня духовной жизни современного человека, а также соблазну выдавать культурологические понятия за духовные необходимо противостоять.

Православие как термин в этом случае говорит само за себя, ибо *Православие* — это правильное прославление Бога. Тема Православия и современности неисчерпаема потому, что поиск правого, то есть правильного, способа прославления Бога является неотъемлемой, если угодно, онтологической частью человеческого существа. Ведь человек, осознает он это или нет, является образом и подобием Божиим. Поэтому, как прекрасно заметил Блаженный Августин, сердце человеческое мятется, доколе не успокоится в Господе.

И сегодня, в нашей современности, нам чрезвычайно важно понять православие праведного патриарха Авраама, научиться правому славословию Бога у царственного псалмопевца Давида, всем сердцем постигнуть православную проповедь апостола язычников Павла и руководствоваться в наших размышлениях богословием правильного прославления Бога, которое положили в основание христианской Церкви ее святые Отцы и Учители.

...Прежде нежели был Авраам, Я есмь (Ин. 8: 58), — сказал Господь наш Иисус Христос. — *Авраам... рад был увидеть день Мой; и увидел и возрадовался* (Ин. 8: 56). Этими словами Бог Сам свидетельствует о том, что Он вечен и неизменен. Но какая же при этом радость бывает на Небесах, когда во втором ли тысячелетии до Рождества Христова или же в третьем тысячелетии по Рождестве Господа нашего Иисуса Христа какой-то человек, достигнув определенного этапа на своем жизненном пути, однажды воскликнет в удивлении: *Истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!* (Быт. 28: 16) И невдомек порою тому человеку, который встретил Бога, увидел и узнал Его, что те же слова произнес ветхозаветный праведник Иаков, внук Авраама, увидев во сне Лествицу, возводящую человека в Царство Божие. Не знал в свое время и сам Иаков, что его откровение спустя три тысячелетия будет изображаться на православных иконах Божией Матери.

Изменчив мир людей, но неизменны законы жизни, которые положил Творец в его основание.

Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое (Втор. 30: 19), — умолял свой народ Боговидец и Законодатель Моисей, который был научен Самим Богом, как право славить Отца Небесного.

Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, — заповедал Своим ученикам и последователям Сын Человеческий, — *и это все приложится вам* (Мф. 6: 33).

Не думаю, что в моих словах найдется преувеличение, если скажу, что главной целью человеческого стремления найти смысл своего существования призван стать поиск той правды Божией, которая дает смысл жизни как отдельному человеку, так и человеческому роду и всей вселенной. Не в том наша забота, чтобы доказать современность Православия, но имен-

но в том, чтобы жизнь наша была всегда правой, то есть православной в очах Божиих.

ЧЕЛОВЕК КАК АДРЕСАТ БОГОСЛОВИЯ

Православное богословие на протяжении веков развивалось в тесной связи, в диалоге с философской мыслью современных мыслителей, работающих в русле философской традиции. Богословие не является «внутренним делом» Церкви. Оно призвано отвечать на вопросы и вызовы современности, обращаясь к живому человеку, учитывая его идеалы и сомнения, его интеллектуальные поиски и духовные потребности. Богословие по существу своему антропологично, потому что его адресатом является человек.

Разумеется, все другие антропологические учения также обращены к человеку, потому что в конечном счете имеют своей целью лучшее понимание человеком самого себя. Однако отличительная особенность религиозной антропологии заключается в том, что человек для нее — это тот, кто нуждается в спасении, то есть в восстановлении своей связи с Богом. Богословие смотрит на человека с точки зрения его вечной судьбы, а потому рассматривает его не просто как эмпирический факт, но исходя из Божественного задания, из замысла Творца о человеке.

Богословская мысль подчинена религиозно-нравственным задачам, стоящим перед Церковью. Поэтому можно сказать, что богословский подход к человеку является максималистическим, поскольку он определяется сотериологией — учением о спасении.

Вместе с тем богословская антропология (в том числе аскетическая), которая призвана указать человеку духовный путь в этом мире пред Лицом Бога, по необходимости изучает человека «как он есть», то есть его актуальное, нынешнее состояние. Без понимания того, как устроен реальный человек, что определяет его нравственные и ценностные установки, его социальное поведение и внутреннюю жизнь и т.п., невозможно предлагать ему встать на тот путь духовного преобразования, о котором благовествует Церковь. Ибо Церковь проповедует Христа не только как Истину и Жизнь, но и как Путь. *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14: 6), — говорит Спаситель Христос.

Поэтому богословие заинтересовано в том знании о человеке, которое накопила современная наука. И прежде всего оно заинтересовано в диалоге с теми антропологическими концепциями, которые были разработаны философами в минувшем столетии, так как в отличие от специальных наук — биологии, психологии, социологии, лингвистики — философская антропология стремится выявить сущностные характеристики человека, понять саму его природу или же его особое место в мироздании.

Кроме того, весьма важно осмыслить тот факт, что эпоха Новейшей истории — XIX и XX века — явилась, с одной стороны, временем так называемого «антропологического ренессанса» в философии, а с другой стороны, привела к тому, что философы называют «антропологической катастрофой».

Здесь мне кажется уместным остановиться на некоторых тенденциях в развитии философской антропологической мысли и сопоставить их с богословским учением о человеке.

Антропология в философии и в богословии

Прежде всего несколько слов относительно самого выделения «человека» в качестве особой или основной темы изучения. Как было замечено некоторыми философами, «человек — понятие сравнительно недавнее». Это, несомненно, верно в том смысле, что возникновение антропологии (а точнее — различных антропологий) связано с определенными историческими процессами.

Принято считать, что в так называемом традиционном обществе отдельный человек не существует вне своей сущностной связи с родом и общиной, а также с высшими Божественными силами, управляющими как природными, так и социальными процессами. В некотором смысле это касается и средневекового сословного общества.

В Новое время постепенно растет автономия человека, а само общество все больше воспринимается как результат взаимодействия суверенных индивидуумов. Однако развитие

техники, а также экономики и политических институтов в свою очередь приводит к тому, что принято называть «отчуждением» человека от результатов его деятельности. Видимо, эти процессы и выдвинули антропологическую тему на первый план.

В Новейшее время в философских подходах к человеку можно различить два направления. Одно ставит отдельного человека в зависимость от иных, внечеловеческих, факторов, утверждая, что существование человека обусловлено «объективными» биологическими, психологическими, социальными, культурными процессами. Другое направление настаивает на том, что сам человек принимает судьбоносные для его бытия решения, поскольку нет ничего, что могло бы ущемлять свободу его выбора. По существу в данном случае мы сталкиваемся с древней проблемой соотношения свободы и необходимости. В истории религиозной мысли ей соответствует проблема соотношения свободы и благодати (или предопределения).

Что такое человек? Независимое существо, свободно созидующее самого себя и мир, в котором он живет? Или же это подчиненное существо, жизнь и судьбу которого определяет нечто ему неподвластное?

Конечно, это упрощенная схема. Однако любая антропологическая концепция вынуждена решать фундаментальную проблему соотношения зависимости и независимости человека. И если человек зависит от самого себя, возникает вопрос о том, что же в самом человеке является заранее определяющим, а что оставляет место подлинной свободе самоопределения. Для богословия этот вопрос является существенным.

Выделение человека из рода, общины, космоса, этнокультурной традиции впервые произошло не в античную, а еще в ветхозаветную эпоху. Вспомним характерный пример библейского персонализма — призвание Богом Авраама. Над всеми Сущий Бог взывает к отдельному человеку и устанавливает с ним завет-договор. Этот договор касается создания целого народа, но происхождение этого народа связывается с именами отдельных людей — Авраама, Исаака и Иакова. И само Имя Бога включает эти человеческие имена.

Вспомним также слова псалмопевца Давида: *Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; всё положил под ноги его...* (Пс. 8: 4–7)

Наконец, евангельская максима: *...что пользы человеку приобрести весь мир, а себя самого погубить или повредить себе?* (Лк. 9: 25) — радикальным образом выделяет и изымает отдельного человека из мира и поставляет его между Богом и миром. Человек — больше мира, если под миром понимать все, что вне человека.

Но, с другой стороны, христианство не призывает человека *выйти из мира* (1 Кор. 5: 10) — того реального мира, в котором он живет. В данном случае, быть может, наиболее емкой является евангельская формула *в мире, но не от мира*, которая по преимуществу относится к Богочеловеку Христу, но также к Его последователям и ученикам. По существу, это христианская антропологическая формула. Человек принадлежит к космосу и социуму, но в то же время ими не определяется.

Парадокс свободы и необходимости

Здесь мы встречаемся с парадоксом свободы и необходимости. Как творение Бога, человек абсолютно зависим. Как сотворенный по образу Бога, он сущностно свободен. Это значит, что ничто являющееся данностью для человека, включая психологические, биологические или социальные условия его существования, не может уничтожить свободы его самоопределения, а значит, и его нравственной ответственности за себя самого. Человек свободен независимо от того, хочет ли он свободы или же, наоборот, боится ее, совершает «бегство от свободы». Он свободен потому, что Бог создал его по Своему образу свободным. А это, в свою очередь, значит, что свобода не имеет ничего общего с приспособлением, потому что невозможно «приспособиться к Богу», Который свободен по определению.

Творец поставил человека *владыкою над делами рук Своих*, и поэтому сам мир изначально-

но соотношен с человеком. Этому христианскому утверждению соответствует так называемый «антропный принцип», который сегодня обсуждается в науке и философии. Однако с богословской точки зрения человек является мерой всех вещей только в той мере, в какой мерой самого человека является то, что его превышает. Не погрешая против истины, можно сказать, что подлинный человек — это «сверхчеловек». Примером и образом такого «сверхчеловека» является Богочеловек Иисус Христос. Однако нельзя забывать, что Бог смог стать Человеком только потому, что создал человека по Своему образу и подобию.

Некоторые современные философы утверждают, что вслед за «смертью Бога», которую провозгласил Ницше, произошло и другое событие — «умер человек». С этим вполне можно согласиться: именно такова эволюция человеческого сознания. Отказ не только от Бога, но и от христианского учения о Богочеловеке закономерно приводит к растворению самого человека в мире безличных взаимодействий и процессов, за результаты которых никто не несет ответственности. Человек перестает восприниматься в качестве «автора» того, что он делает. Подобная тенденция является другой крайностью по сравнению с более ранней философской установкой, согласно которой не существует никакой общечеловеческой природы, но лишь одинокий субъект, зависящий только от результатов своих действий. Богословие в данном случае опирается на учение о богообразности человека и учение о Богочеловечестве Христа. В человеке никогда не умирает человек, потому что в нем неуничтожим образ Творца. А поэтому и человек является творцом, «автором» того, что он создает и совершает. Человек ответственен перед миром, в котором он живет, пред Богом, перед другими людьми и перед самим собой, то есть перед своей совестью. Но он не может в одиночку реализовать эту ответственность. Человек взаимодействует с миром, с другими людьми, но прежде всего — с Богом.

Диалектика образа и подобия

Для описания человека можно использовать принцип «уже — еще не». С христианской точки зрения человек всегда уже человек, но вместе с тем он еще должен стать человеком в полном смысле. Это диалектика образа и подобия Божия. Христос — не умозрительный идеал человечности, не просто событие религиозной истории. Христос — реальная цель эмпирического человека. Христианство не призывает человека стремиться к недостижимому на практике идеалу, но — уподобляться Человеку Христу, что возможно только через синергию с Ним. В подражание другим подобным формулам можно сказать, что человек в христианском понимании — это «человек возрастающий». Стать воистину человеком — значит вырасти *в меру полного возраста Христова* (Еф. 4: 13), как говорит апостол Павел.

Христианскую антропологию можно назвать «нисходящей». Она отталкивается от максимального образа человека, от того, каким он призван быть согласно замыслу Творца. Но затем она обращается к собственно человеческой реальности. Христианский Бог никогда не подавляет и не отменяет «человека». Доказательство тому — церковный догмат о Богочеловечестве Христа: Бог становится человеком и говорит с ним на человеческом языке. Это одно из свидетельств соразмерности человека Богу. Здесь — предельное смирение Бога и предельное возвышение человека. Но тот же догмат веры не позволяет человеку познавать и оценивать себя, опираясь исключительно на свое актуальное, эмпирическое состояние.

Одно из важнейших отличий богословского понимания человека от многих философских антропологических концепций связано с понятием греха, греховности человека. В своем движении навстречу Богу, как Он открылся во Христе, человек наталкивается на серьезное препятствие. Классическое описание этого препятствия дает апостол Павел: *...знаю, что не живу во мне... доброе; потому что желание добра есть во мне, но чтобы сделать оное, того не нахожу. Доброго, которого хочу, не делаю, а злое, которого не хочу, делаю. Если же делаю то, чего не хочу, уже не я делаю то, но живущий во мне грех* (Рим. 7: 18–20).

То, что на религиозном языке называется грехом, или греховными страстями, было подробно проанализировано и описано в христианской литературе, прежде всего аскетической. Грех не уничтожает человечность человека, но искажает ее, поскольку действует в человеке как постоянная тенденция. Однако сохраняется свобода человеческого выбора, а следова-

тельно, и ответственность. Человек свободен в оценке своих действий как того зла, которого он не хочет, поскольку «образ Божий» позволяет ему иметь представление о том добром, к которому он должен стремиться.

Согласно христианскому пониманию, греховность как таковая практически неуничтожима на протяжении земной жизни человека. Задача человека не в том, чтобы совершенно избавиться от греха, а в том, чтобы постоянно поддерживать в себе неуклонное стремление к благу, в то же время столь же настойчиво отвергая зло. Именно таков образ совершенства, который предлагает апостол Павел: *...я не почитаю себя достигшим; а только, забывая заднее и простираясь вперед, стремлюсь к цели, к почести высшего звания Божия во Христе Иисусе. Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить* (Флп. 3: 13–15).

Самая опасная греховная страсть — это гордость. Характерна в этом смысле история святого монаха-подвижника преподобного Иоанна Колова. Когда он почувствовал, что его оставили греховные страсти, его собратья настойчиво советовали ему просить Бога о том, чтобы страсти вернулись; иначе существует опасность того, что человек, освободившись от всех грехов, погибнет от последнего — гордыни, самодовольства, чувства своего совершенства.

Грех — категория религиозно-нравственная, а не онтологическая. Согласно православному пониманию, сама природа человека не подверглась порче в результате грехопадения. Грех и зло имеют свою причину в воле, а не в природе.

Греховность — это удобопреклонность ко злу, а не некая необходимость, которая совершенно поработачивает человека. Отвержение греха и сопротивление ему — это уже победа над ним.

Однако аскетический анализ действующих в человеке греховных страстей проливает свет на само устройство человека. Не вдаваясь в подробности, хочу обратить внимание на то, к каким выводам приводит этот анализ относительно соотношения материального и духовного в человеке. В данном случае очевидны определенные параллели между богословием и некоторыми современными антропологическими концепциями.

Человек как целостное душевно-телесное существо

Недостаточно понимать человека только как творение, соединяющее нематериальную душу и материальное тело. Христианская антропология, испытавшая сильное влияние античного дуализма материального и духовного, по существу преодолевает этот дуализм. Аскетический подвиг не имеет ничего общего с борьбой духа против тела. Церковь запрещает всякое гнушение телом и материальным вообще. Человек — целостное душевно-телесное существо. Можно сказать, что тело — душевно и духовно, а душа тела — в крови (См.: Лев. 17: 14), как говорится в библейской Книге Левит. Материальное и нематериальное в человеке взаимно проникают друг в друга.

В христианском взгляде на человека телесность имеет очень большое значение. Грех не отождествляется с телесным и материальным. Как говорит один православный богослов, грехи плоти — это грехи, которые дух совершает против плоти. Аскетическая дисциплина тела связана не только с сопротивлением телесным страстям, но и с телесным причастием Божественным энергиям, благодати (например, так называемая «мученическая благодать»). Апостол Павел различает не тело и дух, но тело душевное и тело духовное (См.: 1 Кор. 15: 44). Победа над смертью — как разделением тела и души — мыслится как телесное воскресение, которое должно совершиться в эсхатологическом будущем.

Здесь мы сталкиваемся с другой особенностью богословского понимания человека: человек рассматривается «с точки зрения Вечности», что в данном случае означает Вечную Жизнь, телесное воскресение в эсхатологическом будущем мира, в метаистории... Если мы обратимся к изначальной христианской традиции, то обнаружим, что смерть человека переживается в христианстве не менее остро, чем в современной философии. Смерть — это *последний враг*, это действительная смерть, то есть катастрофа, причем как в онтологическом, так и в религиозно-нравственном отношении. *Память смертная* (то есть память о грядущем смертном часе) — основное делание христианского подвижника.

Биологическая смерть — это не только разрушение целостного психосоматического состава человека, но и момент суда, поскольку она знаменует завершение периода свободного нравственного выбора и духовного делания. Умереть нужно благородно! То есть — в мире с Богом, с другими людьми и со своей совестью. В этом смысле христианское представление о том, что земная жизнь человека — это подготовка к смерти, является не отвержением этой земной жизни, но, напротив, ее утверждением. Каждый момент этой жизни бесконечно значим «с точки зрения Вечности».

Для того чтобы понять, хорошо или дурно мы живем в этой жизни, нужно иметь внеположный этой жизни критерий. Этот критерий задается отношением человека к Богу — как Он открывается в библейской христианской традиции.

Здесь пришло время остановиться на важнейшем аспекте антропологии (с которого, возможно, надо было начать) — понимании человека как личности.

Человек — и часть, и целое

В минувшем веке некоторые выдающиеся философы в своих антропологических концепциях выдвигали на первый план представление о человеке как персоне, как личности, открытой навстречу другому и другим, как существу, пребывающем в отношении «лицом к лицу», в межличностном диалоге. Характерно, что все эти мыслители в той или иной степени питались от религиозной иудео-христианской традиции. Думаю, что для богословия был бы особенно полезен содержательный диалог именно с этим направлением современной философской мысли.

Следует, однако, иметь в виду, что понятие личности — богословского происхождения. Оно восходит к церковным догматам о Боге Троице и о Христе Богочеловеке. Именно христианское богословие вводит фундаментальное различие между природой, или сущностью, с одной стороны, и личностью, или ипостасью, с другой. В данном случае характерна эволюция термина *ипостась*.

Будучи первоначально синонимом сущности, постепенно этот термин обретает новое значение в триадологии и христологии. Ипостась — это не маска, не личина, накладываемая на индивидуальную сущность человека, но обозначение уникального, единичного существа, которое находится в онтологической связи с существами, ему единосущными. Употребление богословского термина *ипостась* (и термина *личность* как синонима термина *ипостась*) позволяет решать тот вопрос, о котором была речь вначале: в каком смысле человек может быть выделен из мирового целого, но так, чтобы его связь с миром не порвалась окончательно?

Ипостась означает, что человек одновременно есть и часть, и целое. Как индивид человек — это часть природы. Как личность человек — это целостность; он собирает в себе весь мир, и потому может быть посредником между миром и Богом. В то же время как личность человек является «частью», а точнее участником сообщества личностей, не утрачивая при этом своей уникальности и принципиальной незаменимости.

Различение индивида и личности, принятое в современном православном богословии, позволяет ответить и на другой вопрос: обусловлен человек извне или сам себя определяет? Без сомнения, на индивидуального человека воздействует множество факторов — биологических, социальных, культурных, — и это воздействие многое определяет в его существовании. Но всегда существует некий «остаток» — и это личность, предстоящая «лицом к лицу» Богу, другому человеку и миру. Православный богослов Владимир Лосский формулировал это так: личность есть то, что несводимо к природе. И именно в качестве личности человек сам воздействует на те биологические, социальные и культурные процессы, которые нередко выступают как нечто безличное, то есть противостоящее человеку.

Но как человек может быть личностью? Богословие отвечает: только потому, что он соотнесен с Личностным Богом, поскольку Бог есть Троица Божественных Ипостасей, или Личностей. Человек осознает себя как личность и учится быть личностью — пред Лицом Бога Троицы.

Согласно ставшему уже традиционным в православном богословии определению, личность — это «бытие в общении». Но это такое общение, в котором не уничтожается разли-

чие, то есть не подавляются отдельные лица. Образом совершенного межличностного общения является бытие Троицеобразного Бога — Триипостасное Божество.

Понимание человека как личности (или ипостаси), со-образной Ипостасям Троицеобразного Бога, имеет этические и социальные последствия. Человек — это «человек пред Богом», он предстоит Богу «лицом к лицу». Но это определение включает в себя и другое — «человек перед человеком», потому что другой человек выступает как «посланный Богом», как Богообразная личность.

Именно это имел в виду преподобный авва Дорофей, когда предлагал свою знаменитую схему с концентрическими кругами: чем ближе человеческие личности к Богу Троице, тем ближе они друг к другу.

Именно в этом этический смысл религиозного понимания спасения. Человек нуждается в спасении, потому что он утратил внутреннюю целостность, а потому и других людей воспринимает не как целостности, то есть цели, но скорее как средства.

Человек уже является личностью, но вместе с тем еще должен ею стать. Он — уже человек, но еще должен вырасти *в меру... возраста Христова* (Еф. 4: 13). Он пребывает в грехе, но ему открыт путь к примирению с Богом, со своими ближними и с самим собой.

Человек призван к преодолению зла, в котором, по слову Апостола, *мир лежит* (1 Ин. 5: 19), и к преображению по образу Христа — Распятого и Воскресшего. Но не отдельный, одинокий человек, а человек, пребывающий в общении и взаимодействии с другими. Образом такого взаимодействия является Церковь.

МИРОПОРЯДОК ЛИЧНОСТИ

В течение нескольких столетий человек не просто живет в окружающем его мире, но одновременно пытается если не покорить, то уж по крайней мере перекроить этот мир по своему разумению. Однако при этом он все меньше заботится о том, чтобы «встроить» самого себя в богозданный мир и утвердить самого себя как существо цельное, не разделяемое ни внутренними, ни внешними противоречиями.

Целостность человека — это ключевая проблема личности. Он — человек — троицеобразное существо, наделенное совершенным телом. Он одушевлен богатейшей палитрой чувств. Он вдохновлен творческим дыханием Самого Создателя... И все же: что такое человек? И только ли к первоначальному Адаму может быть отнесено столь высокое и ответственное определение носителя образа и подобия Божия? Или же оно распространяется на всех и на каждого?

Эти вопросы носят не отвлеченный, но весьма конкретный характер.

В свое время на педагогических собраниях от школьного до академического звучали слова о необходимости воспитания «гармонично развитой личности». Новейшая история показала, что эти слова и намерения так и не были осуществлены в течение всех трагических десятилетий, когда в обществе господствовало атеистическое мировоззрение.

И это не удивительно. Ведь атеизм по природе своей чужд целостности, потому что стремится опровергнуть то, чего, по его же мнению, не существует. А такое стремление гораздо ближе к умопомрачению, чем к гармоничному развитию. Поэтому практического значения смысла слов о «гармонично развитой личности», как правило, не придавалось.

Целостность как равновесие

Приступая к размышлениям о человеческой целостности, мне кажется уместным еще раз вспомнить о принципе трехсоставности, которым пронизано все творение Троицеобразного Бога.

Мир изначально троичен по образу и подобию Пресвятой Троицы — Отца, Сына и Святого Духа. Так, например:

- человека составляют Дух Божий, душа живая и тело земное;
- гармония, мелодия и ритм составляют музыку;
- семью слагают муж как каменная стена, жена как тепло очага и дитя как дар Божий;
- наконец, образ человеческого рода составляется плодами богословия, культуры и ис-

торической науки.

Нетрудно заметить, что в мире людей нарушение равновесия между частями любой из этих и многих иных триад чревато серьезнейшими проблемами, преодоление которых и составляет основное содержание жизни человека.

Исследованию этих проблем посвящены все силы цивилизации. Но мир ни на йоту не приближается к равновесию своего состава, подобно человеку, который разделен сам в себе и опасно балансирует на самом краю.

Первая грань человеческой скрижали: Евангелие природы

Чтобы человек сумел сохранить равновесие и утвердить свою целостность, Творец дал ему единственно верные средства для становления личности. О них весьма образно сказал Михаил Васильевич Ломоносов — первый русский ученый, поэт, художник и общественный деятель. «Создатель дал роду человеческому две книги. В одной показал Свое величество; в другой — Свою волю. Первая — видимый этот мир... Вторая — Священное Писание», — говорил он в середине XVIII столетия. И далее ученый подчеркнул: «Природа есть в некотором смысле Евангелие, благовествующее громко творческую силу, премудрость и величие Бога».

Призванием человека от его грехопадения вплоть до сего дня была и остается покаянная забота об уменьшении страдания земли за грехи рода людского. Если древние говорили: «Познай себя — и ты познаешь весь мир», то мы вправе осмыслить это изречение по-христиански: «Исправь себя — и ты послужишь исправлению той среды, которая тебя окружает».

Современное потребительское отношение человека к природе, к среде его обитания приблизилось к критической черте и вызвало к жизни ужасающее явление, которое именуется экологическим кризисом. Нынешним летом в Минске мы обсуждали эту проблему с христианами из Германии во время проведения международного «Дня защиты творения», на котором была проявлена высокая обеспокоенность этой проблемой и определены общие принципы защиты жизни на земле — этого великого священного дара.

Говоря в те дни об истинных причинах экологического бедствия, мы утверждали, что недостаточно сетовать на разрушающие природу факторы научно-технического прогресса. Корень этого кризиса скрыт гораздо глубже, хотя одновременно он буквально лежит на поверхности и очевиден для всякого мыслящего человека. Оскудение нравов приводит к вырождению личности, общества и окружающей среды.

Грех человека порождает коррозию его души. Грехи народа отягощают землю. Природа отравлена и разрушается слабостью и порочностью человеческого естества, которое неотделимо от матери-природы. Творение Божие разрушается корыстолюбием, алчностью, гордыней и иными человеческими страстями. Мы поступаем несправедливо по отношению ко всему живому, и к недрам земли, и к природным стихиям, когда перестаем быть их хранителями, как заповедал нам Бог.

Выражаясь современным языком, мы говорим сегодня об экологии души, которая, безусловно, первична по отношению к экологии внешней среды нашего обитания. Если человек со всей ответственностью сознает себя носителем образа и подобия Божия, то он на деле становится хранителем того, что сотворил Господь. И тогда цельность его личности обуславливает равновесие в окружающей его природе.

Это непреложный закон, который обязывает всех христиан быть его вестниками на всяком месте и во всякий час. Ибо каждый христианин персонально ответственен пред Богом за мир, который его окружает и за чистоту которого он лично держит ответ перед Творцом.

В этом проявляется одна из основных граней скрижали человеческой личности, которая раскрывается во взаимоотношениях человека с творением Господним.

Грань вторая: «Стяжи дух мирен...»

В мае 2003 года в рамках Международных Кирилло-Мефодиевских чтений, которые уже

в течение двенадцати лет ежегодно проводит Институт теологии Белорусского государственного университета совместно с Белорусским государственным университетом культуры и искусств, горячо обсуждалась тема ответственности Церкви за творение Господне. В те дни мне особенно запомнилась мысль о том, что духовную заповедь преподобного Серафима Саровского: «Стяжи дух мирен, и тысячи спасутся возле тебя» — можно глубоко интерпретировать в экологическом плане.

Ответственность Церкви Христовой за творение — это прежде всего воспитание ответственности каждого человека за содержание собственного сердца, ибо из него исходят в мир помыслы, направленные как на его уничтожение, так и на его спасение.

Земля опустошена вконец и совершенно разграблена... земля осквернена под живущими на ней, ибо они преступили законы, изменили устав, нарушили вечный завет. За то проклятие поедает землю, и несут наказание живущие на ней (Ис. 24: 3, 5, 6). За девять столетий до Рождества Христова эти суровые слова обличения прозвучали из уст ветхозаветного евангелиста пророка Исаии.

Устами преподобного Серафима кратчайшим образом сформулировано средство восстановления равновесия в мире людей, а значит, и в мире природы.

Старанием исполнить этот завет богоносного старца вызваны к жизни научные форумы; этот завет вдохновляет пастырей и окрыляет паству. Во многом это объясняется стремлением людей обрести личное равновесие в зыбком, стремительно меняющемся и крайне нестабильном мире.

Особое внимание этой теме в последние годы уделяется в области светской и церковной педагогики и системы образования.

Когда речь идет об учителе — школьном или церковном, одним из наиболее желанных его качеств церковная паства, школьные родители, да и сами ученики, называют, как правило, силу его личности. При этом в Церкви и в обществе прекрасно знают, как различить качество этой внутренней силы: деструктивная личность подчиняет себе своих сторонников, а позитивная — каждого человека принимает в общение с собой. Первая — неуравновешенна и одержима некоей идеей, а вторая — мирна и стабильна, ибо мир и стабильность являются плодами одухотворенной целостности человека.

Об этом велась широкая дискуссия и на Четырнадцатых Международных Рождественских образовательных чтениях в Москве в январе нынешнего года, во время которой я позволил себе заметить, что высокое достоинство и Божественное призвание личности человека состоит в обретении им лика. Ведь личность и лик — это понятия одноименные. Всякий человек — личность, но, лишь достигнув святости, эта личность обретает лик.

Впрочем, должен признаться, что для определения того, что же такое целостная личность человека, нам следует еще весьма много потрудиться.

Всякое нарушение гармонии в единстве духа, души и тела приводит к искажению личности, будь то духовная прелесть, интеллектуальная шизофрения или слабоумие грубой силы. К сожалению, окружающий мир переполнен плодами таких искажений.

Грань третья: мир культуры как душа человеческого рода

Было бы немислимо без конца приводить примеры этих плодов, и потому сейчас сосредоточимся на проблемах в сфере культуры, как этого требует тематика нашей встречи.

Культура сравнима с душой человека, с его чувственным началом.

Если душа склоняется к телесному, прилепляется к земному и не стремится вверх, к Небесам, то и культура личности и общества становится упрощенной. Такую культуру не случайно называют массовой, потому что она спрессовывает человеческие индивидуальности в аморфную и податливую массу.

Но если душа тянется к духовному, если тело обуздано духом, тогда и сам человек, и создаваемая им культура просветляются и навечно остаются яркими звездами на темном небосклоне.

Человек одновременно является и творцом и творением культуры, и потому его личная духовность или бездуховность могут служить определением исторического качества време-

ни, в котором он живет.

Смысл и содержание культуры — быть зеркалом времен, в том числе далеко отстоящих от сегодняшнего дня. Ведь мы можем судить о прошлом народов земли только по тем следам, которые оставлены ими в области культурного созидания.

Встреча культур разных времен и народов всегда обогащает человека, это верно... Однако обогащение это нередко приводит к саморазрушению, когда взлеты человеческого гения представляют меньший интерес для публики, чем массовая культура в ее вульгарном выражении. Вспомним период Судей ветхозаветной истории: имея совершенный закон жизни, народ Божий не устоял при встрече его культуры с языческой культурой Ханаанской земли. Покоренные силой оружия, язычники покоряли своих победителей чувственным культом своих богов. В результате, свидетельствует Библия, *они поступали хуже тех народов, которых истребил Господь от лица сынов Израилевых* (4 Цар. 21: 9).

Тот же принцип в полной мере применим и сегодня в области светской и религиозной культуры; в том или ином смысле он активно обсуждается в контексте проблем межконфессиональных и межрелигиозных диалогов. Чуть более года тому назад во французском Лионе проходила XIX Международная Встреча Молитвы о Мире. Среди прочих на ней обсуждался вопрос о том, какой духовный путь для Европы могут предложить верующие христиане, в частности, католики и православные.

Проблема выбора духовного пути жителями целого континента с каждым днем становится все острее, потому что сегодня под угрозой оказались базовые основания многовековой европейской цивилизации. Вопрос ставится жестко, ибо Европа постепенно утрачивает свою христианскую идентичность.

Разумеется, Церковь Христова является вселенской, но она возросла, укрепилась и достигла расцвета именно в Европе, став одной из основ европейской культуры и цивилизации. Однако нынешняя глобализация опирается в первую очередь на ценности секулярные. А среди этих ценностей одно из главнейших мест занимает принцип плюрализма, в том числе и религиозного.

В старое время было замечательное выражение, которое применяли для высокой характеристики того или иного лица. «Это человек основательный», — говорили о том, кто умел сохранять личные принципы и убеждения не в ущерб своему ближнему и без внутренних компромиссов со своей совестью.

В Послании апостола Иакова находим антитезу этому выражению, причем как раз в контексте нынешнего межрелигиозного диалога. *Ты веруешь, что Бог един: хорошо делаешь; и бесы веруют, и трепещут* (Иак. 2: 19), — обличает святой Апостол и далее говорит: — *Но хочешь ли знать, неосновательный человек, что вера без дел мертва?* (Иак. 2: 20)

Основательность личности — это первопричина и одновременно условие ее равновесия, тот самый «царский путь» в духовной, эмоциональной и физической жизни, придерживаться которого заповедают святые отцы древности и современности. Совершенно четко сформулирован этот принцип Премудрым Екклесиастом: *Обдумай стезю для ноги твоей, и все пути твои да будут тверды* (Притч. 4: 26). *Не уклоняйся ни направо, ни налево; удали ногу твою от зла* (Притч. 4: 27), — учит сын Давидов.

Так жил Авраам, праотец всех верующих. Он, как и все выдающиеся праведники на заре библейской истории, *ходил пред Богом* и не уклонялся от своего духовного основания. И потому Ханаанские язычники почитали его, и сыны Хетовы признавались Аврааму: *...господин наш; ты князь Божий среди нас* (Быт. 23: 6).

Так и сегодня в Европе и православные, и другие вероисповедания призваны к свидетельству веры. Свидетельство это должно исходить из основательных, крепких и активных христианских общин. А чтобы это свидетельство было действенным в общеевропейском масштабе, христианские общины должны проявить солидарность друг с другом.

Такая солидарность не означает сглаживания или забвения различий между нами в вероучении, в церковном строе или в традиции благочестия. Но с обеих сторон должны быть забыты обоюдные властные амбиции и пастырское соперничество. Потому что сегодня вся Европа — не только Западная и Центральная, но и Восточная — стоит перед выбором: или она останется христианской в своих культурных основах и в религиозной жизни, или Старого

Света не будет. Это аксиома дальнейшего развития европейской культуры в ее самом широком смысле.

Грань четвертая: «Господь есть Бог!»

Итак, прежде чем выходить навстречу иным культурным и религиозным традициям, необходимо твердо стоять на своем религиозном, культурном и историческом основании. Именно поэтому результаты современных богословских трудов и исследований могут и должны становиться верным лекарством для лечения личных и социальных недугов. Таково вполне прикладное значение богословия в современном обществе, и Синодальная Богословская комиссия стремится к своевременности каждого своего шага в развитии богословия третьего тысячелетия от Рождества Христова.

Отсюда вполне естественно, что актуальность богословских ответов на «вызовы времени» побуждает богословов разных религиозных традиций к сотрудничеству, к поискам путей для лучшего понимания друг друга.

Основным принципом, который подобен посоху на долгом и непростом пути, становятся слова апостольского наставления: *...Бог нелицеприятен, но во всяком народе боящийся Его и поступающий по правде приятен Ему* (Деян. 10: 34, 35).

Начало XXI столетия отмечено возрождением мировых религиозных движений. Это неизбежное следствие кризиса секуляризма, когда безбожная забота о благополучии абстрактного человека оборачивается притеснением и ограничением в правах человека конкретного. Именно поэтому христианская солидарность не может не иметь продолжения в солидарности межрелигиозной. Христиане Европы должны научиться вести диалог с представителями иных религиозных сообществ и развивать его, чтобы противостоять политизированным и доходящим до экстремизма истолкованиям веры и религии.

Одним из шагов в этом направлении стала, например, Международная конференция на тему «Христианская этика солидарности против насилия и жестокости». В декабре прошлого года ее проведение в Минске организовал наш Институт религиозного диалога и межконфессиональных коммуникаций вместе с Международным общественным объединением «Христианский Образовательный Центр имени святых Мефодия и Кирилла». За одним столом собрались представители трех монотеистических религий, причем не только на уровне лидеров, но и при широком участии своей паствы.

Во время беседы я обратил внимание наших собеседников на то, что люди искренне верующие и глубоко знающие догматическое содержание своих религий всегда поймут друг друга. И далее пришлось привести пример того, что навык религиозного взаимопонимания — это редкость в современном мире. Согласитесь, что в контексте нынешних массовых стереотипов бурю негодования может вызвать сообщение о том, что выражения *Яхве шолом*, *Отче наш* и *Аллах акбар* обращены к Одному и Тому же Богу, Вседержителю, Творцу вселенной.

Именно поэтому мышление должно быть, образно говоря, стереоскопическим, а не стереотипным.

Участники этого форума согласились с тем, что современный человек, живущий в Европе, в Африке и в Азии, стремится изменить свое положение в обществе в лучшую сторону. Но при этом он далеко не всегда готов прежде осмыслить самого себя и определить свое позитивное значение для этого общества и для окружающих его людей.

Но как раз на подобном осмыслении зиждется любая религиозная система. И христианин, и иудей, и мусульманин, желающие познать Бога, призваны прежде заглянуть в самих себя.

Ветхозаветная традиция устами царственного Екклесиаста говорит, что *в лукавую душу не войдет премудрость и не будет обитать в теле, порабощенном греху* (Прем. 1: 4).

Новозаветная традиция зиждется на призыве Господа нашего Иисуса Христа: *Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас... научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11: 28, 29).

«Нет принуждения в религии», — провозглашает Коран (2, 256 (257)), а тем, «кто уверовал и творил добрые дела, — им Милосердный дарует любовь» (20, 96), — гласит священная

книга мусульман.

Верующий человек призван быть человеком культурным в самом высоком и бескомпромиссном смысле. А значит, он должен быть справедливым. *Злые люди не понимают справедливости*, — говорит Премудрый царь Соломон, — *а ищущие Господа понимают всё* (Притч. 28: 5).

Справедливость уступает место насилию там, где забывают про любовь и прощение. А когда забывается измерение Божественной любви, тогда забвение простирается на все связи, соединяющие людей и, что самое главное, на внутренние связи человеческой личности. Дисбаланс и дисгармония разрушают целостность человека и подводят его к краю пропасти.

И чтобы не сорваться в бездну, человек волей-неволей должен пытаться обрести мир и умирить раскачивающие его страсти, сохранить равновесие в себе самом и установить баланс с окружающим его миром людей и миром природы. С этого мы и начали наши рассуждения, надеясь на благосклонное долготерпение слушателей.

А завершить свое слово мне хотелось бы воспоминанием одной эпитафии. Ее содержание раскрывает новый аспект размышлений о целостности личности, о плодах встречи культур, которая происходит в душе человека, стремящегося к истине, и о тех бесконечных мирах, которые способно вместить в себя человеческое сердце.

«Мир ловил меня, но не поймал», — гласит надгробная эпитафия Григория Саввича Сковороды... Но это уже другая тема для раздумий.

ЧЕЛОВЕК В ИСТОРИИ: ВЕСТНИК БОЖИЙ ИЛИ СЫН ПРОТИВЛЕНИЯ?

Хотелось бы поделиться некоторыми размышлениями о том значении, которое может иметь личный выбор отдельного человека в истории человеческого рода, в истории Церкви и в планах домостроительства Божия о нашем спасении.

Кроме того, не что иное, как личный духовный выбор лучше всего определяет историческое качество самой личности. А это позволяет дать достаточно точный ответ на вопрос современников: кто таков тот или иной человек в истории: он вестник Божий или сын противления?

В наши дни религиозная антропология, к области которой относится этот вопрос, с особой силой востребована теми, кто не остается в стороне от духовных исканий. Здесь я имею в виду не только приверженцев монотеистических религий, но также и противников всякой религиозной составляющей в жизни человека и общества.

Как это ни парадоксально, но сегодня без особого труда можно заметить попытки призвать ветхозаветные и новозаветные тексты или хотя бы имя Библии для утверждения взглядов, прямо противоположных тому, о чем благовествует Писание. Последним примером стало распространение в мире старой ереси в новой упаковке: на сей раз под видом романа американского борзописца «Код да Винчи». За полстолетия до этого сочинения вышла пресловутая книга Никоса Казандзакиса, в которой автор, по словам одной из аннотаций, «испытывавший в молодости влияние Ницше и Бергсона, переживший увлечение буддизмом и вдохновленный идеями раннего аскетического христианства, дал свою, отличную от канонической, трактовку образа Христа». Еще раньше российским мастером пера был создан роман, среди названий которого значилось и «Евангелие от Воланда». Все это в течение десятилетий перемежалось соответствующими фильмами, рок-операми и прочими забавами массовой культуры, общий вдохновитель которых преследовал единую во всех случаях цель — искажение Евангелия и глумление над святостью.

И сегодня псевдохристианские спекуляции продолжают одурманивать многих людей. В их числе оказываются даже христиане, еще не успевшие или не сумевшие утвердиться в вере.

Такие рекруты, набранные из людей неосновательных (Ср.: Иак. 2: 20), как называл их апостол Иаков, нередко предпринимают попытки перекроить под свои мнения и похотения церковный строй, каноны и даже христианские догматы.

Вот почему в деятельности Синодальной Богословской комиссии и в учебно-педагогической практике наша Церковь обращается не только к теме духовной сущности человека, но постоянно и настойчиво стремится формировать у молодого поколения пастырей и мирян навык духовного измерения истории человеческого рода, умение применять духовный фактор к широким областям гуманитарных и естественных наук. Это — своего рода напоминание секулярному миру о Творце, Который есть, был и будет во веки Тот же, вне зависимости от человеческих мнений и суждений о Нем.

«Что есть человек...»

В основании христианской антропологии лежит вопрос, который люди задавали, задают и будут задавать до скончания века, обращаясь к Тому, Кто превыше всего: *...что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его?* (Пс. 8: 5)

Обращенный к Творцу, этот вопрос пребывает жизненно важным для общества в целом и для каждой отдельной личности, что бы она из себя ни представляла. Об этом размышляет вся мировая литература с ее вершинами взлета человеческого духа и безднами его падения. В этом вопрошании заключена богословская первопричина всех духовных исканий сынов Адама от века и по сей день, которые и не прекратятся никогда, потому что немислима для человека жизнь, как говорили в старину, «без Бога в сердце и без Царя в голове».

В качестве обоснования приведу известные слова Блаженного Августина, которые он обратил к Богу в начале своей «Исповеди» — этого выдающегося произведения в области богословия человеческой души: «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе».

Что означали эти слова для самого Блаженного Августина, знает каждый, кто знаком с его «Исповедью». В ней автор рассказал о своем личном пути из стана сынов противления в сонм вестников Божиих. Мне же хотелось бы сейчас поделиться одним своим наблюдением, которое связано с историей перевода «Исповеди» и имеет прямое отношение к теме нашей встречи.

Успешный опыт перевода фрагментов «Исповеди» осуществил во второй половине XIX века Давид Александрович Подгурский; в 1860–1861 годах его работа была опубликована в «Трудах Киевской Духовной Академии», которую он окончил и где был профессором латинского языка.

Новейший перевод всего текста «Исповеди», которым широко пользуются современные читатели, был сделан инокиней Марией, в миру — Марией Ефимовной Сергеенко, дочерью Черниговской земли, выдающимся исследователем и знатоком античности и непревзойденным переводчиком древнелатинских текстов. Свой перевод и комментарии к тексту «Исповеди» она создавала отнюдь не в «башне из слоновой кости», а в блокадном Ленинграде. В личных записях о том времени инокиня Мария писала: «В зиму 1941–1942 годов жители Ленинграда держали экзамен на человеческое достоинство и экзаменовались у голода. Экзаменатор оказался беспощаден, а ученики оказались плохо подготовленными». И еще одна ее запись о том времени глубоко ранит душу: «Человеческое, оказывается, наведено очень тонким слоем на человеке...»

Мысль о человеческом достоинстве не оставляла Марию Ефимовну всю ее жизнь. В 1964 году она издала книгу «Простые люди древней Италии», написав в предисловии: «...они, эти незаметные атланты, держали на себе все хозяйство страны, и без них Римское государство не продержалось бы и одного дня. Настоящая работа и ставит своей задачей ближе показать этот трудящийся люд, простых людей древней Италии, тот ее костяк, который держал на себе всю страну».

Вот так она сформулировала свое понимание достоинства простого человека. Евангельская мысль о вселенской значимости повседневных мелочей христианской жизни не могла быть высказана в 60-е годы XX века прямо и открыто, но евангельская любовь и сочувствие к тем, которых, по словам апостола Павла, *весь мир не был достоин* (Евр. 11: 38), была ее жизненным *credo*.

Логика личного выбора Марии Ефимовны привела ее в годы гонений к иноческому по-

стригу. И сегодня мы молитвенно поминаем и благодарим инокиню Марию за ее принадлежность к духовной когорте, которая не оставила Православную Церковь в тяжкие времена.

По глубокому убеждению православных христиан, те святые, к житиям и трудам которых мы обращаемся, принимают наше внимание к ним как молитву и сами стремятся на помощь к земным братьям и сестрам. Этот пример я как раз и привел для того, чтобы обозначить тонкую незримую связь, которая удивительным образом обусловила духовное присутствие Блаженного Августина в осажденном городе на Неве, который через полвека вновь стал именоваться градом святого Петра.

Кто сей «удерживающий»?

На личном жизненном подвиге инокини Марии мы видим, как исполняется заповедь Спасителя: *Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство* (Лк. 12: 32). Вне всяких сомнений, в XX веке в это малое стадо входил еще одному Богу известный сонм подвижников, который стоял духовной преградой князю мира сего на всех фронтах его наступления на наше Отечество.

В связи с этим мне хотелось бы вспомнить об одном библейском феномене — именно феномене как явлению, данном нам в опыте. Я имею в виду слова апостола Павла из его Второго послания к Фессалоникийцам: *...тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь* (2 Фес. 2: 7). Это во многом таинственное изречение Апостола приоткрывает свой смысл, когда мы сопоставляем его с историей ходатайства праотца Авраама о жителях городов Содом и Гоморра.

Напомню, что Авраам, как повествует Книга Бытия, *стоял пред Лицем Господа. И подошел Авраам и сказал: неужели Ты погубишь праведного с нечестивым [и с праведником будет то же, что с нечестивым]? может быть, есть в этом городе пятьдесят праведников?* (Быт. 18: 22, 23)

Таковых не находилось, но Авраам просил ради сорока пяти, потом — ради сорока праведно живущих, затем ради тридцати, двадцати... Но их не было, и когда Суд Божий обнаружил и десятка, тогда *пошел Господь, перестав говорить с Авраамом* (Быт. 18: 33).

В каждой стране, в каждом народе, в каждом селении есть мера тех, кто удерживает священный дар жизни в этом месте, — удерживает его здесь и сейчас. Это и есть то *малое стадо*, ради которого непрестанно действующая *тайна беззакония* все-таки не совершается.

...Остался я один, но и моей души ищут, чтоб отнять ее (3 Цар. 19: 14), — в отчаянии возопил к Богу пророк Илия. Но он услышал в ответ: *...Я оставил между Израильтянами семь тысяч [мужей]; всех сих колени не преклонялись пред Ваалом, и всех сих уста не лобызали его* (3 Цар. 19: 18). Ради этого, к сожалению, постепенно уменьшавшегося сонма верных Северное Царство продержалось еще около ста тридцати лет, пока наконец не прекратило своего существования, растворившись в пестром вареве народов древнего мира.

Сегодня особенно чувствительные к эсхатологии неофиты любят назначать «удерживающими» многих — начиная от самих себя и заканчивая целыми социально-политическими и историческими институтами... Но дело как раз в том, что в эсхатологическом смысле удержание происходит именно на уровне сердец, а еще точнее — на уровне той правды, которую находит Господь в глубине человеческого сердца.

Священный дар жизни сохраняет на земле *сокровенный сердца человек в нетленной красоте кроткого и молчаливого духа* (1 Пет. 3: 4), как сказал о нем апостол Петр.

Именно в этом находит Святая Церковь опору для всех своих внешних действий, социального и миссионерского служения. Для того чтобы сохранить и приумножить эту *нетленную красоту*, ежедневно во время Божественной литургии за Евхаристическим каноном возносится молитва: *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс. 50: 12).

Значит, молитва о мире всего мира и о спасении всех является не только одним из прошений ектении, но онтологически свойственным качеством трехсоставной природы человека. Такими задумал нас Господь, создавая нас для Себя. И мы ответственны за тайну, скрытую в каждом сердце. Ответственность же эта призывает нас помнить, что от нашего сиюми-

нужного выбора, решения и поступка могут зависеть судьбы мира.

Где залегает фундамент?

Впрочем, мы бы не были объективны, не сказав о том, что личное достоинство человека согласно принципу свободы может развиваться в двух взаимоисключающих направлениях. В одном случае его развитие по Евангелию ведет к обожению человека, а в другом — достоинство может переродиться в мать всех грехов — в гордыню. Надо ли говорить, что гордыня прокладывает кратчайший путь в стан сынов противления? Об этом свидетельствует не только многовековой святоотеческий опыт, но и вся Библия, и Церковное Предание, и, к сожалению, современный опыт церковных расколов и нестроений.

Что составляет лекарство от гордыни? Какая прививка спасает от этой духовной онкологии?

В приходской педагогической практике в качестве ответа на этот вопрос чаще всего можно услышать увещания о необходимости смирения, сердечного сокрушения и памятования о своем недостойнстве...

Нисколько не отвергая эти разумные советы, я все же вправе усомниться в том, что смирение и памятование о грехах, равно как и другие христианские добродетели, могут развиваться без укоренения в какой-то почве. Должно быть нечто в душе и в сердце человека, что стало бы первоосновой для всех его религиозных переживаний и размышлений, что предоставило бы почву для возрастания его добродетелей. Причем это основание не может находиться в области душевной, чувственной, потому что именно здесь быстрее всего прозябают зачатки духовной прелести.

Наш фундамент лежит глубже.

Чтобы пояснить свою мысль, вновь призыву на помощь образ праведного Авраама, отца всех верующих в Единого Бога. Вот что говорит о нем апостол Иаков, ссылаясь на Писание: *Веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречен другом Божиим* (Иак. 2: 23).

Доверие человека Богу есть осознанная необходимость, в рамках которой человек ограничивает свою личную свободу и доверяет все обстоятельства своей жизни в Божественное управление. Ибо никто, кроме Господа, не может спасти человека от небытия для Вечной Жизни.

Но Апостол и Сам Господь наш Иисус Христос говорят о большем, чем доверительность; речь идет о возможности дружбы человека с Творцом. *Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам* (Ин. 15: 14), — читаем мы в Евангелии от Иоанна слова Спасителя. — *Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего* (Ин. 15: 15).

Также доносил до людей Закон Божий Боговидец Моисей, о котором сказано в Библии: *И говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим* (Исх. 33: 11).

Тонкость этой темы заставляет нас, следуя примеру библейских повествователей, не любопытствовать о личной тайне Авраама и Моисея. Но мы имеем право поразмыслить о характере той дружбы, которую имел в виду Христос Спаситель.

Сын Божий доверяет человеку сокровенные тайны Пресвятой Троицы. Выражаясь словами Библии, мы, христиане, знаем Бога по Имени Его Единородного Сына, и мы видели Его, и нам через Апокалипсис раскрыты события конца человеческой истории, и мы знаем о грядущем Восьмом дне творения.

Мы несем огромную, несравнимую с ветхозаветными временами ответственность за бремя знаний и откровений, которое возложено на нас Творцом. *Возьмите иго Мое на себя...* (Мф. 11: 29) — говорит Господь и одновременно утешает и ободряет нас уверением: — *Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко* (Мф. 11: 30).

Но нет ли здесь противоречия? Как может быть легким бремя соучастия человека в планах Божественного домостроительства, в миссии спасения мира, о которой в конечном итоге идет речь, когда мы задумываемся об эсхатологическом смысле бытия рода человеческого?

И снова в поисках ответа обратимся к истории.

Думал ли Авраам о себе как об отце верующих в Единого Бога, когда уходил из дома своего родства в неизвестность, во враждебный Харран, в языческую Ханаанскую землю?

Когда восходил на гору Мориа с возлюбленным сыном для совершения жертвоприношения, знал ли он, что каждый шаг его восхождения прообразует Крестную Жертву Сына Божия, решение о которой принято на Предвечном Совете Пресвятой Троицы?

Нет. Но — *веровал Авраам Богу*, и вера его спасла и прославила его, и он наречен *другом Божиим* (Иак. 2: 23).

Так и наша ответственность пред Богом, наше достоинство верующих людей состоит в сохранении личной верности Богу, в надежде на то, что и мы можем услышать Божественные слова: *Вы друзья Мои...* (Ин. 15: 14)

Вера в свою очередь не должна допускать и тени сомнения в верности Бога Своему Божественному Слову о нас. И наша способность проявлять эту верность не зависит ни от образованности, ни от достатка, ни от положения человека в обществе, ни от чего бы то ни было внешнего, потому что она является базовым свойством сердца, основанием его личности, фундаментом всей его жизни.

Господь вложил в нас совесть — добрый инструмент для умножения веры и утверждения в верности. Юный царь Соломон во мгновение стал Премудрым, потому что после тысячи ежедневных молитв и всесожжений он попросил у Бога не что иное, как *сердце разумное* (3 Цар. 3: 9). А все остальное приложилось к сему. Это заповедал и Господь наш Иисус Христос, сказав Своим ученикам и последователям: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6: 33). Указан Спасителем и путь поиска: *...вот, Царствие Божие внутри вас есть* (Лк. 17: 21).

«Сердце как орган высшего познания»

О сердце как «главном органе, где престол благодати и где ум и все помыслы душевные» боговдохновенно размышлял и святитель Лука (Войно-Ясенецкий), архиепископ Крымский и Симферопольский, в своей книге «Дух, душа и тело». Само название второй главы «Сердце как орган высшего познания» утверждает приоритет духовного измерения человеческой природы.

Напомню, что работа над этим эссе была начата святым архиереем-хирургом в 1920-е годы, но из-за неоднократных арестов, тюремных заключений и ссылок труд был завершен с 1945 по 1947 год. В этот период архиепископ Лука, назначенный в 1946 году на Крымскую кафедру, стал лауреатом Сталинской премии 1 степени за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений, которые он изложил в своих знаменитых «Очерках гнойной хирургии».

Какое удивительное и в то же время естественное сочетание возвышенного и земного, Божественного и человеческого мы видим в житии святителя Луки и в его научном и богословском наследии!

Как важно для всех нас, что даже в самые тяжкие годы антихристианских и антицерковных гонений пламень веры не угасал в христианских сердцах! Он теплился в одних едва заметным огоньком; в других был сокрыт в крошечном угольке под толстым слоем серого пепла; в иных полыхал во всю мощь, освещая всех и вся вокруг...

Юбилейный Архиерейский собор прославил более тысячи двухсот новомучеников и исповедников Российских, и сонм их продолжает возрастать год от года.

Но один лишь Бог знает, как взывали к Нему неведомые внешнему миру сердца миллионов; как порою в последнее мгновение в советском человеке восставал во всей своей силе и мощи *сокровенный сердца человек*, воспитанный веками православной истории, вскормленный молоком многих поколений христианских матерей.

И враг бывал разбит, и победа оставалась за нами. Причем не только во время войны и не только на полях сражений, но и в духоте кабинетов, и на сквознякахстроек, и в серых буднях, и в суете сует...

Завершая свои краткие размышления, которые скорее вводят в тему, чем раскрывают ее,

мне вспомнились проникновенные слова приснопоминаемого Сергея Сергеевича Аверинцева, которые он высказал по случаю сделанного им перевода Псалтири, самой востребованной в церковной практике ветхозаветной книги: «Хорошо войти в мир псалмов... где Божия защита — это твердая скала. Где все твердо и надежно, как камень. Где человек кричит изо всех сил, зная, что за пределами мира его слышат».

В продолжение этой мысли мне хотелось бы добавить, что там, за пределами мира, напряженно прислушиваются даже к молчанию сердец сынов Адама, внимательно всматриваются даже в их пустоту, и просят, и молят, *дабы они искали Бога, не ощутят ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого...* (Деян. 17: 27)

ТРАДИЦИИ, ОБЫЧАИ, ПРАВЫ: КАМНИ ПРЕТКНОВЕНИЯ ИЛИ СВЯЗУЮЩИЕ НИТИ ПОКОЛЕНИЙ?

Задумывались ли мы о том, что же общего в миссионерском плане объединяет все поколения людей, живших на земле от Сотворения мира? Полагаю, что в своем сверхисторическом значении

Миссия поколений состоит в том, чтобы соединять времена.

...Мы владеем всем тем, что дал нам в наследие Господь Бог наш (Суд. 11: 24), — говорит один из героев Писания. Это знаменательное слово *наследие* несет в себе двойственный оттенок восприятия.

С одной стороны, оно говорит о некоем наследстве, то есть совокупности имущества и жизненных наставлений, которые передаются от одного поколения к следующему.

С другой стороны, его корень указывает на предстоящий путь, который надлежит пройти новому поколению. Вначале оно будет идти след в след за предыдущим, а потом — самостоятельно, в свою очередь прокладывая тропу для начала пути новой генерации.

Так соединяются времена, следующие одно за другим по стопам человечества, грядущего из небытия в Вечную Жизнь.

Мне думается, что мы пользуемся словом «времена» в том случае, когда пытаемся выделить некий исторический фрагмент из общего непрерывного потока времени, чтобы осмыслить его. Если можно так выразиться, «времена» — это отрезок времени, получивший человеческую характеристику. Мы говорим «трудные времена» или «благословенные времена», мы восклицаем: «О времена, о нравы!» В этом смысле собственные «времена» каждого поколения всегда немного отстают от жизни этого поколения. Они следуют за ним по пятам, но все же отстают на то расстояние, с которого можно сделать первое заключение о том или ином моменте быстротекущего и безличного времени.

Не только о людях, но и о временах жизни человеческих сообществ сказано Господом Иисусом Христом, что *по плодам их узнаете их* (Мф. 7: 16).

Это значит, что каждое поколение живет в том времени, которое наследует, а свои собственные времена оно лишь сеет и возвращает. Пожинать плоды этой нивы, то есть жить в той среде, которую создали старшие, предстоит уже их наследникам. И горе тем, к чьему наследию относится риторический вопрос Спасителя о том, *собирают ли с терновника виноград, или с репейника смоквы* (Мф. 7: 16).

Наверное, в этом и состоит главная причина пресловутого конфликта поколений. Молодые пренебрегают временами, которые приготовили для них отцы, потому что не находят для себя истинной ценности в полученном наследии.

Древние говорили: «Отцы ели кислый виноград, а у детей на зубах оскомина». Однако Творец устами пророков Иереми и Иезекииля запретил в наследии Своем пользоваться этой пословицей.

Душа согрешающая, она умрет; сын не понесет вины отца, и отец не понесет вины сына, правда праведного при нем и остается, и беззаконие беззаконного при нем и остается (Иез. 18: 20; см. также: Иер. 31: 29, 30), — так сказал Господь. Но, как всегда, за отдельным человеком и за целым поколением остается свобода выбора, продолжать ли пути отцов или

изменять их — от благочестивого к незаконному или от греховного к праведному. Именно в этом и состоит, на мой взгляд, процесс формирования традиций, которые, подобно извести в кирпичной кладке, связывают времена и поколения. Вот только связь эта бывает разного духа, и в зависимости от этого она может иметь противоположную суть:

Оковы греха или узы любви.

По-латински слово «*traditio*» означает «передача». В русском тексте Писания это латинское слово, естественно, не встречается. Оно выражено понятием *наследие*, отчего я и уделяю ему сейчас столько внимания, ибо таким образом тема нашего форума расширяется до размышлений о том, что в духовно-нравственном и религиозно-культурном плане мы получили в наследство от наших отцов и что наследуют после нас наши потомки. В этом расширенном смысле я и намерен далее рассуждать о традиции.

О примерах христианских, нравственных, культурных и иных созидательных традиций можно говорить бесконечно. Чтобы избежать этого, расскажу лишь о том, как на очередном международном богословском форуме в кулуарном разговоре один протестантский пастор сказал: «Владыко, мы, западные христиане, лишь потому можем позволить себе перемены, новшества и эксперименты в религиозной сфере, что чувствуем за своей спиной незыблемую и неизменную традицию Православия. И мы знаем, что в любой момент, когда нам становится тяжело, мы можем опереться на нее, как на несокрушимую стену...»

Однако сегодня не только православная, не только христианская, но вся библейская традиция, все духовное наследие Творца переживает небывалый по мощи напор тьмы века сего. Традиция атакуется снизу, через враждебные обычаи и испорченные нравы. Наглядный и, как мне кажется, весьма символический пример у каждого из нас буквально на слуху, потому что речь пойдет о житии преподобного Серафима Саровского, 100-летие канонизации и 250-летие со дня рождения которого праздновались совсем недавно.

Духовный путь преподобного Серафима вместил все основные виды монашеского подвига — непрестанную молитву, столпничество, безмолвие, затвор, старчество; он был облечен дарами исцеления и пророчествования, его служение Богу и людям совершалось под непосредственным водительством Пресвятой Богородицы. Дивный Саровский старец стал живым воплощением многовековой христианской традиции и библейского Боговедения.

Но однажды этот светоч православной жизни подвергся жесточайшему нападению со стороны троих православных соотечественников — местных крестьян — и избежал кончины лишь чудом, находясь в течение недели между жизнью и смертью. Все последующие годы он был согбен из-за полученных тяжелых травм, но остался верен православной традиции до конца — простил преступников, потребовал их не наказывать, а на искалеченной спине носил котомку с песком и отвечал на недоуменные вопросы: «Томлю томящего мя»...

Было бы наивно думать, что эти крестьяне были какими-то особенными извергами. Просто, по обычаю, бытовавшему среди немалой части жителей среднерусских лесных раздолей, они нередко «баловались разбоем» на больших дорогах. Вместо того чтобы порадоваться *о принесших, и ихже ради принесоша* свои скромные дары Саровскому подвижнику, они, согласно обычному для себя стереотипу поведения, решили ограбить пустынножителя, экспроприировав якобы имевшееся у него сокровище. Идея грабежа была, вероятно, частью их порочного нрава, который питался чуждым христианства обычаем.

Тем не менее, прошло несколько десятилетий, и вот уже российский элитарный поэт-интеллектуал, баловень «серебряного века», написал в своей революционной поэме: «Запирайте этажи, нынче будут грабежи!» Как говорили древние римляне, *sapienti sat* — разумеющему достаточно.

Так к жизни оказалась призвана новая традиция, сформулированная для «просвещенного общества» западноевропейскими вольнодумцами. Она оказалась по сердцу не только русским, но и европейским простецам, склонным к разбою, и породила в XX столетии две мировые войны, нескончаемые революционные смуты, «красные» и «коричневые» диктатуры, террор и неисчислимы трагедии, свидетелями и участниками которых были, по меньшей мере, четыре поколения наших соотечественников.

В принципе, те трагические судьбы, которые постигли три столпа российской державности — я имею в виду отказ от самодержавия, гонения на Православие и извращение такого понятия, как народность, — не были беспрецедентны в хрониках человеческого рода, в библейской истории в целом.

После десятилетий Вавилонского пленения и первых попыток ответить на вопрос, как возродить и обустроить разрушенный Иерусалим и субботствующую землю своего наследия, священник Ездра услышал от Господа причину причин всех национально-государственных трагедий. *Когда Я уготовлял век, прежде нежели он был, для обитания тех, которые живут ныне в нем, никто Мне не противоречил* (3 Езд. 9: 18), — услышал Ездра слова Творца. — *А ныне, когда век сей был создан, нравы сотворенных повредились... И рассмотрел Я век, и вот, оказалась опасность от замыслов, которые появились в нем* (3 Езд. 9: 19, 20).

Итак, чтобы останавливать возникающие во все времена и во всех народах опасные замыслы, механика разрушения, которая заложена в порочных нравах, в развращенных обычаях и в чуждых традициях, направляется Промыслом Божиим, согласно внутренней логике ее развития, на тех, кто сам стремится к разрушению «старого мира».

Такое случается со скорпионом: когда его ярость уже не находит выхода ни на что живое, он поражает в голову самого себя. Так революция уничтожает своих творцов. Так мифологический Хронос страха ради пожирает своих детей.

Так что же произошло с нами в XIX и XX веках — гибель богов или торжество веры? Пасхальное исповедание наше дает твердый и однозначный ответ:

«Призванные к вечному наследию получили обетованное» (Евр. 9: 15).

Именно эти слова апостола Павла определяют в одном предложении основные духовные итоги самого жестокого столетия, каким стал XX век, завершающий вторую тысячу лет от Рождества Христова.

Мы видим и свидетельствуем, что живая традиция Православной Церкви не умерла. Она и не может умереть, ибо сказано Спасителем: *...Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее* (Мф. 16: 18). Степень ее востребованности обществом — вот что является предметом пререканий и сегодня, и сто, и двести лет назад. Для себя вся Полнота нашей Церкви уже определила смысл и итоги пережитого в XX столетии и запечатлела свой вывод на иконе Собора новомучеников и исповедников Российских, в ее ликах и клеймах, изображающих события гонений и подвигов.

В книге Иисуса, сына Сирахова, есть слова ее автора, которые в определенной степени отражают характер миссии Православной Церкви в период гонений и «заморозков».

Много бессонного труда и знаний положил я в это время, — пишет библейский повествователь, — чтобы довести книгу до конца и сделать ее доступною тем, которые... желают учиться и приспособляют свои нравы к тому, чтобы жить по закону (Сир., предисл.). Вся история нашей страны, история рода человеческого — это летопись отхода от наследия Божия и возвращения к нему.

Эти движения народных нравов можно было бы сравнить с движением маятника в сторону десницы Господней или в сторону шуицы лукавого, если бы его колебания не были столь неритмичны, а исторические периоды движения не отличались различной протяженностью — от нескольких веков до нескольких дней.

Благо Отечества нашего состоит в том, что в нем всегда сохраняется малый остаток, верный отеческой православной традиции. Святейший Патриарх Алексий в начале 90-х годов говорил, что за тысячу лет Православие вошло в хранилища генетической памяти наших соотечественников, и нужно лишь время, чтобы оно возродилось и принесло плоды.

Сегодня мы свидетельствуем об истинности этого убеждения, и нас не смущают социально-психологические парадоксы наших дней, когда в центре Москвы одновременно существуют воссозданный Храм Христа Спасителя с иконой Царственных страстотерпцев и усыпальница вождя, ушедшего в путь всея земли, но так и не преданного родной земле. Такое сосуществование свидетельствует, что мы уже совершили свой Исход из духовного рабства и странствуем по пустыне, чтобы преодолеть рабскую традицию и изжить обычаи несво-

бодных. А значит, нам еще предстоит много *учиться и приспосабливать свои нравы к тому, чтобы жить по Закону Божию.*

Впрочем, парадоксальными бывают и внутрицерковные, а вернее, околоцерковные процессы, особенно в столь сложные и многосуетные времена, какими представляются наши дни. Эти парадоксы порождены не общими категориями, какими являются традиции, обычаи и нравы, но их своеобразным преломлением в сознании личности. Позволю себе привести пример того, как противоположные традиции пытаются ужиться в одном мировоззрении или, образно говоря, как современному церковному сознанию предлагают делать выбор:

Симфония церковного пения или «музыка революции»?

Не секрет, что интерес к монархическим династиям и к монархии как способу правления сегодня обострен. Прославление со святыми Царственных страстотерпцев и споры об их останках составляют одну сторону процесса. Другой стороной этой медали является неомонархическое движение, требующее почти немедленного восстановления самодержавия в России.

Под эту программу создается специальная идеология и подыскиваются соответствующие идеологи. Деятельность неомонархистов строится по революционно-партийному сценарию: по всей стране и в ближайшем зарубежье формируются первичные ячейки, агитация ведется преимущественно среди непросвещенных слоев населения и первыми ее жертвами становятся, как правило, религиозные неофиты.

Удивительно, но активисты этого движения пытаются прикрывать его «ревностью о вере», «заботой о чистоте Православия», «охранением веры отцов от модернизма» и так далее. Не имея ни глубоких знаний в области истории Церкви и богословия, ни систематического религиозного образования, ни достаточного духовного опыта, эта «группа товарищей» на деле усиленно компрометирует не только историческую идею православной монархии, но и основополагающие принципы церковно-государственной симфонии. А они, как известно, строятся на добродетели послушания.

Но как можно предполагать верность нынешних неомонархистов предполагаемому самодержцу, если они не проявляют даже элементарного церковного послушания?!

Не слушающий соборного гласа Церкви, ни слова Патриарха, ни мнения Священноначалия, которых видит пред собою, как может хранить верность и послушание самодержавному правителю, которого не знает?

...До первой своей прихоти, когда она не совпадет с монаршей волей. А далее разнесется вопль по Руси, мол, царь — не настоящий, и новые революционные смуты захлестнут землю...

Премудрый Екклесиаст изрек в свое время, что *сердце царя — в руке Господа, как потоки вод: куда захочет, Он направляет его* (Притч. 21: 1). Так не следует ли предоставить Промыслу Божию совершение исторической правды, а не вынуждать Церковное Священноначалие исполнять требования некоторых любителей истории Российского средневековья?

Думаю, что сторонникам революционных преобразований в лоне Церкви следовало бы в большей степени прислушиваться и к следующим словам Книги Притчей: *Всякий путь человека прям в глазах его; но Господь взвешивает сердца* (Притч. 21: 2).

Церковная традиция основывается на соблюдении, в первую очередь, прав Господа в отношении человеческой истории. И подменять эту многовековую традицию лоббированием частных мнений отдельных исследователей старины никому не будет позволено. Революции в Церкви нет, не было и не будет!

Но для этого личность христианина должна быть свободна во Христе и готова с глубоким осознанием своей ответственности исповедать, вторя Псалмопевцу:

«Господь есть часть наследия моего и чаши моей» (Пс. 15: 5).

Божественное наследие неотделимо от чаши, которую необходимо принять и испить. Эта чаша триедина, ибо прообразована евангельскими событиями Тайной Вечери, Гефсиманско-

го моления и Голгофских страданий. Мы не призваны к выбору одной из них. Мы призваны принять и радость Евхаристии в Сионской горнице, и смертельную скорбь в саду на Елеонской горе, и Божественную Кровь, пролитую распинателями.

Прислушаемся к тому, как выразил священный трепет этого всецелого соединения со Христом приснопоминаемый раб Божий Сергей Аверинцев в своем «Стихе о уверении Фомы»:

Глубину Твоих ран открой мне,
покажи пронзенные руки,
сквозные раны ладоней,
просветы любви и боли.

Кровь за Кровь, и тело за Тело,
и мы будем пить от Чаши;
блаженны свидетели правды,
но меня Ты должен приготовить.
Ты назвал нас Твоими друзьями,
и мы будем пить от Чаши...

Ты был мертв, и вот, жив вовеки,
в руке Твоей ключи ада и смерти;
блаженны, кто верует, не видев,
но я ни с кем не поменяюсь.

Верю, что автор этих пронзительных слов теперь уже знает из первых уст, насколько близкими оказались они апостолу Фоме, от имени которого поэт исповедал свою веру.

И мы знаем, что почти два тысячелетия, прошедшие от дней тех евангельских уверений, не разделяют, но объединяют их друг с другом, и нас с вами, и нас с ними. Ибо все мы — наследники Единой Чаши, и, по слову, сказанному Боговидцем и Законодателем Моисеем, Божественный *Владыка пройдет посреди нас... простит беззакония наши и грехи наши и сделает нас наследием Своим* (Ср.: Исх. 34: 9).

ДРУЖБА — ДОЧЬ ПРОСТОТЫ И ДОВЕРИЯ

«Друзья мои, прекрасен наш союз!» — воскликнул Александр Сергеевич Пушкин в одном из своих стихотворений. Слова эти очень распространены в образованной среде, их обильно цитируют. Но именно следующая строка, которая вспоминается гораздо реже, как раз и открывает нам глубокий смысл самого союза дружбы: «Он, как душа, неразделим и вечен...»

Цельность личности, о которой мы размышляли выше, является естественным и очевидным основанием для дружбы. Я чуть не сказал «крепкой» дружбы, но спохватился, потому что никакой иной дружба не бывает: без цельной крепости дружба вообще перестает быть. И тогда речь может идти лишь о более простых, хотя и не менее важных формах человеческой привязанности: о товариществе, о приятельстве, о знакомстве, то есть о том, чем традиционно богат любой нормальный человек.

Но дружба — это состояние другого рода, и она редка именно потому, что может существовать лишь в своем чистом, тяготеющем к совершенству виде.

Там, где личность разделена сама в себе, а душа не в состоянии достичь цельности, — там нет и почвы для дружбы. Союз дружбы напрямую зависит от качества личности и от состояния души — вот почему «он, как душа, неразделим и вечен».

«Орудие Божие»

Феномен дружбы и по природе своей подобен феномену души и потому чрезвычайно сложен в исследовании: о нем хочется сказать так много, а словами можно выразить так ма-

ло! И нам надлежит отдать дань благодарной памяти английскому христианскому мыслителю, литератору и лингвисту, профессору Клайву Льюису за его глубокое исследование этой темы в эссе под названием «Любовь». «Дружба — не награда за ум или вкус, а орудие Божие, — пишет он, — с ее помощью Господь открывает нам красоту другого человека. Этот человек не лучше сотен прочих, но мы увидели его».

Так во времена молодости человеческого рода Господь увидел Авраама, отца всех верующих во Единого Бога. Увидел и избрал, ибо тот ходил пред Богом непорочно. *Веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречен другом Божиим* (Иак. 2: 23), — свидетельствует в своем Послании апостол Иаков. Ветхозаветный евангелист пророк Исаия также передает в словах обращения Господня к потомкам Авраама очень важное для нас определение: *...семья Авраама, друга Моего* (Ис. 41: 8).

Но как может человек, сотворенный из праха земного, быть другом Бога?

Когда взираю я на небеса Твои — дело Твоих перстов, на луну и звезды, которые Ты поставил, то что есть человек, что Ты помнишь его, и сын человеческий, что Ты посещаешь его? (Пс. 8: 4, 5) — недоумевал в свое время псалмопевец Давид, которого Господь, по свидетельству Писания, нашел *по сердцу Своему* (1 Цар. 13: 14). И вслед за этим Давид в своем псалме приоткрывает завесу над антропологической тайной человека: *Не много Ты умалил его пред Ангелами: славою и честью увенчал его; поставил его владыкою над делами рук Твоих; всё положил под ноги его* (Пс. 8: 6, 7).

Так при каких же обстоятельствах рождается дружба Творца и человека, который после грехопадения носит в себе уже не только рай, но и ад?

Вспомним историю избрания Авраама: он *веровал Богу*, то есть доверял Ему безусловно и безраздельно, не раздумывая и не давая себе усомниться. Человек доверял Богу до самопожертвования, до пожертвования сына своего едиnorodного, единственного, заветного... Последнее было для верующего сердца Авраамова выше всех сил. Ведь требование человеческого жертвоприношения Богу Всевышнему было невозможно понять, ибо это противоречило смыслу веры, превосходило возможности разума и преодолевало границы рассудка!

Но результатом доверия Богу было откровение Аврааму на горе Мориа тайны грядущего спасения человеческого рода, а также участие самого Авраама и его сына в этом откровении в качестве центрального прообраза.

...А в те дни, часы и мгновения, когда старец и его сын шли к холмам Салима, восходили на будущую Храмовую гору, слагали из камней жертвенник, — в то время они еще не знали, что *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3: 16). Отец доверял Богу, сын доверял отцу, они верили Господу, — и это было единственно возможным и единственно верным состоянием сердца и ума, при котором они устояли в вихре страшных мыслей, под тяжестью гнетущих искушений и во мраке неизвестности.

То было явлением дружбы Творца и Его творения, какой не бывало на земле со времен изгнания праотцев из рая. Полное доверие, не растворенное ничем иным, простое и чистое, без примеси тонкого яда, который в мире падшего человека способен исходить от любой мысли и вещи.

Дружба — это больше, чем одно из проявлений привязанности, чем один из видов любви. Дружба представляет собой состояние, которое до грехопадения было естественным для первозданного человека в его отношении ко всем и ко всему.

Так дружил Господь с нашими праотцами, пребывавшими в Эдемском саду. Спустя долгое время, в ином мире и в иных обстоятельствах, Авраам оказался способен на такую дружбу, ради которой он был избран и призван.

...И здесь мне вспоминается то, как была восстановлена дружба Иисуса Христа и отрекшегося от Него Симона, сына Ионы. Во время трапезы на берегу Галилейского моря Спаситель трижды спросил Петра, любит ли он Его, и трижды Петр отвечал одинаково: *Так, Господи! Ты знаешь, что я люблю Тебя* (Ин. 21: 15). Но, опечалившись после третьего повторения вопроса, он добавил: *Господи! Ты все знаешь; Ты знаешь, что я люблю Тебя* (Ин. 21: 17).

Симон Ионин не произносил покаянных слов, не пытался оправдаться и не умолял о прощении. Он доверил Сыну Божию свое сердце, открыл его и впустил Бога в свое самое со-

кровенное, об истинном содержании которого сам он — может быть, уже, а может быть, еще — ничего не знал. Он призвал Бога увидеть и оценить то, что составляет самую глубинную суть его, Симоновой личности, и совершить над ней Свой Страшный Суд: *Ты все знаешь...*

И если в руках Бога дружба — это орудие исследования сокровенных глубин человеческой личности и средство воплощения в жизнь ее лучших качеств, то в руках человека дружба становится ключом, которым он открывает дверь своего сердца пред Богом, услышав Его призывание: *Се, стою у двери и стучу: если кто услышит голос Мой и отворит дверь, войду к нему, и буду вечерять с ним, и он со Мною* (Откр. 3: 20).

Среди великих мужей ветхозаветной истории лишь Авраам и Моисей были названы друзьями Бога.

О Боговидце сказано, что *говорил Господь с Моисеем лицом к лицу, как бы говорил кто с другом своим* (Исх. 33: 11). Авраам и Моисей были удостоены таких откровений Всевышнего, равных которым не было вплоть до проповеди Иисуса Христа — Сына Божия, Сына Человеческого.

С тех пор прошли века и тысячелетия, и вот в дни земного служения Христа Спасителя круг друзей Бога расширился до двенадцати и вскоре — до семидесяти человек. А потом этот круг и вовсе раскрылся для любого, кто пожелал бы войти в него, при одном лишь условии, что он будет в полной мере сознавать меру принимаемой на себя ответственности.

Апостол Иоанн Богослов излагает в Евангелии, как совершилось это таинственное сближение и соединение узами дружбы Бога и человеческого рода.

«Вы друзья Мои»

Заповедь о любви и о таинстве дружбы Иисус произнес во время Тайной Вечери. Сказанное Им столь важно и многозначительно, что станет основанием для наших дальнейших размышлений о дружбе.

Сия есть заповедь Моя, да любите друг друга, как Я возлюбил вас. Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих. Вы друзья Мои, если исполняете то, что Я заповедаю вам. Я уже не называю вас рабами, ибо раб не знает, что делает господин его; но Я назвал вас друзьями, потому что сказал вам все, что слышал от Отца Моего... Сие заповедаю вам, да любите друг друга (Ин. 15: 12–15, 17).

Мы видим, что в отношениях Бога и человека сложилось принципиально новое положение вещей. Теперь каждый призывается к дружбе с Творцом и принимает на себя ответственность быть таковым в меру того, как он сам начинает постигать, что же Сын Божий слышал от Отца Своего.

Бог открыл Себя человеческому роду в полноте Пресвятой Троицы; все Три Лица, все Три Ипостаси Божии явлены в мире людей, и это доверие Всевышнего обязывает человека быть достойным такого откровения, такого предложения дружбы.

Отсюда исходит и единственное средство для поддержания этой дружбы: мы только тогда имеем право, честь и достоинство быть друзьями Христа Спасителя, когда исполняем то, что Он заповедал нам. Иначе обратной дружеской связи не будет, и человек останется более или менее благочестивым потребителем милости и благодати Божией, которая преподается ему свыше с любовью, но по снисхождению к его немощи и из сострадания.

И конечно же, каждый понимает, что другом может назвать человека только Сам Бог, а из здравомыслящих людей сам никто и никогда не осмелится принять на себя эту прерогативу Пресвятой Троицы. Потому что Бог знает о каждом из нас все, а мы способны вместить лишь то знание о Нем, которое доступно нашей природе, или, как поет Церковь в праздник Преображения Господня, *якоже вместилаху ученицы Твои, славу Твою, Христе Боже, видеша...*

Говоря о Боге, о Царствии Небесном, о тайнах Вечной Жизни и — что сейчас особенно важно для нашей мысли — о взаимном познании Бога и человека, апостол Павел разъяснял христианам Коринфа: *Теперь мы видим как бы сквозь тусклое стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан* (1 Кор. 13: 12).

И далее святой Апостол неожиданно указывает три нити, которые дружески связывают

нас, земных, с Небом, с Творцом, с Вечностью: *А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь* (1 Кор. 13: 13). И что более всего знаменательно, так это его своеобразное примечание: *...но любовь из них больше* (1 Кор. 13: 13).

«...Если будете иметь любовь»

Об этом и поразмыслим. Потому что в Евангелии от Иоанна Христос Спаситель также именно с любовью связывает право христиан быть сонмом Его друзей: *По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою* (Ин. 13: 35).

Мы можем догадываться о том, почему любовь больше надежды, — может быть, потому, что надежда, как принято считать, умирает последней, а *любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится* (1 Кор. 13: 8). Но почему любовь больше веры? И может ли любовь оправдать и спасти для Вечной Жизни человека, который не знает Бога или не имеет осознанной веры в Него? И что же дает человеку силы для того, чтобы утверждать в своем сердце образ и подобие Божие, совершая свой личный подвиг любви?

В истории нашего земного Отечества и в нашем современном обществе это вопрос чрезвычайной важности. Поиск ответов на него ведется все более интенсивно по мере осмысления обществом того, как жила великая страна без Церкви и без Бога десятки лет. Как она одерживала победы и чем оплачивала их? Как же, наконец, сложились посмертные пути искренних граждан атеистического государства, которые не были христианами, не являлись членами Церкви и даже не считали себя верующими в традиционном смысле этого понятия? И почему все это время мы воевали — то с внешним врагом, то сами с собой?..

О причине постоянных войн — а я имею в виду и братоубийственную гражданскую смуту, и Великую Отечественную войну, и репрессии, и трагедии военных действий в Афганистане, и боль кавказских боев, — об их причине в Писании сказано коротко и всеобъемлюще: *Избрали новых богов, оттого война у ворот* (Суд. 5: 8). Но мне кажется, что на примере боевого братства, на примере воинской дружбы мы сумеем быстрее и точнее понять слова Иисуса Христа о том, что *нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15: 13).

Во время сражения не остается места полутонам или оттенкам человеческих отношений: жизнь и смерть сходятся так близко, что тени больше нет. В таких обстоятельствах героизм и предательство, мужество и трусость становятся не крайними понятиями, а сиюминутной реальностью, вариантами мгновенного выбора. И тогда раскрывается глубинная, стержневая суть личности. И мне думается, что в этот момент бытия молитвенные труды христианских предков способны принести свой спасительный плод в сердцах поколений, рожденных после них.

Святейший Патриарх Алексий Второй однажды назвал это порою даже не всегда осознаваемое, подсознательное влияние Православия на судьбы наших современников «генетической христианской памятью» поколений. И речь здесь идет не о «границах Церкви» и не о тайне спасения. Мы говорим лишь о жертвенной любви — той, которая лежит в основании видимого и невидимого мира и оправдывает тех, кто способен выразить ее делом.

Сергей Сергеевич Аверинцев в своей статье под названием «Неожиданность здравомыслия» писал, рассуждая о взглядах Гилберта Честертона: «Как все на земле — чудо, все на земле — битва, нет ничего, что не было бы битвой. Знание этого совершенно необходимо, чтобы говорить о жизни, о самой сердцевине жизни». Это очень верно и точно сказано...

Но дальше автор допускает оговорку: «Для чего оно (это знание — М.Ф.) не годится, так это для разговора о реальной войне, совершающейся не в человеческом духе и не в тихом садике раздумий, а на грязи полей и дорог, месимой солдатскими сапогами, — но это другой вопрос». И здесь мне хотелось бы, вопреки оговорке Сергея Сергеевича, соединить битву человеческого духа с тем самым «другим вопросом», то есть с потом и кровью окопных солдатских будней. Потому что наши ветераны любой из войн XX столетия почти единодушно исповедуют, что «в окопах неверующих не бывает».

И мне кажется, каждый, кто пережил гибель боевых друзей, верит обетованию Христа

Спасителя о грядущей встрече (См.: Ин. 16: 22) и вторит Его словам, обращаясь к своим погибшим братьям по оружию: «Мы увидимся с вами опять, и возрадуются сердца наши, и радости нашей никто не отнимет у нас».

О том, как близка эта правда реальной войны битвам человеческого духа, свидетельствует признание преподобного Силуана Афонского, выстраданное на поле духовного сражения, которое он вел весь свой монашеский век: «Молиться за людей — это кровь проливать».

«Друг, для чего ты пришел?»

Говоря о дружбе, мы неизбежно вспомним и о предательстве. Но уже не в контексте войны и мира, а несколько глубже — в евангельской истории.

После Тайной Вечери Иуда знал тайну спасения мира. По определению, он был в кругу друзей Иисуса. И когда в Гефсиманском саду он приблизился к Учителю, Иисус задал ему два вопроса. Вспомним их в той последовательности, в которой описывают события Страстной ночи евангелисты Матфей и Лука.

Иуда, *подойдя к Иисусу, сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его. Иисус же сказал ему: друг, для чего ты пришел?* (Мф. 26: 49, 50) — свидетельствует апостол Матфей. Апостол Лука приводит еще одно вопрошание Христа Спасителя, которое чаще вспоминается и охотнее цитируется: *Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого?* (Лк. 22: 48)

Иуда предал больше, чем своего Учителя, и больше, чем Сына Человеческого. Он сделал то, о чем говорили и предупреждали ветхозаветные авторы Писания. *Открывающий тайны потерял доверие и не найдет друга по душе своей* (Сир. 27: 16), — утверждал Иисус, сын Сирахов. — *Рану можно перевязать, и после ссоры возможно примирение; но кто открыл тайны, тот потерял надежду на примирение* (Сир. 27: 22, 23).

Существуют разные мнения о том, вкусил ли Иуда преломленного Хлеба и испил ли из благословенной Чаши или же покинул Сионскую горницу прежде совершения Евхаристического канона. Во всяком случае, он знал многое, но вместо того чтобы воздать благодарение, он совершил предательство.

И здесь мне вновь вспоминаются слова Сергея Сергеевича Аверинцева из уже упомянутой статьи: «Благодарность, — говорит он, — это самое сердце счастья; вычтите из счастья благодарность, и что останется? — всего-навсего благоприятные обстоятельства, не более того. А всерьез поблагодарить — дело поистине серьезное, и кто знает людей, знает, что оно дается нелегко».

Основополагающим из семи Церковных Таинств пребывает Евхаристия. Само это слово, означающее «благодарение», выражает таинственную суть спасения. Молясь у престола, священнослужитель возносит ко Господу слова: *Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся... Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи, и молим Ти ся, Боже наш.*

Обращение Иисуса к Иуде не оставляло для последнего никаких возможностей для самооправдания. Он не воздал благодарения, но открыл врагам тайну в разгар вселенской духовной — а для Сына Человеческого и физической — битвы за человека, за весь человеческий род.

Что бывает, когда люди утрачивают способность дружить между собой, передает нам Писание. Воистину пророчески звучат слова о том, что, когда *все друзья ополчатся друг против друга, тогда сокровится ум, и разум удалится в свое хранилище. Многие будут искать его, но не найдут, и умножится на земле неправда и невоздержание* (3 Езд. 5: 9, 10). Увы, современная жизнь предоставляет более чем достаточно примеров для подтверждения истинности этих горьких пророчеств.

«...Взойдет утренняя звезда»

...Полагаю, что и в жизни каждого из нас, наверное, есть опыт переживаний, связанный с предательством друга. Не стану разглагольствовать на эту тему, но для ободрения прочту простое, светлое и мудрое стихотворение молодой белорусской поэтессы Любви Шелег, безвременно ушедшей из этого мира:

Обманет друг — познаешь много.
Познаешь много — найдешь дорогу.
Найдешь дорогу — мудрее станешь.
Мудрее станешь — любовь узнаешь.
Любовь узнаешь — душа родится.
Душа родится — жизнь состоится.

Все может обратить во благо любящий Господь, непреложны обетования Которого о том, что *претерпевший... до конца спасется* (Мф. 10: 22).

А это значит, что, приближаясь к завершению нашего краткого размышления о дружбе, мне хотелось бы пожелать всем нам, а наипаче нашему молодому поколению, всемерного развития своих способностей быть другом, уметь дружить и дарить свою дружбу тому человеку, которого мы вдруг увидим очами сердца. Ведь тогда наши души взаимно раскроются, как цветы на солнце, и наполнят наши сердца радостью. И тогда, по словам апостола Петра, *воистину взойдет утренняя звезда в сердцах ваших* (2 Пет. 1: 19).

Эта звезда пребывает истинным символом свободы человеческой личности. И всякий раз, когда мы вспоминаем величественное обетование Господа нашего Иисуса Христа о том, что *истина сделает нас свободными* (Ср.: Ин. 8: 32), я призываю всех нас вспоминать и увещевание о свободе, которое было произнесено Премудрым сыном Давидовым Соломоном: *Любовь и дружба освобождают*, — обращается он к каждому из нас, — *сбереги их для себя... сохрани пути твои благоустроенными* (Притч. 25: 10).

СЕМЬЯ КАК МАЛАЯ ЦЕРКОВЬ В СЛУЖЕНИИ БОГУ И ЛЮДЯМ

Что такое человеческая семья? Какое значение она имеет в устройении личной и общественной жизни людей и целых народов? Какой смысл придает Божественное домостроительство развивающемуся союзу мужчины и женщины?

Обо всем этом задумывается каждое поколение рода человеческого. И это не случайно, потому что за свою долгую историю потомки Адама и Евы не могли не увидеть теснейшей связи между состоянием семьи как социального института и состоянием общества, а порою и всей цивилизации в целом.

Духовное благополучие семьи как стратегический национальный вопрос

Внимательный взгляд весьма скоро устанавливает закономерность общественного созидания: его вектор всегда направлен от семейного строительства к державному устройению. Подтверждением тому является вся священная библейская история, да и вообще каждый период истории рода человеческого вплоть до ее новейших событий.

Последовательность распада цивилизации зеркально отражает формулу ее созидания: деградация семей неизбежно приводит к вырождению народов. Поэтому, когда мы читаем в Библии призыв Боговидца Моисея: *Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое* (Втор. 30: 19), — мы без сомнения относим его и к себе лично, и к каждой семье нашего народа.

Выражаясь современным языком, можно без преувеличения сказать, что духовное благополучие семьи является стратегическим вопросом жизни нации.

Основы библейского учения о семье

Примечательно, что в Библии мы не находим компактно собранного в одной из книг свода прямых рекомендаций о том, как строить семейную жизнь. Библейское учение о семье рассредоточено по всему объему Писания, и, чтобы полнее узнать его, необходимо исследовать его целиком, во всей полноте. Тем не менее Благословие Творца, данное раз и навсегда в Шестой день творения, в равной степени относится ко всем, вступающим в брак: *И благословил их Бог, и сказал им Бог: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте... над всею землею* (Быт. 1: 28).

Значительная часть содержания Книги Бытия представляет собой своего рода патриархальные семейные хроники, в которых отражена чрезвычайно важная закономерность домостроительства Божия. По мере того как род человеческий забывал о своем богозаповеданном призвании, Господь воздвигал отдельных людей из народа, чтобы напоминать о Боге и вещать Его волю.

От начала времен мир спасается не большинством, но теми, которые в Евангелии названы *малым стадом* (См.: Лк. 12: 32). Так Господь призывает одного человека, единственное семейство, выводит его из земли родства в землю обетования, чтобы шаг за шагом приближать все мироздание к Рождеству Христову. *Авраам... рад был увидеть день Мой*, — говорил Христос Спаситель, — *и увидел и возрадовался* (Ин. 8: 56).

По мере взросления человечество стало остро нуждаться в духовно-нравственном и практическом наставлении о том, что смертельно опасно для семьи, а значит, и для народа. Синайский закон впервые четко и строго обозначил запретительные меры, призванные ограждать семью от распада. На скрижалях Завета, врученных Моисею, три статьи из десяти посвящены фундаментальным принципам семейного бытия. Две из них гласят: *Почитай отца твоего и мать твою... Не прелюбодействуй* (Исх. 20: 12–14). Несколько позже мы более подробно обратимся к третьей заповеди — *не убивай*.

В Евангелии Христовом закон становится еще более строгим в вопросах развода, позволяя его только по причине прелюбодеяния: *Моисей по жестокосердию вашему позволил вам разводиться с женами вашими*, — говорит Спаситель и подчеркивает, что *сначала не было так* (Мф. 19: 8).

Здесь же мы слышим из уст Сына Божия новое, удивительно глубокое и предельно четкое определение семьи: *...оставит человек отца и мать и прилепится к жене своей, и будут два одною плотью, так что они уже не двое, но одна плоть. Итак, что Бог сочетал, того человек да не разлучает* (Мф. 19: 5, 6). В этих словах заключены богословские и психологические, биологические и социальные основы как общего учения о семье, так и повседневной практики семейной жизни.

«Следы Троицы» в семье

Что же дает нам основание называть семью малой Церковью и проводить прямые сравнения этой, казалось бы, частной области жизни мужчины и женщины с богоустановленным Ковчегом спасения, Главою которого является Сам Господь Иисус Христос?

Задавшись целью, мы найдем в Писании множество советов, наставлений и рекомендаций по прикладным вопросам жизни семьи. Это тема может составить предмет особого фундаментального исследования, но сейчас мне бы хотелось ограничиться следующим высказыванием Христа Спасителя: *Истинно также говорю вам, что если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного, ибо, где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них* (Мф. 18: 19, 20).

Здесь мы видим основополагающий принцип созидания Церкви и в равной степени — цель, способ и смысл построения семьи. Исходя из этого, мы вправе уже с большей определенностью рассматривать утверждение о том, что семья может и должна являть собою малую Церковь Христову.

В подтверждение приведу слова преподобного Иоанна Дамаскина: «Они соединяются... не так, чтобы сливались, но так, что тесно примыкают — Один к Другому, и имеют взаимное проникновение без всякого слияния и смешения». Под словом «Они» преподобный в своем «Точном изложении православной веры» подразумевает Пресвятую Троицу — Отца и Сына и Святого Духа. Однако в контексте триединой природы человека эти слова можно применить также и к супружеской паре, имея в виду духовную, душевную и телесную область взаимодействия мужа и жены.

Каппадокийские отцы с определенной мерой условности также уподобляли Божественную кинонию общению трех человеческих личностей. Размышляя таким образом, они с полным основанием утверждали, что опыт любви, опыт любящего и любимого представляет собой достаточно приемлемую аналогию в размышлениях о внутритроицественной жизни Пре-

святой Троицы.

Сотворенный по образу и подобию Божию, человек находит тринитарные аналогии как в себе самом, так и в межличностном общении. В семье, где двое собираются во Имя Господне, родившийся третий делает совершенным проявление любви обоих супругов к себе самим, друг ко другу и к родившемуся от них существу.

Богословие любви Небесной, Божественной и любви земной, человеческой основывается на истине о том, что *Бог есть любовь* (1 Ин. 4: 8) и что *так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную* (Ин. 3: 16).

Человек как личность реализуется в общении. Как образ и подобие Божие он раскрывается в любви к Богу и к своему ближнему. В кругу семьи возможность самореализации всех ее членов может раскрываться безгранично. Но она может и погибнуть, не раскрывшись вовсе, как свидетельствует печальный, а порою даже ужасающий опыт современности. И здесь все зависит от очень индивидуальной способности и, я бы сказал, желания человека раскрыть в самом себе то, что Блаженный Августин называл «следами Троицы» в человеческом существе.

Любовь земная — икона любви Небесной

Сотворение мира мы понимаем как проявление Божественной любви, как ее реализацию во времени и в пространстве, которые в свою очередь созданы для бытия всего сотворенного.

Следующим высшим проявлением Троической любви стало пришествие в мир Сына Божия.

Следствием Боговоплощения, двухтысячелетие которого мы праздновали совсем недавно, стала Святая Церковь, Тело Христово, пребывающее на земле.

За Божественной литургией, предворяя исповедание Символа нашей веры, мы возглашаем: *Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваем Отца и Сына и Святаго Духа*. Это не просто призыв к единению тех, кто стоит в храме; в этих словах заключен гораздо больший смысл. Здесь мы видим выражение таинственной первоосновы общецерковного единства, а также главенствующий смысл жизни как отдельного человека, так и всего человеческого рода.

Весь закон и пророки, по Слову Господа Иисуса Христа, заключаются в двух наибольших заповедях: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя* (Лк. 10: 27). Но обратим сейчас наше внимание на то, что в момент, предшествующий общему единомысленному исповеданию Отца и Сына и Святого Духа, Церковь требует от своих чад прежде возлюбите друг друга. И здесь для нас очень важно осознать эту обратную связь: если мы не возлюбим друг друга, то и не исповедуем Пресвятую Троицу, потому что или не сможем, или солжем.

Один современный богослов высказал замечательную мысль о том, что жизнь каждого человека беспредельно расширяется в жизнь других людей. В народном обиходе человека, неспособного к самопожертвованию, называют малодушным, а того, *кто положит душу свою за друзей своих* (Ин. 15: 13), в народе нарекут человеком широкой души. И это совершенно верно, ибо любовь до самопожертвования является той единственной силой, которая создала Церковь и которая строит семьи. И в том, и в другом случае эгоизм выступает как главная антитеза, как основное орудие сил противления, ибо он есть исчадие гордыни.

Одна печальная шутка весьма точно отражает первопричины семейных разногласий и разводов, а также церковных разделений, расколов и нестроений: «Это была большая любовь, — повествует некий рассказчик, — они очень сильно любили... Он — себя, она — себя». Внимательно выслушивая разводящихся супругов, знакомясь с мудрованиями современных раскольников, убеждаешься со всей очевидностью, что чаще всего теми и другими движет безграничный эгоизм, то есть себялюбие.

Духовное одиночество и кризис семьи

Святитель Василий Великий в одном из своих трудов говорит: «Кто не знает, что человеческое животное есть ручное и общественное, а не одинокое и дикое? Ибо ничто столь не характерно для нашей природы, как общаться друг с другом, и нуждаться друг в друге, и любить родственного нам». Основываясь на этом рассуждении, попытаемся рассмотреть причины того кризиса семьи, который катастрофически распространяется в нынешние времена.

Бичом современной цивилизации стало одиночество. Если античный философ днем ходил по городу с зажженным фонарем и в ответ на вопросы говорил, что среди множества людей он ищет человека, то сегодня эти поиски имитируют все кому не лень, слоняясь по сети Интернет, по ночным клубам и вообще по местам скопления развлекающихся людей. Поиски эти бесплодны: они не приводят к долговременным результатам, ибо каков уровень запроса, таков и уровень ответа.

Одиночество — это нестерпимая боль, противоестественная человеческой природе. Люди пытаются заглушить ее алкоголем и агрессией, развратом и наркотиками. Но боль не проходит, она погружается в глубь человеческого естества и разрушает его. И тогда человек дичает. Дикими становятся не только ярко выраженные антисоциальные типы или агрессивные обитатели общественного дна. Дикие выходки, немотивированные или маниакальные преступления нередко совершают люди вполне приличного вида и социального положения. Сегодня особая тревога современного общества и на Западе, и на Востоке связана с детской преступностью, небывалый рост которой вызван детским одиночеством.

Исходя из определения святителя Василия Великого, кризис семьи характерен тем, что мужчины и женщины, взрослые и дети не знают, как можно жертвенно общаться друг с другом. Они становятся неспособными бескорыстно нуждаться друг в друге. Им неизвестно, по каким признакам следует искать родственного человека, чтобы искренне любить его. Истинно говорит Господь: *...без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15: 5). А это означает, что в основании всех личностных кризисов человека в современном мире лежит его духовное одиночество. Именно из этой сердечной пустоты происходят болезненные отклонения в человеческой психике.

Создание семьи осложняется в современном обществе на всех стадиях этого процесса. Крайними выражениями кризиса, которые мы лишь обозначим, не вдаваясь в комментарии, становятся гомосексуальные браки. Не секрет, что подобное извращение нередко благословляется в некоторых общинах протестантского толка. Особый цинизм современной западной юриспруденции заключается также в законодательном разрешении брать детей на воспитание в такие, с позволения сказать, «семьи».

Более распространенной формой подмены семейных ценностей меркантильными интересами сторон стали так называемые «партнерские отношения» формальных супругов, при которых брачный контракт является и основой, и гарантом союза мужчины и женщины. Что ж, когда в супругах нет страха Божия, тогда их любовь становится зависимой от статей страхового полиса.

Взаимное отчуждение — это одновременно и причина, и следствие кризиса в области семейных отношений. Чтобы создать семью, двоим нужно нечто общее, на чем они начнут строить дом своей семьи. Один лишь половой интерес, или общие места развлечений, или корысть не могут служить фундаментом для семейного строительства, ибо все это *суета и томление духа* (Еккл. 1: 14).

Екклезиологическая миссия семьи

Словом «любовь» ныне называют явления весьма различные, порою даже противоположные. Этим понятием умышленно злоупотребляют, чтобы обесценить Истину, которая им обозначается. Потому христианский брак во главу угла ставит первую заповедь закона жизни: *Господь Бог наш есть Господь единый; и возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим, и всею крепостию твоею* (Мк. 12: 29, 30). Чем больше способен человек любить Бога, тем крепче он возлюбит и своего ближнего, тем сильнее будут драгоценные узы супружеской любви, тем меньше будет оснований

для пресловутого конфликта поколений.

Человеческая семья, построенная на камне веры, бессмертна, как бессмертны и души ее членов. Благословенный в Таинстве Брака семейный союз сохраняет свою силу и в жизни будущего века, где, как мы знаем из слов Сына Божия, *ни женятся, ни замуж не выходят, и умереть уже не могут, ибо они равны Ангелам* (Лк. 20: 35, 36).

И здесь мы подходим к тайне, которую с твердым убеждением и великой властью раскрывает в своем Послании к Коринфянам апостол Павел. Давая разъяснения по поводу практических вопросов о семье, в которой один из супругов верует, а второй нет, Апостол утверждает еkkлезиологическую миссию семьи как малого ковчега спасения:

...Неверующий муж освящается женою верующею, и жена неверующая освящается мужем верующим. Иначе дети ваши были бы нечисты, а теперь святы (1 Кор. 7: 14), — пишет он. Здесь речь идет о своеобразной круговой поруке супругов и их детей пред Лицом Божиим. Несомненно, что ответ на Праведном Суде каждый член семьи будет призван давать лично и в свое время, но правосудие Божие оправдывает его совокупной святостью, которой достигло все его семейство.

Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа? — вопрошает Апостол. — Или ты, муж, почему знаешь, не спасешь ли жены? (1 Кор. 7: 16) Решительность и даже строгость, с которой задается вопрос, в свою очередь объясняется важностью условия общего спасения семьи: *Только каждый поступай так, как Бог ему определил, и каждый, как Господь призвал. Так я повелеваю по всем церквам* (1 Кор. 7: 17), — завершает свое наставление Апостол народов.

Итак, семья как малая Церковь, по определению, становится и малым ковчегом спасения. На практике современной церковноприходской жизни мы весьма часто видим, как малые дети настоятельно приводят своих родителей в храм Божий, как эти родители подготавливают и приводят своих почтенных отцов и матерей к первым в их жизни Исповеди и Причастию.

В наших храмах бывают одновременные браковенчания отцов, детей и внуков, когда три поколения одной фамилии освящают свои семьи, и Господь венчает их *честью и славою*. Таких и подобных им событий семейного спасения невозможно забыть, и сердце верит, что они совершались, по образному Слову Библии, *при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии восклицали от радости* (Иов 38: 7).

Социальное служение семьи

Рассматривая семью как малую Церковь, мы неизбежно обратимся к осмыслению того общественного резонанса, который производит благочестивое верующее семейство в современном ему обществе. Было бы наивно полагать, что боголюбивая семья является всего лишь самозамкнутой и самодостаточной социальной ячейкой. Напротив, *зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем* (Мф. 5: 15).

Авраам и Сарра привлекали к себе жителей Ханаанской земли глубоким искренним личным благочестием: *Веровал Авраам Богу, и это вменилось ему в праведность, и он наречен другом Божиим* (Иак. 2: 23), — свидетельствует апостол Иаков. Сегодня личный опыт доверия Богу бесценен для секулярного общества, в котором вопрос ставится уже не о доверии Творцу, а о самом существовании Его. Поэтому, когда мы читаем в Книге Бытия, что сыны Хетовы говорят: *...ты князь Божий среди нас* (Быт. 23: 6) — пришельцу, родившему только одного сына от своей любимой, но до девяноста лет бесплодной жены, мы восхищаемся тем влиянием, которое производили на грубых язычников образ жизни и личность этого человека, быт и устои его семьи, которая столь долго испытывалась отсутствием потомства.

Также и каждый христианин, создавая семью, призван ходить пред Богом *всем сердцем своим* (3 Цар. 8: 23), по выражению Премудрого царя Соломона. В этом состоит миссионерское служение семьи: жить по Закону Божию и свидетельствовать о Боге образом своей жизни, качествами своей личности, устоями своего быта.

Безусловное доверие человека Богу — это редкость, потому что сомнения и страхования, суевливость и маловерие свойственны падшей человеческой природе. Однако плоды этого сверхъестественного и, я хочу подчеркнуть, взаимного доверия превосходят природное

человеческое естество. И тогда *неплоды рождают* друзей Божиих.

Патриарх Исаак и первосвященник Самуил, судия Самсон, Креститель Иоанн и Преподобная Дева Мария родились в семьях престарелых родителей, и были первенцами, и не имели братьев и сестер.

Это слишком явная закономерность, о значении которой невозможно не задуматься. Самые достойные родители в истории нашего спасения становились такими вследствие испытания? Или же они были испытываемы, чтобы достойно взрастить своих прореченных детей?

Вспоминая историю, мы видим, что их дети становились сиротами в почти младенческом возрасте. Практическое воспитание осуществлялось другими. Видимо, родители передали своим детям нечто большее, что определило личности детей.

Мне думается, что лучшее определение этому таинственному наследственному качеству дал Царственный псалмопевец Давид, моливший Господа: *Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей* (Пс. 50: 12).

Чистое сердце и правый дух — это сокровище, наследуемое и передаваемое по наследству. Если, конечно, его надмирное значение осознается и отцом, и сыном, и внуком, которые стремятся — каждый в свое время — жить по совести, то есть *ходить пред Богом* (См.: Быт. 5: 22, 24; 6: 9; 24: 40; 48: 15).

Сегодня мы видим пред собою разорванные связи времен и народов. Некоторые нити мы уже подняли из праха и держим в руках, некоторые пытаемся связать и радуемся каждому восстановленному звену в цепи времени. Но несравнимо больше нам еще предстоит сделать на этом поприще, в том числе и на ниве семейной жизни.

Вспомним, с чего начинаются книги Нового Завета: евангелист Матфей излагает *родословие Иисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамова* (Мф. 1: 1–17). Он четко вычерчивает ствол генеалогического древа Спасителя рода человеческого, напоминая тем самым исторический путь человечества. Ведь все люди и народы суть ветви единой виноградной лозы, о которой говорит Сам Иисус Христос: *Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода* (Ин. 15: 5).

Из этого следует, что социальное плодоношение семьи начинается с поиска корней родового древа, с изучения жизни предков, их славы и бесчестья, их подвигов и падений, их силы и слабости. Мы ответственны не только за себя и за свое потомство. Наша ответственность простирается и в глубь веков, ибо мы призваны оправдывать нашим духовным деланием бездеятельность прародителей или, наоборот, учиться у них подвигу любви и веры, дабы не посрамить их чести.

Именно поэтому крепкая семья, сильный род обеспечивают генофонд нации. В связи с этим мне бы хотелось обратиться к третьей семейной заповеди из Моисеева Декалога *не убивай*, и в частности к ее применению в отношении детей.

Мера беззакония наполняется

Число аборт, совершаемых в России, Украине и Беларуси при некоторых условиях становится вдвое больше числа родившихся детей. Количество убитых прежде рождения детей исчисляется в мире многими миллионами, кроме тех, о которых статистике неизвестно.

Это чудовищное по своему цинизму и жестокости массовое жертвоприношение недалеко отстоит от древней языческой практики. В те времена родители приносили своих первенцев в жертву идолам и замуровывали детские останки в стены строящихся семейных жилищ с целью угождения языческим богам. Как мы помним, за подобные преступления жители Ханаана были осуждены Богом на истребление с лица земли, ибо, по Слову Писания, мера их беззаконий наполнилась (См.: Быт. 15: 16). Именно в Ханаане археологические раскопки обнаружили наибольшее количество ритуальных детских захоронений.

Человечество в целом и наши народы в частности стремительно наполняют свою меру беззакония. Кровь младенцев, убиенных во чреве, вопиет к Богу от земли нашей, и горе нам, если мы не сможем положить конец своему безумию.

Не убивай сказано не только криминальному элементу. Эта заповедь должна звучать в ушах отцов и матерей уже зачатых, но еще не родившихся детей. Вот почему пример цер-

ковного отношения к браку и образец христианского семейного уклада являются наилучшей формой и самым эффективным способом социального служения добропорядочной семьи.

Нам не останется времени в этом непродолжительном выступлении подробно рассмотреть все аспекты служения семьи людям. Поэтому позвольте мне отнести вас к Основам социальной концепции Русской Православной Церкви, а точнее, к разделам, посвященным вопросам личной, семейной и общественной нравственности, здоровья личности и народа, проблемам биоэтики.

Не сомневаясь в том, что этот документ хорошо известен всем присутствующим, я хотел бы лишь обратить внимание на универсальное средство врачевания абсолютного большинства тех острейших болезней или, как их еще называют, «вызовов времени», которые в этих разделах рассматриваются.

Таким средством является, конечно же, семья. Для ответственного пред Богом и людьми христианского семейства проблемы человеческого клонирования и эвтаназии, фетальной терапии и полового донорства, наркомании, проституции и тому подобных явлений являются чуждыми, ибо верующая семья ограждена от них самим строем своего бытия.

Да, тлетворное дыхание века сего доносится до каждого человека. Но не каждого оно отравляет. Залогом же подобного иммунитета во многом является семейное воспитание. Ибо в кругу семьи вырабатываются самые стойкие противоядия к зельям и снадобьям *духов злобы поднебесных* (Еф. 6: 12).

Эсхатология семьи

Как и сама Церковь Христова, христианская семья подвергается гонениям и преследованиям, которые порою принимают весьма изощренные формы. Стереотипы массовой культуры и моды клонируют сознание бездумных масс, в котором нет места ни христианским идеалам, ни семейным ценностям.

Общественному мнению прививается стойкий взгляд на семью как на игру партнеров, в которой кто-то должен обязательно проиграть, чтобы выигрыш достался лишь одному. Отношения родителей и детей представляются как некий психологический практикум: получается — хорошо, не получается — ну и ладно.

Быть патриархальной семьей, в которой у всех ее членов единая цель, твердые убеждения и общие интересы, сегодня не только не просто, но и не престижно. Потребительство проникает в семейную психологию, как ржавчина, разъедающая металл.

Многие люди задумываются сегодня о месте семьи в их жизни и о своих способностях к семейному строительству. Ищут образцы для подражания, пытаются обнаружить ответы на свои вопросы...

Если они не найдут чистоты в наших христианских семьях, они не найдут ее нигде, ибо нападения князя мира сего на семейные устои весьма многообразны.

Поэтому мы вправе настойчиво и постоянно проводить аналогию между Церковью и семьей даже до конца времен. Мы призваны ежедневно и ежечасно призывать Бога во Свидетели нашей жизни и утверждать в сознании нашего христианского общества правду жизни, суть которой состоит в том, что семья — это малая Церковь в служении Богу и людям.

ВОСПИТАНИЕ ЛИЧНОСТИ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Воспитание личности — это воистину вечный вопрос и вечная проблема в мире людей. Поэтому мне хотелось бы подробнее остановиться именно на первой части нашей темы: ведь для вечных вопросов любой исторический период — это современность.

Наряду с Церковью, жизненно важную тему воспитания личности сознает также и светское общество, и государство. А потому удивительным кажется отсутствие в светской литературе ясных определений того, что же такое личность и что представляет собой процесс ее воспитания.

Пытаясь дать определение понятию «воспитание», научные книги пользуются такими словами, как «воздействие», «влияние» и даже «внушение». Но уже первого впечатления

вполне достаточно, чтобы почувствовать, что субъект воспитания рассматривается как нечто подопытное, подчиненное. И самое опасное состоит в том, что при подобном подходе воспитуемый оказывается априори пассивным объектом. Но ведь речь идет о человеке! Более того: предметом воспитания является самое важное в человеческом существе, а именно — его уникальная личность. Но ясности нет и в том, что же такое личность с точки зрения секулярного интеллекта.

Определения личности встречаются, но и они чаще всего робки и невняты. Например, это «человек как носитель каких-то свойств» или «субъект отношений и сознательной деятельности», а то и вовсе «устойчивая система социально значимых черт, характеризующих индивида как члена общества»... Таковы книжные определения нашего предмета.

Но как же эту совершенно абстрактную сущность можно воспитывать, то есть пытаться на нее «воздействовать», «влиять» или что-то ей «внушать»?

Ключи глубинной сути

Желая хоть сколько-нибудь продвинуться в своем направлении, мы должны восстановить в индивидуальном и общественном сознании истину о высокой ценности слов, а значит, и ценности того, что эти слова выражают.

Нет христианина, который не знал бы, что *в начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог* (Ин. 1: 1) и что *от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься* (Мф. 12: 37). Известно и то, что первое послушание первозданного человека было связано со словами, которые он произносил, давая имена всему сотворенному.

...И Сам Творец снисшел, повествует Писание, *чтобы видеть, как он назовет их... как наречет человек всякую душу живую* (Быт. 2: 19).

Между тем слова сами дают нам ключи для понимания их глубинной сути. Питание и воспитание в русском языке — слова однокоренные и по сути однозначные. Например, библейский пророк Варух пользуется именно этими понятиями, когда укоряет своих беззаконных современников: *Вы забыли питающего вас вечного Бога, а также огорчили и воспитавший вас Иерусалим* (Вар. 4: 8). Итак, Господь питает, а святыня воспитывает, то есть сопровождает Божественное Таинство, способствует принятию его человеком, восполняет земными ценностями небесный дар и преподает его в совершенной полноте.

Таков принцип Божественной педагогики. Раскрывается она на самом доступном для каждого христианина уровне в прошениях Молитвы Господней. *Хлеб наш насущный даждь нам днесь*, — то есть напитай нас; *и остави нам долги наша... и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго*, — то есть воспитай нас, Отче наш!

Заметим, что в упомянутом обличении пророк Варух обращается именно к личности окружающих его людей, а не к «субъектам отношений» или к «системам социально значимых черт», как их именует все та же книжность. Вообще каждый библейский призыв к покаянию и к праведной жизни основывается на общем методологическом принципе, который я попробую сформулировать так: единственный для человека способ улучшить качество своей личности и выправить искривления своей жизни состоит в деятельном воспоминании о своем достоинстве хранителя образа и подобия Божия. По выражению одного иудейского религиозного писателя, самое страшное, что может сделать людям диавол, это заставить нас забыть, что мы Царские дети (цит. по: Каллист (Уэр), епископ Диоклийский. *Внутреннее Царство*. — Киев: Дух і Літера, 2004).

Поэтому нам так важно с раннего возраста прививать подрастающему поколению верное понимание того, что такое честь и достоинство человека и христианина и чем они отличаются от эгоизма и гордыни. Но для этого сами воспитатели должны ясно различать смысл этих понятий и их взаимоисключающую природу.

Высокое достоинство и Божественное призвание личности состоит в обретении лика. Личность и лик — это также понятия одноименные. Всякий человек — личность, но, лишь достигнув святости, он обретает лик.

Таким образом, дерзну предположить, что личность человека может представляться триединым выражением человеческой природы, которая в свою очередь образуется триадой: дух

— душа — тело. К слову, это вполне соотносимо и с основной схемой диалектического развития, принятой еще в немецкой классической философии, если рассматривать дух в качестве тезиса, или исходного момента; тело — в качестве антитезиса, или отрицания; а душу — как синтез противоположностей в их новом единстве.

Всякое нарушение гармонии в этом триедином феномене приводит к искажению личности, будь то духовная прелесть, интеллектуальная шизофрения или слабоумие грубой силы. Окружающий мир переполнен плодами таких искажений, и давление патологий на процессы формирования личности человека воистину огромно.

Личность или личина?

Одним из новейших признаков нарушения внутренней гармонии личности, а иными словами — очевидным диагнозом интеллектуально-нравственного нездоровья современного общества стало его стремление придавать особое значение так называемому «имиджу» человека, то есть тому, каким он представляется в среде окружающих его людей.

С одной стороны, это могло бы восприниматься как вполне естественное стремление к соблюдению внешних форм приличия и желание произвести своей персоной благоприятное или выгодное впечатление. Однако на деле в последнее время создание и смена личных «имиджей» стали претендовать на стиль жизни, на способ самореализации. Называя вещи своими именами (и при этом по-русски), мы без труда заметим, что речь попросту идет о личинах, о масках, нередко скрывающих под собой зияющую пустоту.

Но не следует думать, что увлечение «имиджами» свойственно лишь светскому обществу с теми его особенностями, которые классик английской литературы Уильям Теккерей именовал «ярмаркой тщеславия». В церковной среде подобное явление также отнюдь не редкость: это, к примеру, личины «младостарцев» и псевдоблагочестивых «ревнителей не по уму»...

В связи с этим не случайно в книге священника Александра Ельчанинова о пастырском служении есть мысль о том, что участнику церковноприходской жизни и носителю священного сана очень важно «не актерствовать».

Как правило, личины порождает и принимает на себя тот человек, триединая личность которого недостаточно развита, а значит, и не вполне свободна. Ибо сказано святым апостолом Павлом в его Послании к христианам Коринфа, что *Господь есть Дух; а где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3: 17). А вслед за этими словами Апостол сформулировал главный методологический принцип религиозно-нравственного христианского воспитания: *Мы же все открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу, как от Господня Духа* (2 Кор. 3: 18).

Отсюда мы вновь видим непреложную истину, повествующую о том, что воспоминание о Боге, ревность о сохранении в себе образа и подобия Творца и способность увидеть образ Божий в другом человеке являются самыми верными критериями оценки воистину доброго воспитания личности.

Производными от этого правильного духовного воспитания будут социальная стабильность и здоровая общественная мораль, крепкие семьи и национальное достоинство, сильное государство и нравственная деловая активность, а также многие другие человеческие ценности, которые призваны составить фундамент зрелого и здорового общества.

Совесть, мышление и рассуждение

Беседуя с Божественным Воспитателем, ветхозаветный священник Ездра так говорил Творцу о венце Его творения, о человеке: *Ты воспитал его Твоею правдою, научил его Твоему закону, наставил его Твоим разумом, и умертвил его, как Твое творение, и опять оживил, как Твое дело* (3 Езд. 8: 12, 13).

Воистину такой путь предлежит перед каждым из сынов Адама, проходящих в мир! Но мы знаем также, что *сила Божия в немощи человеческой совершается* (Ср.: 2 Кор. 12: 9), а значит, мы должны позаботиться о том, чтобы Божественные правда, закон и разум были от-

крыты перед человеком от его самого раннего возраста, чтобы они проповедовались, и кто имеет уши слышать — да слышит!

Коль скоро мы приняли к употреблению понятие о Божественной педагогике, нам надлежит определить и ближайшие педагогические цели, к достижению которых мы призваны в нашей воспитательной миссии. Также нам надлежит обнаружить воспитательную методику, которая будет содействовать достижению этих целей. Правда, закон и разум Творца, о которых говорит Ездра, раскрываются перед человеком при помощи таких параллельных человеческих понятий, как совесть, способность здраво мыслить и умение рассуждать.

Врожденный нравственный закон известен каждому человеку. Это и есть совесть, понимаемая как «совместное ведение» человека и Бога о законе сохранения человеческой жизни и о ее высоком качестве и небесном достоинстве. Значит, воспитание совестливого человека, то есть самое простое, понятное и доступное каждому родителю или наставнику задание, — это одновременно важнейшая и первоначальная задача также и воспитания религиозного. И в этом деле нет различий ни конфессионального, ни национального, ни социально-политического характера. Бессовестный человек одинаково непригляден и в Европе, и в Азии, и в Африке, и в Америке...

По словам апостола Павла, цель христианского увещания *есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры* (1 Тим. 1: 5). Методологически для нас очень важна последовательность перечисленного, когда чистота сердца христианина-воспитателя и его добрая совесть имеют преимущество даже над его личной верой. Нелицемерный характер личного исповедания является предметом индивидуальной ответственности человека пред Богом.

Апостол далее не случайно подчеркивает, что и в первохристианские времена те, кто отступил от этого правила, *уклонились в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают* (1 Тим. 1: 6, 7). Добавим, что и в наши дни проблема учительства на церковноприходском уровне нередко отражает именно это прискорбное обличение апостола Павла.

Так, словно продолжая эту мысль, в начале XX века один христианский деятель весьма справедливо заметил, что если бы в российских дореволюционных школах и гимназиях Закон Божий преподавался интересно, то революции не произошло бы...

В этом же Первом послании к Тимофею апостол Павел вновь решительно подчеркивает приоритет состояния личной совести над состоянием личной веры и утверждает, что отвергнувшие совесть *потерпели кораблекрушение в вере* (1 Тим. 1: 19).

Учитывая, что апостол от 70-ти Тимофей был новопоставленным Ефесским епископом, святой Апостол предостерегает его о весьма великой опасности для Церкви, которая исходит из самого церковного лона: *...в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей* (1 Тим. 4: 1, 2). Эти лжесловесники суть не кто иные, как склонные к сектантству, фанатизму и самочинию члены христианских общин, по меткому замечанию Апостола, *всегда учащиеся и никогда не могущие дойти до познания истины* (2 Тим. 3: 7).

К сожалению, это апостольское предостережение столь же актуально и в наши дни, когда религиозными учителями и духовными воспитателями нередко стремятся стать люди, не имеющие достаточного навыка и опыта личного покаяния, а потому чрезмерно усердствующие в поучении других. Как правило, именно нежелание и неумение выпрямить искривления собственной личности и является глубинной причиной всех тех страхов и панических настроений, проповедь которых отвлекает самих проповедников от врачевания своих духовных недугов.

...Осуждаемое собственным свидетельством нечестие боязливо, — говорит Премудрый Екклесиаст, *— и, преследуемое совестью, всегда придумывает ужасы* (Прем. 17: 10). А далее ветхозаветный проповедник поясняет, что *страх есть не что иное, как лишение помощи от рассудка* (Прем. 17: 11).

Мыслью — значит, существую

Способность к здравому мышлению лежит в области важнейших задач светского и ду-

ховного воспитания. К сожалению, здравомыслие распространено в человеческом сообществе отнюдь не в той мере, которая необходима для его благополучия. В результате наблюдений ученые-специалисты приходят к заключению, что значительная часть людей обладает так называемым псевдомышлением. Оно характерно для тех, кто отличается неспособностью к глубокой аналитической деятельности, отсутствием личных творческих импульсов и стремлений, зависимостью от узкого круга простейших понятий и суждений, при помощи которых человек упрощенно оценивает окружающий мир и себя в этом «самодельном» жизненном пространстве.

В качестве примера можно привести тот образ мысли, стиль жизни и стереотип поведения, которые повсеместно навязываются массовой культурой — этим самым действенным средством унификации личности и стирания человеческой индивидуальности.

Значит, воспитание личности должно включать в себя овладение культурой мышления, выработку навыка мыслить самостоятельно, привитие вкуса к исследованию явлений социальной, духовной, гражданской жизни и к анализу их причин и следствий. В этом деле религиозное воспитание призвано научить человека изучению самого себя, своего сердца, своей души.

Иными словами, религия формирует метод постижения сути нашего *внутреннего человека* (См.: Рим. 7: 22; 2 Кор. 4: 16; Еф. 3: 16), согласно точному определению апостола Павла. А для того, кто имеет навык исследования самого себя, внешний мир уже не является тайной за семью замками или сугубо враждебной средой. Не случайно с древних времен звучат ставшие крылатыми слова: «Мыслю — значит, существую».

Начало мудрости

Любопытный нюанс есть в определениях из области природы мышления. Различая такие понятия, как разум и рассудок, философы призывают понимать под разумом способность к обретению нового знания, а рассудок рассматривают как способность оперировать уже имеющимся знанием. В продолжение этой мысли можно предположить, что полноценное владение обеими этими способностями составляет мудрость человека.

В одной из библейских книг достижение такого состояния, как мудрость, обуславливается сочетанием разума и доброго расположения сердца (См.: Иудифь 8: 29). Вспомним, что отнюдь не мудрости просил юный царь Соломон у Господа после тысячи жертвоприношений, но — *сердце разумное, чтобы судить... и различать, что добро и что зло* (3 Цар. 3: 9).

Практически это и есть главная цель доброго воспитания, как ее понимает Святая Церковь, то есть умение *различать, что добро и что зло*. Именно поэтому в Священном Писании мы находим предельно четкие и точные определения того, что составляет предмет наших сегодняшних размышлений.

В завершение позвольте мне привести пример доброго воспитания, вошедший в равной степени в мировую историю, в общечеловеческую культуру и во всемирную литературу. *Начало мудрости — страх Господень; разум верный у всех, исполняющих заповеди Его* (Пс. 110: 10), — сказал Давид, который на своем жизненном пути прошел поприща пастуха и воина, беженца и царя, музыканта и поэта, кающегося грешника и богослова. *Начало мудрости — страх Господень, и познание Святого — разум* (Притч. 9: 10), — вторит ему его сын — царь, богомолец, мудрец, богатейший правитель и... тоже кающийся грешник и богослов. Но задолго до них прозвучали в скинии собрания слова простой бедной женщины, которой предстояло стать матерью пророка Самуила: *Да не хвалится мудрый мудростью своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатством своим, но желающий хвалиться да хвалится тем, что разумеет и знает Господа* (1 Цар. 2: 10).

Наша цель и призвание, наша воспитательная миссия и святой долг состоят в том, чтобы содействовать воплощению этих слов в жизнь нашими отцами и детьми, братьями и сестрами, а также и нами самими в нынешнее время, пока оно у нас еще есть.

БОГОСЛОВСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

Объективности ради нам следует уделить внимание теме взаимного проникновения таких областей служения людям, какими являются христианская духовная нива и медицинское поприще.

Медицина как наука о здоровье уделяет внимание человеку в его болезненном состоянии. От нее также неотъемлемо постоянное попечение о предупреждении болезней.

Медицина обращается, прежде всего, к телу человека, то есть к физическому организму. Но в не меньшей степени науку интересует душевная сторона человеческой жизни, ибо она чем дальше, тем больше сталкивается с расстройствами психики и нервной системы человека.

Медицина имеет отношение и к сфере человеческого разума, поскольку ей приходится сталкиваться с травмами или аномалиями деятельности головного мозга. Иначе говоря, медицинская наука как таковая обращена ко всей совокупности жизненных проявлений человека, к «целому» существу, которое единственное в природе имеет тройственный состав — дух, душу и тело.

Сегодня профессиональная и научная специализация в медицине многократно возросла. Но вместе с тем можно говорить и о другой особенности этого рода деятельности. Человек все больше рассматривается не только как биологический механизм, который призваны ремонтировать врачи, заменяя или исправляя отдельные детали и узлы. Все чаще причины многих болезней специалисты пытаются обнаружить в сфере сознания и воли, то есть в том, что составляет его духовные основания. Именно в нынешнем технологичном мире человек, при всей сложности его трехсоставной природы, требует отношения к себе именно как к взаимосвязанному и единому целому, в котором физические, психические и духовные начала невозможно рассматривать в качестве неких изолированных областей жизнедеятельности. Следовательно, и лечение его уже не может иметь сугубо местного характера.

Исходя из такого совокупного взгляда на человека, хочу поделиться некоторыми соображениями относительно важности и полезности религиозного понимания человеческого феномена и видения человека с точки зрения богословской антропологии.

Но сначала несколько слов о взаимоотношении религии и медицины.

Медицина в Ветхом Завете

Медицина относится к одной из древнейших наук и практик. За много веков до начала христианской эры мы встречаемся с ней в древних цивилизациях. В соответствии с образом мысли и строем жизни древних обществ, медицина не была изолированной областью знания и его практического применения. Всеми религиозно-этическими системами древности здоровье или болезнь человека связывались с его поведением, с нравственным состоянием личности; в иных случаях причину болезни искали в нарушении соответствия души определенным космическим ритмам и законам мироздания. Но при всех обстоятельствах болезнь соотносили с нарушениями определенного свыше порядка жизни. В тех случаях, когда для лечения, как правило, душевных болезней использовалась магия, происхождение заболеваний объяснялось демоническими влияниями.

Ветхий Завет, однако, не разделяет это последнее представление. Согласно ветхозаветному пониманию, болезнь посылается Богом, а точнее, попускается Им за грехи, и Он же может даровать исцеление, если человек обращается к своему Творцу. Так, например, Иудейский царь Аса (кстати, его имя переводится как «врач») в старости заболел, но, как говорится в книге Паралипоменон, он *в болезни своей взыскал не Господа, а врачей. И почил Аса с отцами своими* (2 Пар. 16: 12, 13).

В то же время в Ветхом Завете, который почти не уделяет внимания теме врачей и весьма сдержан в отношении медицины, мы находим фрагмент, который является примером очень сбалансированного понимания того, как соотносятся религия и врачебное искусство. В Книге Премудрости Иисуса, сына Сирахова, читаем:

Почитай врача честью по надобности в нем, ибо Господь создал его, и от Вышнего — врачевание, и от царя получает он дар. Знание врача возвысит его голову, и между вельможами он будет в почете. Господь создал из земли врачевства, и благоразумный человек не

будет пренебрегать ими. Не от дерева ли вода сделалась сладкою, чтобы познана была сила Его? Для того Он и дал людям знание, чтобы прославляли Его в чудных делах Его: ими он врачует человека и уничтожает болезнь его. Приготавливающий лекарства делает из них смесь, и занятия его не оканчиваются, и чрез него бывает благо на лице земли (Сир. 38: 1–8).

Но непосредственно за этими словами следует такое поучение:

Сын мой! в болезни твоей не будь небрежен, но молись Господу, и Он исцелит тебя. Оставь греховную жизнь и исправь руки твои, и от всякого греха очисти сердце. Вознеси благоухание и из семидала памятную жертву и сделай приношение тучное, как бы уже умирающий; и дай место врачу, ибо и его создал Господь, и да не удаляется он от тебя, ибо он нужен. В иное время и в их руках бывает успех; ибо и они молятся Господу, чтобы Он помог им подать больному облегчение и исцеление к продолжению жизни. Но кто согрешает пред Сотворившим его, да впадет в руки врача! (Сир. 38: 9–15)

Таким образом, молитва об избавлении от болезней никоим образом не противоречит использованию врачебного искусства. Но при этом Писание призывает помнить, что корень болезней — в грехах пред Богом. А потому и врачевание не будет эффективным, если оно не сопровождается возвращением души на пути Божии.

Медицина в Новом Завете

В Новом Завете Господь Иисус Христос подтверждает ветхозаветное представление о том, что болезни связаны с грехом. Так, Он говорит исцеляемому Им больному: *...прощаются тебе грехи твои* (например, Мф. 9: 2). Однако Спаситель являет иное отношение к причинам физического недуга, когда говорит о слепорожденном: *Не согрешил ни он, ни родители его, но это для того, чтобы на нем явились дела Божии* (Ин. 9: 3). В ветхозаветной Книге Иова Многострадального содержится подобное весьма глубокое и подробное объяснение причины страшной болезни, постигшей человека для испытания его духовной крепости.

В евангельском рассказе о кровоточивой жене евангелист Марк говорит о том, что эта женщина *много потерпела от многих врачей* (Мк. 5: 26), которые не смогли ее исцелить. А евангелист Лука сообщает, что женщина обратилась ко Господу, *издержав на врачей всё имение, но ни одним не могла быть вылечена* (Лк. 8: 43). Более мягкие выражения апостола Луки, возможно, связаны с тем, что он сам, по преданию, был врачом.

Христианское понимание медицинского воздействия на человека определяется своеобразной диалектикой религиозного и врачебного отношения к болезни и здоровью.

По своему существу болезни и страдания вообще являются следствием общей греховности человеческого рода, восходящей, согласно библейской Книге Бытия, к первородному греху праотцев Адама и Евы, совершенному в раю. Бог обратился к праматери Еве с суровыми словами: *Умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3: 16). Эти слова указывают на психофизические условия, которые после отпадения от Бога воспринимаются человеком как «естественные», хотя на самом деле, с библейской и святоотеческой точки зрения, являются противоестественными.

Страдания и подверженность болезням стали своего рода «нормой» бытия. И причина кроется не только в личных грехах, но также и в той общей греховности, дисгармонии человеческого существования, которая ныне является его характерной особенностью.

Эта дисгармония в конце концов достигает своей высшей точки в последней, уже никакими человеческими средствами неизлечимой болезни — телесной смерти. Апостол Павел называет смерть *последним врагом* (1 Кор. 15: 26).

Восприятие смерти как последней болезни и, даже более того, как экзистенциальной катастрофы составляет отличительную черту христианского понимания жизни. Врачи в данном случае говорят о «терминальном состоянии», но, с христианской и даже с философской точки зрения, пограничное и предельное — это не отрицание бытия, но глубочайший бытийный кризис, который порождает решительное вопрошание о смысле жизни.

Бог не сотворил смерти, но всякому человеку желает спастись и иметь Вечную Жизнь.

Постоянно пребывая в мировоззренческом кризисе, людям не следовало бы пренебрегать христианским представлением о Вечной Жизни, ибо это не мифология и не религиозная архаика. И это совсем не то, с чем боролись Фейербах и Маркс! Вечная Жизнь во Царствии Божиим — далеко не проекция здешней жизни в некое иллюзорное «потустороннее пространство».

Проблема всех идеологов и мыслителей Нового времени состоит в том, что они не удосужились вникнуть в существо христианского учения о человеке и о мироздании. В своем отрицании, как они выражались, «средневекового» мировоззрения они оказались всецело зависимыми от него, хотя и рассматривали это мировоззрение упрощенно, в соответствии с собственными идеологическими задачами. Иначе говоря, они прошли мимо существенного, полемизируя с тем, что является второстепенным.

Первостепенным же в христианстве является призвание человека к Вечной Жизни. И только сообразуясь с этим, можно рассуждать о церковном понимании земной жизни человека и его бытия как образа и подобия Божия.

Вечная Жизнь человека

Именно упование на Вечную Жизнь определяет суть христианской антропологии.

Человеческая природа парадоксальна. Будучи частью физического мира и, с точки зрения физиологии, одним из животных, человек бесконечно превышает весь мир, поскольку является образом и подобием Бога-Творца. Человек — это разумное, свободное, личностное существо, способное к бесконечному совершенствованию. Целью этого совершенствования является не приобретение каких-то сверхвозможностей, но достижение внутренней целостности духа, души и тела, или целомудрия.

Однако эта целостность невозможна в том мире, где царствует смерть. Каков может быть смысл свободы, разумности, жертвенности, если жизнь отождествляется лишь с биологическим существованием, которое неминуемо заканчивается смертью? Поэтому христианское понимание человека исходит из Божественного замысла о нем: люди были призваны Творцом к Вечной Жизни в гармонии с Отцом Небесным, с физическим и духовным миром и друг с другом, причем «вечное» в данном случае означает причастность к Божественному бытию, которое не имеет ни начала, ни конца, но есть Альфа и Омега всего.

Осуществление этого замысла было нарушено грехопадением, через которое в мир вошла смерть. Однако спасительное деяние Бога во Христе открыло для каждого человека путь к конечной победе Жизни над смертью. Об этом говорится в Символе веры: *Чаю воскресения мертвых, и жизни будущего века.*

Действительно, Вечная Жизнь в Боге, которую проповедует Церковь и приготвление к которой составляет практическое содержание церковной деятельности, — это не только безграничная жизнь духа и бесконечная протяженность биологического существования тела. Это — восстановление целостного бытия, духовного и телесного.

С библейской и христианской точки зрения, человек «состоит» из тела, понимаемого, по слову апостола Павла, как *храм... Святаго Духа* (1 Кор. 6: 19), и из души, понимаемой как совокупность личностных качеств и установок. И весь этот состав оживотворяется дыханием Бога: *...создал Господь Бог человека из праха земного, и вдунул в лице его дыхание жизни, и стал человек душою живою* (Быт. 2: 7). Человек, таким образом, является цельным, или целомудренным существом. Нарушение пропорциональной целостности этого тройственного состава произошло в момент грехопадения праотцев. Это неминуемо привело бы к деградации человечества, если бы лучшие представители человеческого рода не восстанавливали целомудрия силою Святого Духа. Подвиг бесчисленного сонма святых во многом состоит в том, что они своим бытием поддерживали жизнеутверждающие пропорции в рамках всего земного сообщества и оставили после себя великое множество последователей, к числу которых может присоединиться каждый человек. Когда же последователей останется критически мало, человеческая история завершится так, как это было открыто святому Иоанну Богослову и записано в последней книге Библии.

В ветхозаветной Книге Левит говорится, что *душа тела в крови* (Лев. 17: 11). Это очень

точная формулировка, смысл которой состоит в том, что душевное и телесное в человеке не просто взаимосвязаны, но проникают одно в другое. Можно сказать, что тело — духовно, а душа — телесна. Иными словами, здесь идет речь о фундаментальном психосоматическом единстве человеческого существа. Как говорит один из древних христианских писателей, «тело есть орган души». А поэтому и душа полноценна в первоначальном смысле только с телом, ибо является его частью. С христианской точки зрения, душа возникает вместе с телом и смерть тела является подлинной трагедией потому, что разрывает единство человеческого состава.

Церковь исповедует, что физическая смерть не является окончательным завершением существования человеческой личности. Эту смерть она образно называет *успением*, то есть своего рода сном. Ведь состояние сна тоже можно понимать как временный разрыв «жестких» связей психического и физического.

Следует особо подчеркнуть, что, говоря о бессмертии души, христиане имеют в виду вовсе не бесконечное существование некоей «легкой», бестелесной субстанции, бессмертной самой по себе. Согласно святоотеческому пониманию, душа человека бессмертна не по природе, а по благодати, то есть по причастности спасающему действию Бога. Поэтому с уверенностью можно сказать, что выражение «Вечная Жизнь» указывает вовсе не на потустороннее существование, но на глубинное качество человеческой жизни, человеческой личности. Это качество состоит в добровольном определении своего бытия в рамках закона Вечной Жизни, Единственным Источником которого является Сам Господь, Творец мира.

Именно поэтому Вечная Жизнь человека начинается здесь, на земле, и определяется добровольным подчинением Божественному закону. *Жизнь и смерть предложил я тебе, благословение и проклятие*, — говорит Господь устами Боговидца Моисея. — *Избери жизнь, дабы жил ты и потомство твое* (Втор. 30: 19).

Согласно своему богословию и своим антропологическим воззрениям, Церковь верует в то, что некогда, силою и действием Божиим, свершится телесное воскресение всех умерших физической смертью. И человек в единстве своего духовно-душевно-телесного состава обретет *новое небо и новую землю* (Ис. 65: 17; 66: 22; 2 Пет. 3: 13; Откр. 21: 1), о которых благовествует Священное Писание.

Церковь и медицинское искусство

В земном мире невозможна абсолютная гармония. И, в отличие от других религий, христианство не стремится к достижению душевно-телесной гармонии в ее медицинском понимании как к высшей цели духовной практики. Напротив, Церковь осмысливает терпеливо переносимое страдание как путь духовного исцеления. Но это не значит, что Церковь проповедует самоистязание! Напротив, начиная от евангельского описания служения Спасителя и по сей день, Церковь свидетельствует о множестве исцелений, в том числе и от физических болезней, вплоть до воскресения из мертвых. К тому же христианин призван не только к личному спасению, но также к служению миру и ближнему, которое требует сил и, разумеется, здоровья.

А потому Церковь никогда не приветствовала отказ от лечения и пренебрежение медицинской помощью. Она лишь напоминала и напоминает о том, что корни болезней, первопричины заболеваний всегда глубже их физиологических поводов.

Подтверждением разумного и уважительного отношения Церкви к медицинскому искусству является и тот факт, что многие врачи, теоретики и практики, соединяли и соединяют в своей личности глубокую христианскую веру и медицинскую деятельность. Яркие примеры этого — прославленный со святыми архиепископ-хирург Лука (Войно-Ясенецкий), митрополит Сурожский Антоний (Блум), ректор Санкт-Петербургских духовных школ епископ Тихвинский Константин (Горянов); в Белорусском Экзархате профессиональными врачами являются священники Игорь Соловей, Георгий Неверович, Николай Марьянский, Николай Владыко, диакон Михаил Перец.

Кроме того, сегодня многие врачи, работающие в самых разных областях медицины, являют собой образ гармоничного сочетания и взаимодействия личных христианских

убеждений и верности долгу врачевания больных. В известном социальном проекте Белорусской Православной Церкви — Доме Милосердия в Минске — существует и весьма динамично развивается Братство православных врачей. На протяжении последних лет в рамках традиционных Минских Епархиальных Чтений рассматривались различные аспекты взаимодействия Церкви с медицинской наукой и практикой. Особенно широкое поле совместной церковно-медицинской деятельности открывается в области врачевания и профилактики психических заболеваний.

Может возникнуть вопрос: есть ли профессиональное преимущество у врача, который является христианином, перед его безразличными в духовном плане коллегами?

Конечно, объективного преимущества нет. Хороший врач — это всегда не только специалист в своем деле, но и человек, с особым вниманием и участием относящийся к пациенту, а последнее не имеет прямой связи с религиозными убеждениями.

И все же определенное различие несомненно присутствует. Ибо верующий врач, если он не только хороший специалист, но и хороший христианин, не просто облегчает страдания, не просто прилагает усилия для того, чтобы победить болезнь! Его отношение к больному является более глубоким и всеобъемлющим. Он видит перспективу жизни, над которой не властна физическая смерть. Он знает, что отношение к лечению как к внешнему средству, позволяющему человеку освободиться от болезни, словно от назойливой помехи или напасти, эгоистично и не может быть достаточным основанием для подлинного исцеления. Наконец, он помнит, что болезнь — это своего рода призыв к углублению духовной жизни, к поиску более верного жизненного пути.

Болезнь как потенциальная возможность

С духовной точки зрения болезнь как состояние нарушенной целостности нельзя определить однозначно. Она существует в каждом человеке как потенциальная возможность. И знаменитая формула «в здоровом теле — здоровый дух» вряд ли выражает существо дела. Равно как и обратная формула, так как не всегда духовное здоровье автоматически порождает здоровье телесное.

Таким образом, вопрос о здоровье и его нормативах, решаемый медициной в соответствии с ее собственными медицинскими критериями, в духовной перспективе видится по-иному — как бесконечно более сложный. Состояние человека зависит не только от дисциплины питания или от так называемого «здорового образа жизни», но и от того, как он распоряжается своей свободной волей, какие цели ставит перед собой и какими средствами их достигает.

Возьмем пост, который Церковь предлагает верующим как средство духовно-нравственного исцеления. Многие воспринимают его как своего рода диету, как форму «лечебного голодания». Однако одно из главных требований поста — это милость, помощь ближнему. Пост не в том, чтобы съесть в два раза меньше обычного, но чтобы отдать половину своего рациона нуждающемуся. Именно к этому призывает Церковь в своих богослужебных текстах в первые же дни Великого поста.

Так же и болезнь: ведь ее можно рассматривать не только как физическую или психическую патологию, но и как индивидуальное событие, которое насильственно изымает нас из обычной жизненной суеты. Она дает нам возможность, а иногда и заставляет задуматься о себе, о своем душевном и духовном состоянии, переосмыслить те житейские устремления, часто меркантильные и эгоистичные, которые поглощали большую часть усилий нашего здорового организма.

С другой стороны, опыт страдания опровергает самоуверенное представление о том, что человек — властитель мира, обладатель всех возможных средств к благоденствию, хотя бы и в этой временной жизни. Собственное страдание человека открывает ему глаза на страдания других людей, состояние которых он порою просто не замечал или не понимал. Страдание — это личный опыт сострадания другим, школа милосердия, училище сочувствия. Таким оно может быть, если воспринимать его в духовном плане.

Медицина как служение и подвиг

Христианское отношение к здоровью и болезни, к медицинской практике и врачебному подвигу имеет множество других аспектов, коснуться которых невозможно в кратком выступлении. Нужно было бы рассказать и о церковном служении в больницах, и о проблемах биоэтики, и об опасностях чрезмерного радикализма, который проявляют некоторые верующие и пастыри, когда заходит речь о современной медицине и лечении вообще, а также о многом другом.

Думаю, что самое главное состоит в том, что сегодня мы — священнослужители и врачи — открыты друг другу, готовы к сотрудничеству и совместному разрешению существующих проблем. Скажу больше: это особая форма сотрудничества, потому что нас объединяет общее понимание нашей деятельности, если хотите, нашей работы. В обоих случаях речь идет о служении и о подвиге. Эти слова — из религиозного лексикона, но они в полной мере применимы к врачам и вообще к тем медицинским работникам, кто непосредственно заботится о здоровье людей, пришедших к ним за помощью. Ведь в нынешних нелегких условиях служение врача — это зачастую действительно подвиг.

О ПРИРОДЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Какова природа человеческого знания, а также его соотношение с Божественной премудростью, из которого рождается истинное ведение человека о природе вещей земных и Небесных?

Понятие «университет» (от латинского *universitas* как совокупность знаний) и понятие «*universum*», обозначающее мир как единое целое, имеют не только один семантический корень, но и общее богословское и мировоззренческое основание. Иными словами, университет как универсальную школу можно представить в качестве источника вселенских знаний о материальном мире и о законах его бытия. Как известно, целью существования университетов является исследование мира и обучение новых поколений научным премудростям.

Тяготение разумного юношества к знаниям естественно и весьма похвально. Более того: жажда знаний онтологически присуща человеку и имеет свое происхождение в самих истоках мироздания, в Шестом дне Божественного творения, когда был создан человек.

Целомудрие как цель, средство и условие познания

В юности своей человеческий род в лице Адама и Евы обладал всей полнотой знаний и о духовном мире, и о материальной вселенной. Ибо сам человек был одновременно и целым, и частью всего, что сотворил Господь. Целым — потому что являл собою образ и подобие Божие; частью — потому что он стал венцом творения.

Логический парадокс человеческого бытия на заре истории мира заключался в том, что человек возжелал еще большего знания, чем то, воплощением которого был он сам. В результате грехопадения он — совершенный, беспорочный и бессмертный — познал зло, порок и смерть.

Библейский пророк Исаия засвидетельствовал слова Господа, обращенные к дочери человеческой: *Мудрость твоя и знание твое — они сбили тебя с пути; и ты говорила в сердце твоём: «я, и никто кроме меня»* (Ис. 47: 10).

Сама природа человека как единственного во вселенной творческого существа говорит о том, что самым вожделенным является для него новое знание. После грехопадения целостность человека нарушилась, и он утратил свое первозданное совершенство. С тех пор исследование внешнего мира стало для него попыткой сугубо земными средствами вернуть свои былые равноангельские духовно-телесные качества.

С течением времени накопленные знания стали формировать в умах людей стереотип горделивого владычества над стихиями природы и силами видимого мира.

Однако так называемое «покорение природы» обернулось глобальным экологическим кризисом, а разрушительное движение стихий только в нынешнем году не раз повергало че-

ловечество в ужас. Кажется, сегодня все мироздание стремится напомнить людям библейскую истину о том, что *во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь* (Еккл. 1: 18).

Но человеческий разум не в силах отказаться от новых знаний, ибо невозможно ему идти против своей природы!

Неужели здесь находится тупик в развитии материально-технической и религиозно-философской мысли? Вовсе нет!

Но обнаружить решение этого морально-нравственного и одновременно научно-материального уравнения можно только с привлечением духовных средств и методов постижения мира.

Вот что говорит Библия: *Если будешь призывать знание и взывать к разуму; если будешь искать его, как серебра, и отыскивать его, как сокровище, то уразумеешь страх Господень и найдешь познание о Боге* (Притч. 2: 3–5).

«Начало мудрости — страх Господень»

Для основных библейских монотеистических религий, которыми являются, по старшинству происхождения, иудаизм, христианство и ислам, Всевышний Творец является абсолютным критерием истины. В Нем, как в Первоисточнике всех знаний, содержится вся полнота ведения, вся премудрость мира видимого — физического и мира невидимого — духовного. В Нем же находит человек ответы на все вопросы своей души, ибо его душевность как область чувствований также обретает совершенный покой и мудрое равновесие только в Боге.

Поэтому страх Господень понимается христианами не как боязнь строгого наказания, не как угроза разоблачения проступков и преступлений (что само по себе неизбежно), но как опасение лишиться присутствия Бога в своей жизни, как страх огорчить, оттолкнуть Бога своими грехами и остаться один на один *с мироправителями тьмы века сего, с духами злобы поднебесными* (Ср.: Еф. 6: 12). Согласно этой логике, Творец для того... и дал людям знание, чтобы прославляли Его в чудных делах Его (Сир. 38: 6), — гласит Писание. То есть верующий человек выстраивает совокупную систему жизненных ценностей на безусловной вере в Бога и на личном доверии Богу, *ибо Господь дает мудрость; из уст Его — знание и разум* (Притч. 2: 6).

Постижение Бога и исполнение Его закона дарует такие знания и такое совершенство в их применении, что человек в состоянии святости порою преодолевает естественные законы природы. Многочисленные примеры этого изложены в Библии и в обширных повествованиях о житиях христианских святых.

В социальном плане едва ли кто-то сможет опровергнуть библейское утверждение премудрого Иисуса, сына Сирахова, о том, что *лучше скудный знанием, но богобоязненный, нежели богатый знанием — и престапующий закон* (Сир. 19: 21). Знание без нравственной основы, аморальная гениальность столь часто оказываются источниками преступлений, что история человечества буквально изнемогает от обилия таких примеров.

Известно, что никакое научное исследование невозможно без соответствующей методологии. Есть своя методология и в безграничной области человеческого общения, и в бесконечном процессе постижения Бога, и в повседневной практике исполнения Божественного закона жизни. Ее основные положения универсально сформулировали святые Евангелисты.

Бог есть любовь (1 Ин. 4: 8), — свидетельствует апостол Иоанн Богослов. ...*Любовь есть исполнение закона* (Рим. 13: 10), — утверждает апостол Павел. Это — аксиомы человеческого бытия. Все попытки человечества соорудить иные основания для индивидуальной, общественной и общечеловеческой безопасности помимо заповеди о любви к Богу и ближнему испокон века оставались бесплодными. Ибо закон жизни, данный человеку еще в ветхозаветные времена, определил основу основ бытия рода человеческого: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя* (Лк. 10: 27).

Очень просто и предельно точно сформулировал социально-психологическую природу знания и любви апостол Павел в Послании к жителям Коринфа: *...мы все имеем знание; но*

знание надмевает, а любовь назидает (1 Кор. 8: 1). Именно это определение, размышления над которым дают богатейшую пищу для ума и сердца, приводит самого Апостола, а вместе с ним и нас с вами, к удивительному выводу о том, что *любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится* (1 Кор. 13: 8).

Все мы даем себе отчет о конечности человеческого бытия в этом мире. В свое время, отрешившись от всего земного, мы окажемся наедине с Творцом. И нам придется дать ответ, для чего во время своей земной жизни мы всеми силами стремились побольше узнать, открыть и постигнуть. Что было для нас главным побудительным мотивом этого стремления — гордость всезнания, желание всеобщего почитания, жажда материального богатства? Жаль, если так, ибо все это — суета перед лицом смерти и последующего воскрешения в день Страшного Суда.

Главное, что необходимо разумному человеку — профессору или студенту, ученому или простецу, — это стяжание даров Премудрости Божией, обретение способности к высшей любви, жертвенной и бескорыстной, разумной и постоянной, которая единственная умножает меру добра в мире людей и поддерживает нашу цивилизацию в ее весьма хрупком равновесии.

Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? (Мф. 16: 26) — вопрошает со страниц Евангелия Господь Иисус Христос. Значит, наша бессмертная душа и есть та благодатная почва, на которой, при условии, что она способна любить Бога и человека, возрастают самые прекрасные плоды разума. И не радеть об этой стороне нашего естества — значит обречь себя на провал перед лицом Вечности.

ПУТЬ ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩЕЙ ЛЮБВИ

Размышляя о путях христианского просвещения, мы неизбежно поместим во главу угла слова Господа Иисуса Христа: *Я есмь путь и истина и жизнь* (Ин. 14: 6). На этом Божественном основании зиждется замысел Творца о развитии всего рода человеческого, от первых мгновений его бытия до последних дней и часов человеческой истории. И потому пророческая, просветительская и миссионерская деятельность Святой Церкви в конечном итоге всегда служит соединению человека с Богом в Святах Таинствах, и прежде всего в Евхаристии. Иными словами, духовное просвещение мы понимаем как направление человека на путь познания истины для Жизни Вечной.

Церковь имеет свидетельство апостола Иоанна Богослова о том, что *Бог есть любовь* (1 Ин. 4: 8). Проповедь этого постулата во всей бесконечности его богословского содержания вовеки пребывает целью миссии Святой Церкви в мире.

Образ же неизменяемости содержания проповеди о Боге-Любви и в ветхозаветные, и в новозаветные времена мы видим в событии Преображения Господня. Вспомним, кто был собеседником Христа Спасителя на Фаворе — Законодатель Моисей и пророк Илия.

Слово и дело Боговидца Моисея непреходящи до скончания века, ибо непреложность основополагающих статей универсального Синайского кодекса Сын Божий утвердил Сам, сказав, что *доколе не преидет небо и земля, ни одна иота или ни одна черта не преидет из закона, пока не исполнится все* (Мф. 5: 18).

Поэтому и возвращения библейского пророка Илии, мужественно боровшегося во дни своей земной жизни с безбожием, ожидали и ожидают верующие всех времен. Как мы помним, на рубеже Ветхого и Нового Заветов именно его черты люди усматривали в Иоанне Крестителе; именно его имя слышалось распинателям в предсмертном вопле Иисуса: *Или, Или! лама савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?* (Мф. 27: 46). Также и от нас, и от грядущих поколений не скрыто, что пророку Илии вкупе с праведным патриархом Енохом предстоит лично совершить проповедь покаяния, придя в Иерусалим в последние дни, события коих обозначены в Откровении Иоанна Богослова.

Итак, Апостолам на Фаворе было явлено, что путь христианского просвещения для всех времен и племен народных состоит в единстве его средств, целей и результатов, которые и сосредоточены в Личности Богочеловека — Господа нашего Иисуса Христа. В этом — правда жизни и истина бытия, свидетелями которых является весь сонм святых, *от века Гос-*

подеви угодивших.

Миссия среди соотечественников

Рассуждая о многообразии педагогических методов христианского просвещения, мы сегодня без тени смущения говорим о миссии Церкви среди своих соотечественников. В этом нет парадокса, ибо в многообразии мнений и позиций членов нашего современного общества твердые христианские убеждения присутствуют отнюдь не в большинстве случаев. Но славянские земли — вовсе не *tabula rasa* и не *terra incognita*, где слухом не слышали о Евангелии. Наши земли и народы не просто вскормлены Православием за тысячу лет своего христианского бытия. Они на уровне генетической природы восприняли Слово Божие и всю свою дальнейшую национальную историю понимают как стояние в вере за Святую Русь, за Дом Пресвятой Богородицы.

Наша миссия сегодня как раз и состоит в употреблении максимально возможных форм и средств, которые могут способствовать напоминанию нашим соотечественникам о христианской природе их души. Как написал в одном из своих стихотворений инок Свято-Успенского Жировичского монастыря:

Душа у кожнага — хрысцьянка,
Ды не ва ўсіх яна жывая.
Аб гэтым — памяць векавая...

Поэтому миссия православного христианского педагога или учителя состоит именно в пробуждении исторической, духовной и, наконец, личной памяти человека о том, что говорит ему Бог на языке его живой совести.

Если позволите, мне бы хотелось с определенной степенью условности сравнить сегодняшнее духовное состояние нашего общества с состоянием апостолов Луки и Клеопы, когда они совершали свой печальный путь в Эммаус. *А мы надеялись было,* — уныло говорили они Воскресшему Христу о Нем Самом, — *что Он есть Тот, Который должен избавить Израиля* (Лк. 24: 21).

И что же Учитель? Стал ли Он с гневом обличать их? или отвернулся от их маловерия? или оскорбился? Нет, Он терпеливо и по порядку, *начав от Моисея, из всех пророков изъяснял им сказанное о Нем во всем Писании* (Лк. 24: 27). Божественный Педагог лишь дал определение причинам, которые не позволили двум Его близким ученикам понять смысл происходящего и уверовать: *О, несмысленные и медлительные сердцем, чтобы веровать всему, что предсказывали пророки!* (Лк. 24: 25)

В этом не было ни упрека, ни осуждения. Но здесь, если угодно, был поставлен социально-психологический диагноз слабой успеваемости учеников. И только от Личности Учителя зависело избрание того единственно правильного метода просвещения, в результате которого *открылись у них глаза, и они узнали Его* (Лк. 24: 31). И не только узнали, но поняли, почему *горело в них сердце, когда Он говорил им на дороге* (Ср.: Лк. 24: 32).

Это и есть метод терпеливой и мудрой любви, то есть личный пример Сына Божия, как и чему следует учить учеников.

Личность педагога — свидетеля Истины

На наших многообразных педагогических конференциях и иных форумах мы довольно часто говорим о личности учителя. Помнится, и на предыдущей Киевской встрече, посвященной значению семьи в деле современного образования, тема личности педагога в христианском просвещении звучала весьма активно. Позвольте мне в этом контексте кратко рассказать о событии, имевшем место в апреле сего года в Минске.

Существующее в Республике общественное объединение «Родители и учителя за возрождение духовного образования» провело международную научно-практическую конференцию. Ее темой стало «Педагогическое наследие Сергея Александровича Рачинского и современное образование». Об этом выдающемся христианском педагоге, 170-летию которого

был посвящен форум в столице Беларуси, сегодня необходимо вспомнить со всей ответственностью! Потому что личность и наследие Сергея Александровича столь огромны и значительны, что их внимательное изучение способно принести учителям и методистам, родителям и ученикам несомненную пользу в деле религиозно-нравственного просвещения.

Ученый-ботаник, государственный деятель по части Министерства иностранных дел, он в прямом смысле слова стал педагогом от Бога. Зайдя однажды в сельскую школу в своем имени, Сергей Александрович огорчился невероятной скуке проходившего урока арифметики. Следующий урок он решил провести сам, да так провести, чтобы скуки в классе не было в помине. Его педагогическая премьера имела ошеломляющий успех среди деревенских ребятишек. Так Сергей Александрович стал педагогом, не имея специального образования, но будучи человеком талантливым и убежденным.

Выступая перед участниками конференции, я обратил их внимание на то, что особенностью педагогического дара Сергея Александровича Рачинского было видение естественной духовной жажды, или, как он говорил, живого зародыша благочестия в детской душе. Дети, не испорченные ранней безответственностью родителей, имеют врожденное религиозное чувство, христианскую генетическую память. Родителям в семье и учителям в школе нужно лишь суметь разбудить эту память, а вернее, не дать уснуть естественному религиозному чувству вскоре после рождения человека в мир. При этом, поучая о Божественной Истине, мы сами обязаны быть свидетелями этой Истины. Вспомним последние слова Христа Спасителя, обращенные к Апостолам и ученикам перед Его Вознесением: *...вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой; и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли* (Деян. 1: 8). Говоря словами Писания, сосуды наших сердец должны быть чисты, ибо иначе Премудрость не войдет в них, и сила Духа Святого не станет действовать в нас и через нас.

Человеческая личность зарождается в Боге, формируется в семье и реализует себя в обществе. И чем больше свидетелей правды Христовой встретится ей на этом пути, тем полноценнее будет ее становление и дальнейшее раскрытие в служении Богу и ближнему.

Совсем недавно мы совершали празднование 100-летия канонизации преподобного Серафима Саровского. Обратившись к житию дивного старца, мы находим весьма яркие иллюстрации к педагогическому аспекту темы нашей встречи:

— образ благочестивой матери, чей медный крест преподобный Серафим не снимал до конца своей земной жизни;

— благословение Киево-Печерского старца Досифея, примечательного самого по себе, которое ознаменовало начало монашеского подвига юного Прохора Мошнина;

— водительство Пресвятой Богородицы, безусловное послушание воле Которой стало залогом всех трудов Преподобного по устройению Ее Четвертого удела;

— наконец, учительство самого преподобного Серафима, или его подвиг старчества.

Все это вкупе составляет универсальный пример жизни и деятельности, который при внимательном рассмотрении дает ответы на вопросы, встающие перед нами на нынешнем форуме.

Радость о Господе как особенность христианского учительства

Серафимо-Саровские торжества в начале XX и в начале XXI столетий в равной степени свидетельствуют о том, что христианское просвещение искренне востребовано нашими народами. Может быть, не так широко, как нам хотелось бы: не секрет, что сила противодействия православному просвещению ныне, как и сто лет назад, весьма активна.

И все же мы не вправе сетовать на внешние трудности, ибо сказано: *Не бойся, малое стадо! ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство* (Лк. 12: 32). И сегодня мы должны не только с благодарностью вспоминать православных учителей и наставников, которые были духовниками дореволюционных поколений наших соотечественников. Такие духовные светила сияли и во времена гонений, они есть среди нас и ныне. Мы же призваны к поиску и обретению тех наших современников, кто своим богодухновенным словом и благочестивым жизненным примером питает духовную жизнь народа, нередко оставаясь в тени не только

общественного, но и официального церковного внимания. И нам нельзя стесняться называть их учителями и наставниками, следовать их поучениям и руководствоваться их богодуховенным опытом, проходя поприще нашего личного и общественного церковного служения. Исполняя завет Апостола о *поминании наставников наших, которые проповедают нам слово Божие, и подражая вере их* (Ср.: Евр. 13: 7), мы должны не стесняться на их примере открывать обществу истинное учительство, которое происходит от Духа Святого! Это особенно важно, ибо шумные и агрессивные лжеучители пытаются внедрить свои ереси в самое сердце народного самосознания, стараясь извратить его христианскую суть и заместить евангельские истины своими измышлениями.

Вообще духовным индикатором, своеобразным лакмусом в многообразной на сегодняшний день православной проповеди должен быть именно элемент любви к Богу и человеку. Ведь сегодня совершенно очевидно, что в церковной, а вернее — околоцерковной и псевдоцерковной среде, есть и человеконенавистническое направление образа мыслей, имеющих одну лишь личину благочестия. *А не любящий брата своего, которого видит, как может любить Бога, Которого не видит?* (1 Ин. 4: 20)

Мне бы хотелось сегодня подчеркнуть определенную общую особенность, которая характерна для учительства всех выдающихся церковных учителей и проповедников. Эта особенность выражается в том, что во главе проповеди каждого из них стоит радость, — жизнеутверждающая радость о встрече человека с Богом, о начале и развитии их диалога, о слиянии голоса молящегося и беседующего с Богом человека в симфонию общей церковной молитвы. Это важное, очень важное качество проповеди, которое, к сожалению, свойственно далеко не всем, встающим на миссионерскую стезю в самом широком смысле.

Позвольте мне завершить свое краткое выступление выражением надежды, что пути православного учительства, проповедничества и просвещения будут в нынешнем тысячелетии исполнены плодами глубоко осознанного личного опыта многих и многих священнослужителей, монашествующих и мирян, которые *едиными устами и единым сердцем* будут свидетельствовать о том, что *Бог есть любовь* (1 Ин. 4: 8), что *Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы* (1 Ин. 1: 5), что *Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине* (Ин. 4: 24).

ЕВАНГЕЛЬСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Понятие «свидетель» вообще-то относится к судебной-следственной практике; свидетель обычно оказывается востребован при разборе какой-либо тяжбы. И потому, прежде чем говорить собственно о христианском свидетельстве, стоило бы несколько поразмыслить об основах того, что, на наш взгляд, составляет такое понятие, как

Божественная юриспруденция.

Читая Священное Писание Ветхого и Нового Заветов, мы неизбежно замечаем, сколь часто в повествовании встречается образ суда. Триста раз в Ветхом Завете и семьдесят четыре раза в Новом Завете слово «суд» выстраивает вокруг себя самый разнообразный контекст — от эсхатологических и пророческих откровений до законодательных и бытовых норм жизни личности, народа и всего человеческого рода. Что же касается производных от этого термина слов и понятий, то исчислить их в Библии весьма затруднительно по причине их великого множества.

Кто обращал особое внимание на статьи и положения Синайского законодательства, тот знает, что мера праведности человеческого сообщества с тех пор и по сей день определяется качеством судопроизводства как в юридическом, так и в морально-этическом плане.

Во всех жилищах твоих, которые Господь, Бог твой, даст тебе, поставь себе судей и надзирателей по коленам твоим, — наставляет нас Книга Второзакония, — чтоб они судили народ судом праведным; не извращай закона, не смотри на лица и не бери даров... правды, правды ищи, дабы ты был жив (Втор. 16: 18–20).

Превыше всего над человеком и над всем, что сотворил Господь, над миром видимым и

невидимым, владычествует Верховный Судия, — и это также знает каждый, кто исповедует Единого Бога, в Троице славимого и поклоняемого.

Коротко и емко, просто и универсально сказал о Божественной юриспруденции еще Иов Многострадальный, который в одном предложении выразил начало и конец всякого события мировой истории, корень и плод всякого помышления человеческого сердца: *Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд* (Иов 19: 29). Без малого тысячу лет спустя ему вторит Премудрый Екклесиаст, обращаясь к юношеству с наставлением: *...ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд* (Еккл. 11: 9).

Известно, что всякое судебное разбирательство требует свидетелей, всякое следствие ищет того, кто знает о предмете расследования, что видели его глаза и слышали его уши.

В связи с этим открывается очень интересное и весьма важное обстоятельство. Если в ветхозаветный период чаще Бог призывался во Свидетели дел человеческих, то в новозаветные времена Промысл Божий распорядился иначе: теперь люди призываются к свидетельству о делах Господа, ибо такова логика Высшего Суда, который библейский контекст определяет как

Свидетельство Духа.

Божественный Логос воплотился от Девы Марии, чтобы свидетельствовать об Отце. Бог стал человеком, чтобы свидетельство о Творце было извлечено из самой глубины той неисследимой бездны, которая называется человеческим сердцем. Но что может сказать человек в свидетельство о Боге? Что такое человек, чтобы быть свидетелем в деле об истинности своего Творца?

...Вы примете силу, когда сойдет на вас Дух Святой, — говорит Господь Иисус Христос Своим ученикам в час Вознесения, — и будете Мне свидетелями в Иерусалиме и во всей Иудее и Самарии и даже до края земли (Деян. 1: 8).

Эхом отзываются на этот Божественный призыв слова апостола Павла: *Все могу в укрепляющем меня Иисусе Христе* (Флп. 4: 13).

...Он назвал их Своими друзьями в прощальной беседе; они пили из одной Чаши за столом в Сионской горнице; Он Своей рукой подавал им хлеб, еще хранящий тепло Его ладоней. Их было всего одиннадцать, и от их имени по праву очевидцев и соучастников новозаветной Евхаристии святой апостол и евангелист Иоанн Богослов утверждал: *...мы видели и свидетельствуем, что Отец послал Сына Спасителем миру* (1 Ин. 4: 14).

Эти одиннадцать и Божия Матерь, Которая от начала сохраняла все слова Спасителя, слагая их в Своем сердце (См.: Лк. 2: 19), были единственными, кто видел Спасение своими глазами. В строгом юридическом плане лишь их свидетельства могли иметь вес в земном суде любой инстанции; лишь они имели право выступать в качестве свидетелей по делу об изъятии человека из-под владычества греха и о его освобождении от власти смерти. Что до иных, то кто дал им право говорить о том, чему они не были прямыми свидетелями?

Теперь мы вправе говорить о многообразии природы свидетельства как способа утверждения истины. Свидетельство чуда и свидетельство Духа вызывают к жизни

Свидетельство веры.

Итак, в какой степени мы можем считать себя свидетелями Господа Иисуса Христа? Это весьма актуальный вопрос, потому что за две тысячи лет, прошедших со времен евангельских событий, мир не оставил своих сомнений и предубеждений.

Мне думается, что пример первого новозаветного свидетельства явил Иоанн Креститель, который свидетельствовал об Истине, увидев ее не только телесными очами, но очами сердца. Он увидел и исповедал Бога в Том, Кто был его троюродным Братом, Сыном Марии и Иосифа из Назарета; Кто был простым Галилейским плотником и не покидал Своего дома, разве только в дни Пасхи; Кто, по слову пророка Исаии, *не возопиет и не возвысит голоса Своего, и не даст услышать его на улицах; трости надломленной не переломит, и льна ку-*

рящегося не угасит (Ис. 42: 2, 3).

Иоанн увидел и засвидетельствовал, что Сей есть Тот, Кто, как и говорил Исаия-пророк, *будет производить суд по истине; не ослабеет и не изнеможет, доколе на земле не утвердит суда, и на закон Его будут уповать...* (Ис. 42: 3, 4)

До Иоанна это было видением, откровением грядущих событий, предчувствием великой перемены во всем мироздании. Все знамения и свидетельства, которые относились ко времени Рождества Христова, — славословие Ангелов и поклонение пастухов, Вифлеемская звезда и царственные волхвы, Симеон Богоприемец и пророчица Анна, — это были ступени на пути к свидетельству Иоанна. А спустя два года, в преддверии Голгофы, последовало исповедание Петра, произнесшего от лица всех Апостолов: *Ты — Христос, Сын Бога Живаго* (Мф. 16: 16).

И далее мы слышим из уст Спасителя слова, которые указывают на новый принцип свидетельствования человека о Боге: *Блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, Сущий на Небесах* (Мф. 16: 17).

Итак, Петр свидетельствовал о том, чего не мог видеть телесными глазами: он свидетельствовал о Тайне Пресвятой Троицы. Ни его пылкое сердце, ни любовь к Иисусу, ни готовность пойти на смерть вместе с Учителем не были достаточны для того, чтобы постигнуть Тайну бытия Троицеобразного Бога. Мне кажется, что именно со времени свидетельства Иоанна и исповедания Петра в системе Божественного законодательства, установленного Творцом для мира людей, свидетельство веры утвердилось как

Новозаветная норма духовного права.

Свидетельство веры вызревало в мире людей долгие века и тысячелетия. Но лишь любимый ученик Христов апостол Иоанн Богослов сумел обосновать его в кратких выражениях: *Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем. Любовь до того совершенства достигает в нас, что мы имеем дерзновение в день суда, потому что поступаем в мире сем, как Он* (1 Ин. 4: 16, 17).

...Мы поступаем, как Он. Так мог сказать о себе Апостол Любви, а нам сегодняшним более пристало отвечать о себе на вопрошание Божие словами Многострадального Иова: *...спроси у прежних родов и вникни в наблюдения отцов их; а мы — вчерашние и ничего не знаем, потому что наши дни на земле тень* (Иов 8: 8, 9).

Для меня эти печальные слова вмещают всю нашу боль о тех искушениях, которые переживала Святая Церковь накануне XX века, и о тех испытаниях, которые постигли ее в минувшем столетии.

Господь судил нам восстанавливать Церковь, возрождать ее традиции и служение, ее институты и миссии, подобно тому как возрождались своды храма и стены Иерусалима после Вавилонского пленения.

Но именно теперь, именно в нынешнее время свидетельство веры с особой силой и убедительностью проявляет свою жизнеутверждающую, созидательную, воистину пасхальную мощь! Сознание того, что мы призваны быть свидетелями *Бога Живаго*, побудило Священноначалие, клир и паству Белорусской Православной Церкви за два десятилетия (период с 1988 по 2008 гг. — *Примеч. ред.*) умножить число православных общин почти в четыре раза; возродить и вновь учредить двадцать семь монашеских обителей; создать систему духовного образования, в которую входят Духовные Академия и Семинария, ряд научно-исследовательских учреждений и средних специальных учебных заведений; наконец, подписать Соглашение между Православной Церковью и Белорусским государством и наполнить его несколькими десятками соответствующих программ совместной деятельности.

Таковы лишь внешние формы возрождения духовной жизни, и я не стану далее утомлять досточтимую аудиторию отчетом о проделанной работе, ибо всему свое время и место... Впрочем, все перечисленное, а также те факты и цифры, которые мы оставляем вне рамок наших сегодняшних рассуждений о евангельском свидетельстве в современном мире, — все это суть плоды свидетельства веры и свидетельства Духа.

Но что же внешний мир? Он отнюдь не стремится разделить с Церковью радость о ее

возрождении, причем я говорю об этом в масштабах человеческого сообщества в целом. Прежде чем рассуждать об особенностях свидетельства в мире нынешнем, необходимо попытаться дать краткую характеристику или определение его сегодняшнему духовному состоянию. ...Это стремление к хаосу, в котором каждый индивид ищет себе бога по своему вкусу и нраву, чтобы тот потакал прихотям и похотям человеческого существа. В нынешние времена можно наблюдать, как то, что было предосудительно и незаконно вчера, выдвигается в качестве всеобщей нормы сегодня. Передачи новостей служат этому достаточным подтверждением. И вот здесь, посреди буйства страстей человеческих, христиане не только говорят о евангельском свидетельстве, но пытаются утвердить его словом, делом и помышлением своих сердец. *Не бойся, малое стадо!* — ободряет нас Сын Божий. — *Ибо Отец ваш благоволил дать вам Царство* (Лк. 12: 32).

Человеку страшно без Бога. Он ищет Его в фантазиях, в экзотических культах, в мистике и там, где все смешано со всем... И потому христианское свидетельство в современном мире имеет совершенно ясную

Цель — указать, где Бог.

Никогда прежде мир не был столь образован и объединен областью высоких технологий и средств коммуникации. Сегодня он так утомлен своими земными знаниями и достижениями, у него так захватывает дух от открытий и так кружится голова от успехов, что он, кажется, уже не способен верить в то, что не от мира сего, — в Бога.

За два тысячелетия, по Слову Господню, Евангелие Царствия уже практически *проповедано... по всей вселенной, во свидетельство всем народам* (Мф. 24: 14). Естественным образом христиане приблизились к тому времени, когда наша вера обретает характер знания о Боге.

Последние два столетия люди с благими побуждениями говорят о том, что они «верят в Бога» вообще как в разумное основание бытия. А о патриархе Аврааме апостол Иаков говорит, что *веровал Авраам Богу*, — то есть доверял Богу, — *и это вменилось ему в праведность, и он наречен другом Божиим* (Иак. 2: 23). Именно Авраамову *веру Богу* ставит Апостол в пример в своих Посланиях Римлянам и Галатам (См.: Рим. 4: 3, 17; Гал. 3: 6).

Евангельское свидетельство современному миру, видимо, должно быть в большей степени школой доверия Богу. Именно этому вконец разучился современный человек, и нередко даже христиане проявляют неспособность всецело доверять Тому, Кого исповедуют. На социально-психологическом уровне это чаще всего проявляется в том, что Богу, бытие Которого не оспаривается, отводится лишь строго определенное место в жизни: например, в воскресенье за богослужением и в период чтения утренних и вечерних молитв. А в остальное время суток и в жизни в целом человек старательно соблюдает свой суверенитет от Творца.

Детская вера, детская доверчивость Богу — это качества истинно евангельского духа. И как радостно слышать музыку этой детской простоты и твердости веры, эту гармонию доверия в словах вспоминаемого нами сегодня Иова, который просил Творца: *...чего я не знаю, Ты научи меня; и если я сделал беззаконие, больше не буду* (Иов 34: 32).

Но дети растут и, сохраняя эти качества души и сердца, они также приобретают знания, и в том числе — знания о Боге. Об этом сказано еще в Книге Второзакония устами Боговидца Моисея: *И знай в сердце твоём*, — говорит он собрату своему, — *что Господь, Бог твой, учит тебя, как человек учит сына своего* (Втор. 8: 5).

Ученики же бывают разные, и об этом Господь сокрушенно вздыхает в одном из многочисленных обличений, записанных в Книге пророка Иеремии: *...народ Мой глуп, не знает Меня: неразумные они дети, и нет у них смысла; они умны на зло, но добра делать не умеют* (Иер. 4: 21, 22).

Коль скоро ветхозаветные праведники еще до Рождества Христова говорили не только о вере, но и о знании Бога, то какими же огромными сокровищницами этих знаний обладаем мы, современные христиане?! Ведь не только Галилейским рыбакам, но и нам сказал Сын Божий: *Вам дано знать тайны Царствия Небесного* (Мф. 13: 11). Как бы возрадовался о нашем знании Премудрый Соломон, которому было неведомо то, что сегодня малые дети постигают в воскресной церковноприходской школе или в беседах с родителями! Но в то же

время как часто мы забываем слова Екклесиаста, сказанные им о Боге чуть менее трех тысячелетий назад: *Знать Тебя есть полная праведность, и признавать власть Твою — корень бессмертия* (Прем. 15: 3).

Мне кажется, что доверчивая вера Богу призвана сосредоточиваться в человеческом сердце как твердость знания. Когда Символ христианской веры становится смыслом всех иных знаний, которые обретают в нем свою перспективу, — тогда человек плодоносит делами веры и благим ведением, оправдывая слова Спасителя: *Я есмь лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего* (Ин. 15: 5).

Христианское свидетельство современному миру, на мой взгляд, должно заключаться в том, чтобы каждый день, каждый час быть для окружающих той частью вселенной, где Премудрость создала себе дом, который есть Святая Церковь, и провозгласила о том, что *начало мудрости — страх Господень, и познание Святаго — разум* (Притч. 9: 10).

В современном мире, где безмерно ценятся рациональные знания и материальные свидетельства, христиане должны быть теми, о ком молилась бездетная мать по имени Анна за тысячу лет до Рождества Христова: *Да не хвалится мудрый мудростью своею, и да не хвалится сильный силою своею, и да не хвалится богатый богатством своим, но желающий хвалиться да хвалится тем, что разумеет и знает Господа* (1 Цар. 2: 10).

Я намеревался завершить главу этими словами, но мне показалось важным сказать еще кое-что. Итак, христианин — это свидетель Божий, свидетельствующий о Творце перед лицом всего сотворенного. А значит, в преддверии Восьмого дня, когда Господь приступит к творению *нового неба и новой земли*, род христианский во главе с Божией Матерью даст последнее свидетельство, целью которого будет совершенное преодоление неправды, и произнесет решающее слово защиты: *Господь... есть Бог!* (Втор. 4: 35)

Думаю, защита Бога является эсхатологической миссией человечества, ибо не напрасно записано в Книге пророка Исаии: *...вы — свидетели Мои, говорит Господь, что Я Бог* (Ис. 43: 12).

ЕДИНЕНИЕ ЦЕРКВИ В РАЗДЕЛЯЮЩЕМСЯ МИРЕ

О единении в нынешние времена раздумывают и говорят христиане во всем мире. Причиной и побуждением к тому была и остается заповедь Господа нашего Иисуса Христа о единстве (См.: Ин. 17: 11). Однако поводы для особого внимания к этой проблеме отличаются сегодня, на рубеже веков, не только многообразием, но и весьма высокой степенью тревоги за судьбы мира, человеческого рода и такого всеобъемлющего и одновременно очень личного для каждого человека понятия, как Родина.

Сегодня мы размышляем о единении Церкви в условиях, когда мир переживает решительные перемены. Объединяясь во внешних формах и их разнообразных проявлениях, он все глубже разделяется по своему внутреннему содержанию. Само понятие единства в секулярном мире все чаще претерпевает насилие над собой, потому что его нередко вынуждают служить лишь формой, которая подчас не имеет никакого достойного содержания.

Именно поэтому идея единения Церкви, имеющая своим основанием Слово Божие, должна быть, по слову Писания, как *серебро, очищенное от земли в горниле, семь раз переплавленное* (Пс. 11: 7). Каждый, кто говорит, а тем более трудится на ниве церковного единства, призван *семь раз переплавить* свои помыслы и свою совесть, очищая их от предубеждения и корысти, своеволия и лукавства.

Чудо единения Русской Церкви

Размышляя об этом, я вспоминаю чудо восстановления единства Московского Патриархата и Русской Зарубежной Церкви, в приходах которой, распространенных по всему миру, недавно совершались празднования в честь возобновления канонического общения внутри единой Поместной Русской Православной Церкви.

К этому достопамятному событию, совершившемуся в день Вознесения Господня в мае

сего года, вел не один лишь путь церковного диалога. Всем, кто здесь присутствует, хорошо известна история России в XX столетии, и потому сейчас нет необходимости напоминать о причинах и обстоятельствах трагического разделения Российской Церкви. Нелегкие и не прямые пути к церковному единению проходили через пустыни недоверия и неприязни, через горы исторических противоречий и разномыслия, через бушующие потоки человеческих страстей, распрей и амбиций... Сама мысль о возможном возобновлении церковного единства будоражила светское и особенно — постсоветское общество. До последнего дня предпринимались попытки сорвать историческое событие! И это дает нам основание делать серьезные выводы о положении дел в стране и в Церкви.

Сегодня, охватывая взором события прошедших лет, мы с полной ответственностью свидетельствуем, что в совершении чуда единения Русской Церкви личное и весьма деятельное участие принимали святые нашей земли. К ним обращались сотни тысяч верующих сердец с любовью и надеждой, и они отвечали взаимностью. Чудесным образом Церковь обретала святые мощи в хранилищах и музейных запасниках; чудотворные иконы и колокола возвращались на родину из-за рубежа. Творения святых отцов древности и тома агиографической литературы издавались и по сей день выходят в свет весьма внушительными тиражами.

Так год за годом наша земля постепенно умиряется от смут и гражданских противостояний. Важнейшей частью этого движения духа стали такие явления, как церковное прославление сонма новомучеников и исповедников, а также всеправославные торжества в честь преподобного Серафима Саровского.

Духовная ностальгия

Паломничества сотен тысяч людей к возрождаемым святыням и молитвы у чудотворных икон, строительство и возрождение храмов и монастырей, объединение исторической русской диаспоры по всему лицу земли в едином переживании острой духовной ностальгии — все это дела веры. Они преображают сердца людей и свидетельствуют о том, что мы не потеряли Святой Руси, духовного Отечества наших предков.

И мы начинаем сознавать, что, для того чтобы обрести утраченное, его поиски всегда следует начинать в сокровенной глубине своего сердца, в голосе крови, в личной памяти. А затем обретенный образ нужно оживотворить молитвой и начать шаг за шагом воплощать его в жизнь.

В Беларуси среди верующих не было двусмысленности в отношении к восстановлению единства в лоне Матери-Церкви. Еще в начале 90-х годов прошлого столетия Белорусская Православная Церковь обрела самоуправление, сохранив как святыню каноническое единство с Московским Патриархатом. И чувство Родины у белорусского народа связано со Святой Церковью не меньше, чем у россиян. Именно этим порою не всегда сформулированным, но вполне осознанным мотивом объясняется взаимное стремление белорусов и русских к единению наших народов — ведь у нас один Господь, одна вера, одно Крещение и Единая Церковь.

Церковь Христова — Единая Святая Соборная и Апостольская Церковь — расширяет и понятие Родины для верующего человека, придавая этому понятию особое духовное измерение.

Место моего рождения — Москва. Но не только этот город является моей Родиной. В Свято-Троице-Сергиевой Лавре я родился как монах и священнослужитель. А когда приснопамятный владыка Никодим (Ротов) впервые привез меня на землю моих предков, мое сердце вобрало в себя Ярославль и Поволжские земли как Родину моих отцов, как землю моих корней. Северная Российская столица Санкт-Петербург и град Тихвин, где я нес первые архиерейские послушания, продолжили расширять для меня понятие Родины, мое личное понимание, личное ощущение и переживание его. Это понятие не было связано ни с государственной идеологией, ни с патриотической риторикой — оно было свободно в священном смысле этого слова, когда вся полнота личности осознает, что *где Дух Господень, там свобода* (2 Кор. 3: 17).

Такую свободу Господь даровал мне испытать в бытность Патриаршим Экзархом Евро-

пы, когда и Берлин, и Париж, и Рим, и многие иные города и веси, страны и народы от северных пределов Европейского континента до Святой Горы Афон и Града Иерусалима становились для меня близкими и родными, словно я там родился. А я просто старался обрести в местах своего служения, в храмах и в людях, в паломнических поездках ту самую — всеобъемлющую и надмирную — истину, о которой говорил Господь наш Иисус Христос, что познавший ее делается свободным (См.: Ин. 8: 32).

Сердечный простор и широта мысли

В словах одного из псалмов, написанного, как полагают, во времена Ездры и Неемии, нам открывается важнейшая закономерность духовной жизни: *Потеку путем заповедей Твоих*, — говорит человек, обращаясь к Богу, — *когда Ты расширишь сердце мое* (Пс. 118: 32). Также и в своем Послании к жителям Коринфа святой апостол Павел говорит: *Уста наши открыты к вам, Коринфяне, сердце наше расширено* (2 Кор. 6: 11). И далее добавляет: *Вам не тесно в нас; но в сердцах ваших тесно* (2 Кор. 6: 12).

Понятие сердечного простора и сердечной тесноты представляются мне ключевыми, когда речь идет о единении Церкви и о межхристианском диалоге. В равной степени это относится и к сфере межлических отношений. Все мы прекрасно знаем из собственного жизненного опыта, что полное взаимное понимание и глубокое, искреннее взаимное прощение возможны лишь при условии равного великодушия сторон.

О необходимости такого великодушия говорил Коринфянам апостол Павел.

Христос Спаситель в Своем монологе, где ключевым обращением были слова *книжники и фарисеи, лицемеры* (См.: Мф. 23), обличал иудеев именно в тесноте сердца и в узости души. И потому мы сознаем, что Церковь Христова — это не система запретов, рамок и ограничений, которые способны весьма усугубить начатки любого разделения, что, кстати, и приводит к появлению различных группировок и сект. Нет! Церковь — это школа обретения свободы, университет великодушия, академия расширения сердца Творцом и для Творца.

Однако желающий пройти весь этот курс Божественного обучения должен знать, что *слово Божие живо и действительно и острее всякого меча обоюдоострого*, как свидетельствует апостол Павел, *оно проникает до разделения души и духа, составов и мозгов, и судит помышления и намерения сердечные* (Евр. 4: 12). Если в этих словах мы не сумеем увидеть основ своей личной ответственности пред Богом за Его Церковь, то успех диалога о единении будет сомнителен.

Здесь мне хотелось бы назвать одно личностное качество, препятствующее плодотворному общению: это — узость мышления. Я упоминаю о нем потому, что в попытке его преодоления кроется опаснейшее искушение.

Не утвержденному в христианских ценностях сознанию может показаться, что преодолением узости мышления может служить свободомыслие. Но когда человек сам, без участия Бога пытается раздвинуть рамки своего мировоззрения, расширить их максимально, чтобы впустить в свой внутренний мир как можно больше информации из мира внешнего, тогда наступает катастрофа, о которой предупреждал Господь Иисус Христос: *...какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мк. 8: 36)

Простота и доступность всемирной коммуникации, объединение Европы, упрощенная миграция, права человека, политкорректность и толерантность — все это действительно похоже на долгожданное исполнение исторических европейских мечтаний. Но реальность оказывается гораздо жестче и порою — трагичнее.

Во всемирной информационной сети человек еще более одинок, чем наедине с собой, потому что он не несет ответственности ни за себя, ни за кого... В отсутствии или в нежелании личной ответственности перед конкретным человеком и обществом лежит первопричина одиночества. Общение с собеседником, лица которого не видишь и голоса не слышишь, взаимно безответственно, а потому большей частью бесплодно и для души и для сердца. В результате человек может потерять навык общения с реальным миром и живыми людьми! А на смену настоящей жизни приходят психические расстройства и разрушение социальных основ личности.

Необходимо признать, что и общеевропейский дом состоит не только из парадных залов, блистающих гостиных и уютных столовых комнат. Как и в любом доме, в нем должны быть коридоры, кладовые и технические помещения, иные места... С этим, наверное, трудно смириться, и поэтому даже в некоторых давнишних членах Евросоюза национальный сепаратизм усиливается год от года, а наблюдатели прогнозируют укрепление политических позиций евроскептиков.

Оторванные от родных корней, европейские мигранты уже в первом поколении испытывают трудности в определении того, что для них Родина, где их Отечество и какую страну они действительно любят как патриоты, то есть всем сердцем, до самопожертвования, — страну своего исхода или страну своего работодателя. Самое ужасное, когда на этот вопрос вообще нет ответа...

Попечение об одних лишь правах человека без его персональной ответственности пред Богом и людьми приводит к умножению порока, социальному цинизму и к диктатуре крайнего индивидуализма.

В целом без христианской закваски почва Европейской культуры и цивилизации может оказаться бесплодной. И тогда страшно отзовутся в Европе слова Господа, сказанные пророку Иезекииллю в час нашествия Халдеев, которые овладели Святым Градом и изгнали его обитателей: *...твоим братьям, твоим единокровным... всем им говорят живущие в Иерусалиме* [Халдеи — М.Ф.]: *«живите вдали от Господа; нам во владение отдана эта земля»* (Иез. 11: 15).

Именно такое разделение мира и, что особенно важно для нас с вами, такое внутреннее разделение Европы является величайшей опасностью нынешнего столетия. Потому мы призваны обращать особое внимание на определение Церкви в Символе нашей веры: *Верую во Единую Святую Соборную и Апостольскую Церковь*.

Это единство Церкви должно проявляться не в унификации *credo* разных конфессий, не в попытке их механического объединения и уж тем более не в утопическом унионизме, который в истории наших стран надолго утопил в слезах и в крови идею единения Церкви Христовой.

Сегодня основы церковного единения заключаются в единстве христианского отношения к творению Божию и в первую очередь — к самому человеку. Размышлять и трудиться над единением Церкви возможно лишь на основании общности христианских целей, ценностей и, что немаловажно, путей и способов их достижения. Наконец, в центре единства Церкви неизменно пребывает ее Основатель и Глава, Господь наш Иисус Христос, Который *вчера и сегодня и во веки Тот же* (Евр. 13: 8).

Отечество земное и Небесное

С неизменностью первоосновы Святой Церкви тесно связано христианское понятие Отечества. Их у христиан два — земное и Небесное. И если христиане вполне реально осмысливают себя, по словам апостола Павла, как *сограждане святым и свои Богу* (Еф. 2: 19), то их отношение к каждой христианской стране и народу, к каждой пяди исторически христианской земли будет таким же, как к Отечеству Небесному и как к своей духовной Родине. А духовная Родина состоит, как мы уже говорили, из тех мест, где мы повстречались с Богом.

Потому я с особой благодарностью и благоговением выражаю свою любовь к Белой Руси, где я несу архиерейское послушание уже три десятилетия. Эта земля и люди, живущие на ней, дороги мне как братья и сестры, как моя возлюбленная паства, как соотечественники.

Беларусь находится на рубеже между Востоком и Западом в географическом, в конфессиональном и в мировоззренческом смысле. Сегодня это не «восточные окраины» и не «северо-западный край», но суверенная территория. И для жителей Беларуси понятие единства в его самом широком смысле — это исторический вопрос жизненной важности.

Так, столетия тому назад в Великом Княжестве Литовском стабильный религиозный мир и конфессиональное добрососедство сохранялись и до и после Люблинской унии 1569 года. Принципы религиозной свободы были закреплены в постановлениях Варшавской конфедерации 1573 года и в Уставе Великого Княжества в 1588 году. Такое положение позволяло

укреплять и развивать естественную религиозность многонационального и многоконфессионального народа и определяло особый наднациональный стиль решения вопросов в этой области.

Однако положение дел менялось по мере приближения 1596 года — трагического для идеи церковного единства. Недостойное заключение Брестской церковной унии было далеко и по форме, и по содержанию от того, что спустя века сформулировал в стенах православного собора в Белостоке Папа Иоанн Павел II во время поездки в Польшу в июне 1991 года: «Диалог истины, откровенности и любви — единственный путь к полному единению. Это дар Божий, незаменимое средство на пути к примирению».

В национальной памяти белорусского народа, в истории Белорусской Православной Церкви и в жизни нашего земного Отечества ярко сияет имя благоверного князя Константина Константиновича Острожского. Достойный сын благочестивого отца, киевский воевода Константин Острожский воспринимал заповедь Христову о единстве как идеал гражданской и религиозной жизни многочисленных христианских народов Европы.

Но 24 июня 1595 года в окружном послании к православному духовенству и мирянам он призвал их твердо стоять в православной отеческой вере. Это был призыв-ультиматум без права на историческую ошибку и без какого-либо намека на дипломатическую уклончивость или тонкую игру. «Мы не воздух и не ветер пасем, но единую истинную веру исповедаем и ее соблюдаем», — взывал он к своим единоверным соотечественникам. Вся его жизнь и деятельность были примером твердости в вере и гибкости в средствах ее защиты и укрепления.

В 2008 году отмечалось 400-летие со дня кончины этого верного сына Святой Церкви и героя нашего Отечества, который мечтал о церковном единстве и всего себя посвятил борьбе за его чистоту. В нынешние времена никто, кроме Церкви, не даст миру деятельного ответа на вопрос, что такое *единство духа в союзе мира* (Еф. 4: 3) и как его достичь. Это — наш долг перед лицом наших отцов, созидавших христианскую европейскую цивилизацию, и перед грядущими поколениями христиан. Вот почему мне представляется особенно важной возрастающая общность христиан Европы в их стремлении сохранить, развить и укрепить христианские основы европейской цивилизации в третьем тысячелетии от Рождества Христова.

Молитвами покровителей Европы святых равноапостольных Мефодия и Кирилла и святого Венедикта Нурсийского да подаст нам силы Всемиловитый Господь к исполнению миссии единения *со всяким смиренномудрием и кротостью и долготерпением, снисходя друг ко другу любовью* (Еф. 4: 2).

ЦЕРКОВЬ ПЕРЕД ВЫЗОВОМ ГЛОБАЛЬНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Практические замыслы глобализационных процессов активно вызревали в недрах рода человеческого в течение всего XX столетия, но истоки идеи объединенной Европы, единого мирового сообщества на деле намного старше.

Бесспорно, что корни этой идеи не определяются одними лишь утопическими картинами литераторов прошлых столетий, но уходят в многовековые глубины Европейской политической и экономической мысли. Однако внимательный и беспристрастный взгляд обнаруживает еще более древнее происхождение идеи, которая сегодня формирует образ современного мира. Ее начало имеет религиозное происхождение.

Воспоминание о совершенном единстве сотворенного мира живо в трех основных монотеистических религиях, а библейская Книга Бытия приводит мнение Самого Творца о первоизданном мире: *И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма* (Быт 1: 31).

Желание человека вернуть в свою земную жизнь, а точнее — попытки воссоздать здесь и сейчас хотя бы малую толику того, что в своем совершенстве было *хорошо весьма* (Быт 1: 31), в свое время вызвали к жизни научно-технический прогресс и все его последствия вплоть до сего дня.

Мечта о социально-политической гармонии в истории человеческой мысли неразрывно связана с тоской об утраченном рае, о том мире, где торжествует правда.

Стремление создать хотя бы признаки мировой социально-политической гармонии особен-

но обострилось после бедствий Второй мировой войны и совершенно неожиданно получило научно-техническую поддержку во второй половине прошлого столетия. Казалось, что тогда было обретоено недостающее звено, а именно — возможность всемирной коммуникации, которая давала людям ощущение власти не только над пространством, но в определенной мере и над временем. Огромный мир стал меньше, и теоретически люди должны были стать ближе друг ко другу...

Однако *какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16: 26) — вопрошает Господь. Это вопрошание Творца определяет главную позицию Церкви перед лицом тех вызовов, которые брошены современному человеку глобальной цивилизацией.

В предчувствии «нового неба и новой земли»

Парадокс заключается в том, что, будучи даже в самом центре глобализационных процессов, человек способен и должен в большей или меньшей степени сохранять свою автономность от них. И чем более развито его религиозное сознание, тем выше степень его личной свободы, несмотря на тиски корпоративной глобалистской этики, которая, к слову, способна быть намного жестче и лицемерней, чем это подчас представляется нашему поверхностному взору.

Христианство обладает Книгой, в которой подтверждается неизбежное исполнение закона энтропии, а иными словами — распада в истории человеческого мира. Откровение, данное Богом святому апостолу и евангелисту Иоанну Богослову, свидетельствует о конечности земного мира и о его переходе в новое качество в так называемый Восьмой день творения, когда Создатель исполнит сказанное Им в Ветхом Завете Слово: *Я творю новое небо и новую землю* (Ис. 65: 17), на которых, по свидетельству апостола Петра, *обитает правда* (2 Пет. 3: 13).

Вызов глобальной цивилизации означает для Церкви лишь одно: необходимость сохранять живое понимание непреходящей, надмирной правды и развивать в своих чадах навык ее воплощения в жизни мира вплоть до его конца. Если угодно, это призвание можно назвать миссией спасения человеческого рода от его внутреннего распада, или служением духовного и душевного упорядочения человеческой личности, или делом постоянного обновления лествицы, по которой живые души восходят к своему высшему вечному бытию...

Во всех случаях речь идет о том, что каждый из нас, христиан, призван примером своей жизни являть окружающему сообществу людей модель противостояния деградации личности, пример восстановления извращаемых общественно-культурных и морально-нравственных связей в обществе, образец торжества Божественного порядка над хаосом измышлений падшего разума.

Особенно важно сознавать это в педагогической среде. Ведь не случайно именно система образования становится главным партнером Церкви в нашем общем социальном служении Белорусскому Отечеству. И я не могу не отметить, что наше партнерство начиналось именно с Кирилло-Мефодиевских чтений, которые уже в тринадцатый раз совместно проводятся Институтом теологии Белгосуниверситета и Белорусским государственным университетом культуры и искусств в дни празднования памяти равноапостольных святителя Мефодия и преподобного Кирилла.

Со времен святых Солунских братьев область семейного и общественного воспитания, образования и просвещения стала для славянских народов особенно важной сферой деятельности, ибо именно здесь формируется душа человека, лицо поколения, образ нации.

Среди противоречий глобальной цивилизации наших дней наиболее острой является двойственная тенденция: с одной стороны, определенные слои общества в разных странах и народах унифицируются, превращаясь в клонов массовой культуры, а с другой стороны, протест против этой унификации нередко вырождается в радикальный национализм или анархию.

И то и другое представляет смертельную опасность для любого общества. Вот почему непреходящей ценностью было и остается для нас завещание святого Кирилла, которое он произнес, вручая славянам переведенное им Евангелие от Иоанна: «Примите, славяне все, Слово,

Которое укрепляет сердца и умы». Приумножая полученное наследие, мы призваны приложить все силы к тому, чтобы его сияние в наших словах и делах привлекало бы к нему все новые и новые сердца и умы!

Глобализация с богословской точки зрения

Глобализация, как говорит само название, — это процесс, в результате которого на первый план выходят проблемы общемирового характера. Мир становится все более тесным и взаимозависимым. Это происходит в политической сфере, где действуют международные институты, объединяющие так называемое «мировое сообщество». Это имеет место в сфере экономики и финансов, где устанавливаются единые стандарты и происходит конкуренция в мировом масштабе. Наконец, это можно наблюдать и в области культуры: в мире активное взаимное влияние и взаимное проникновение различных культур создают, как теперь принято говорить, новое общее «культурное поле».

Глобализация — явление современное, которое знаменует наступление определенного этапа исторического процесса и отражает результаты развития науки и техники. Сложность глобализации как феномена и как процесса обусловлена ее парадоксальностью. Так, например, ее истоки лежат в западной части мира, исторически связанной с христианством. Но в то же время ей свойственна подчеркнутая секулярность. Имея объективный характер, глобализация одновременно представляет собой результат деятельности людей, которые руководствуются вполне определенными личными и корпоративными представлениями о мире и о месте человека в нем.

Истоки глобализационного феномена

Обратимся же к истокам глобализации как исторического феномена. Понятие истории как поступательного развития человеческого общества и культуры онтологически связано с библейским представлением о ней как о священном процессе общения человеческого рода и составляющих его сообществ с Творцом. Такой взгляд не был свойственен дохристианской античности.

Европейская наука Нового времени исходила из библейского понимания мира и человека, согласно которому человек призван познавать и возделывать мир. Сотворив человека, мужчину и женщину, Бог вручил им Свое творение и заповедал: *Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею* (Быт. 1: 28).

То же касается и понятия *ойкумена* — вся обитаемая земля. В дохристианской античности этим словом обозначали мир, населенный греками, а позднее — Римскую империю как империю «мировую». «Вселенная» тогда ограничивалась территорией, охваченной цивилизацией.

Христианство расширяет это понимание, поскольку стремится распространить свою проповедь по всему лицу земли, согласно заповеди Христа Спасителя: *Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари* (Мк. 16: 15).

Можно сказать, что именно в христианстве впервые возникает идея глобализма: Церковь мыслится как вселенская, в пределе охватывающая все народы и местные культуры, так что под ее Главою — Христом — объединяются все насельники земли.

Однако если сравнивать христианскую «глобализацию» с нынешней, очевидными становятся весьма серьезные принципиальные различия.

Библейская священная история, продолжающаяся в истории Церкви, — это история спасения. История в современном понимании — это развитие и совершенствование социально-экономических институтов и технических средств.

В христианстве познание человеком богозданного мира не ограничивается освоением внешней для него природы, но имеет высшей целью познание Бога Творца, согласно слову апостола Павла: *Ибо невидимое Его (Бога), вечная сила Его и Божество, от создания мира через рассматривание творений видимы* (Рим. 1: 20). Так и Вселенская Церковь является прежде всего духовным объединением всех верующих во Христа Спасителя. К тому же уни-

версальная, кафолическая природа Церкви не означает отрицания или подавления национальных и культурных форм, в которых христианство нашло свое воплощение в ходе истории.

С библейской точки зрения, человеческая культура в тех формах, которые нам известны из истории, возникает и развивается уже после грехопадения человека. Кстати, поэтому ее иногда называют «каиновой культурой». Цивилизация и культура — двусмысленны. В них присутствуют творческие, созидательные черты, являющие силу человеческого духа, способного побеждать зло и строить жизнь на основании высших ценностей. Но здесь же проявляется и склонность человека к эгоизму, к потворству низменным страстям, к умножению корысти. А в зависимости от этого и сама история может быть не только прогрессом человеческого общества, но и его регрессом — прежде всего в духовном и нравственном отношении.

Противоречия глобализации

Современная глобализация является противоречивым результатом длительного исторического развития человечества. Обратим внимание на ее некоторые ключевые противоречия.

Во-первых, современные экономические, социально-политические, культурные процессы приобрели объективный характер. Однако, как уже было сказано, в них участвуют люди, обладающие свободой выбора, в том числе в области мировоззрения, и никто не может снять с них ответственность за происходящее. История творится людьми, а не безличными законами. Это не значит, что мы можем радикально изменить ход истории, но мы ответственны за то, какое направление принимает историческое развитие.

Во-вторых, глобализация означает, что на первый план выходят интересы мирового сообщества в целом, а также тех институтов и организаций, которые эти интересы представляют и защищают. Естественно, «двигателем» глобализма являются наиболее сильные в экономическом и политическом отношении члены мирового сообщества.

Это приводит к тому, что более слабые участники оказываются в зависимом положении и вынуждены подчинять свои собственные интересы интересам большинства или, точнее, интересам лидеров глобализации.

Глобализация создает напряжение между универсальными всеобщими интересами (как их понимают ее активные сторонники) и интересами частными — индивидуальными и групповыми. В данном случае можно говорить о тех угрозах, которые глобализация представляет для отдельных национальных, культурных и религиозных общностей.

В-третьих, нельзя не видеть, что глобализации предшествовал процесс разрушения ранее почти непреодолимых барьеров между нациями и культурами. Теперь же набирающие силу глобализационные процессы создают опасность подавления локальных культур во имя неких «универсальных ценностей». Почему это происходит?

Двусмысленность культуры

Здесь мы сталкиваемся с противоречием особого рода. Оно связано с тем, что выше было названо двусмысленностью культуры. Это противоречие наиболее отчетливо обнаруживается именно с богословской точки зрения.

Христианские представления о мире и о человеке обуславливают понимание того, что человек принадлежит не только к своей местной культуре, но и ко всему человечеству, соединенному в Творце. Но в последние столетия произошел отрыв этих представлений одновременно и от своего источника — христианской веры, и от конечной цели существования — от Бога.

В результате секуляризации процессы познания и освоения мира, созидание культуры, прежде неотделимой от христианской веры, стали всецело посюсторонними, приземленными, лишились духовной глубины и надмирной высоты. Замкнувшись на саму себя, культура утратила способность к позитивному развитию. Цивилизация, построенная на сиюминутной выгоде, на корысти, на идеале «все более полного удовлетворения потребностей» нравствен-

но несовершенного человека становится нежизнеспособной, потому что не соответствует изначальной природе человека.

Человек превышает тот мир, в котором он живет. Человек не только греховен, он призван к преодолению своей греховности и к духовному возрастанию, к достижению *почести высшего звания Божия* (Флп. 3: 14), как говорит об этом апостол Павел. Только в этом стремлении и на этом пути человек может преодолеть восстающие на него греховные страсти. Не просто борьба со злом в себе и в мире, но творение добра и его утверждение — вот духовная задача человека.

Может показаться, что такая задача не имеет отношения к проблемам глобализации. Однако это не так. Глобализация как определенный этап развития секулярной культуры ставит перед нами прежде всего вопросы о человеке, о его месте и значении в современных исторических процессах. В конечном счете, вопрос состоит в том, станет ли человек — духовно свободный и нравственно ответственный — заложником неких «объективных процессов», в которых его личность окажется одним из винтиков «машины истории», или он сможет отстаивать достоинство своего происхождения по образу и подобию Божию, свое духовное первородство.

В своих экономических и политических аспектах глобализация прагматична. В то же время в ее идеологии присутствует и некий культурно-просветительский пафос. Впрочем, это весьма однобокое просветительство, которое сводится к распространению по всему миру тех жизненных стандартов, которые характерны лишь для одной его части, доминирующей в материально-техническом плане.

И здесь мы должны задаться важным вопросом: можно ли избежать тех опасностей, которые глобализация несет с собой, и направить ее в позитивное русло? Это сложный вопрос, и об этом нам стоит подумать вместе.

С христианской точки зрения очевидно, что главная опасность нынешнего этапа развития цивилизации заключается в ее принципиальной приземленности, в нарочитом отрицании духовного измерения бытия. Однако вся предыдущая история человечества свидетельствует, что цель жизни человека всегда должна быть выше его обыденных потребностей. Цель всегда должна указывать на чаемое совершенство. Недаром в древнегреческом языке слово цель — «telos» — означает и исполнение, и высшую власть, и жертву, и посвящение. В человеке призвано доминировать стремление к нравственному совершенству, как заповедано Господом Иисусом Христом: *...будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5: 48). В этом состоит конечная цель человеческого бытия, которой, в конечном счете, должны служить общественные процессы и институты.

Глобализация не должна стать очередным витком отпадения мира от Бога. Нельзя допустить, чтобы она стала безбожной, ибо в этом случае она неизбежно станет и бесчеловечной.

С богословской точки зрения, противоядием может служить только одно — возвращение к пониманию того, что мир не является замкнутым, автономным и самодостаточным. Необходимо ясно понимать, что мир — это творение Бога, и что Сущий над всеми Бог является предельной целью человеческого существования — индивидуального и общественного, и что полнота бытия человека достигается за пределами этого мира.

О том, что такая полнота жизни предощущается и переживается еще в этом мире, свидетельствует тысячелетний опыт христианской Церкви — ее святых угодников и блаженных подвижников.

ПРОБЛЕМА ЗЛА В ПРАВОСЛАВНОМ БОГОСЛОВИИ

Когда мы, христиане, обращаемся к проблеме зла, то оказываемся в парадоксальной ситуации. Ведь для того чтобы понять, что такое зло, мы должны хотя бы умственно приобщиться злу. Но Святое Писание говорит нам обратное: *...отвращайтесь зла* (Рим. 12: 9). А с другой стороны, как мы можем отвращаться от зла, если не знаем, от чего нужно отвращаться? Как мы можем стремиться к добру, если не знаем, чем оно отличается от зла?

Этот парадокс указывает на то, что проблема зла не является чисто теоретической. Обращаясь к проблеме зла, мы особенно ясно сознаем, что понимание требует вовлеченности в

то, что мы хотим понять. Зло — это не нейтральный объект, если вообще существуют нейтральные объекты познания. Понимание зла само по себе является моральной, а лучше сказать, духовной проблемой.

Можем ли мы понять, что такое зло, не приобщаясь в то же время злу как таковому? Или, если использовать выражение апостола Иоанна Богослова, не погружаясь в *так называемые глубины сатанинские* (Откр. 2: 24)?

К проблеме зла можно подходить по-разному.

Источник зла

Можно исследовать то зло, которое совершается в мире и последствия которого мы испытываем на себе. Это, так сказать, объективное зло, источником которого являются события и процессы, происходящие в природном и социальном мире. И тогда предметом нашего рассмотрения является сам порядок мироустройства. В этом случае возникает вопрос: не является ли причина зла онтологической, то есть не заключено ли зло в самой бытийной основе мира и человека?

Но в то же время мы видим, что зло творится, и творится самими людьми. А это значит, что нельзя обойти и другой вопрос — об истоках зла в самом *этосе* человека, в его намерениях и поведении. Есть что-то особенно противоречивое в том, что человек, который страдает от разного рода зла, сам творит зло. И творит его активно и даже *изобретательно* (Рим. 1: 30), как говорит апостол Павел.

Проблема зла — это вопрос об источнике зла. И даже если мы ищем этот источник в объективном устройстве мира и человеческой жизни, мы неизбежно приходим к человеку, о котором точно знаем, что он *производит зло*.

Однако если человек — это один из источников зла в мире, сам человек не является источником своего собственного бытия. Следуя определенной логике, мы ищем источник зла там, откуда произошли и человек, и объективный мир, в котором он живет. И так мы приходим к вопросу о том, насколько Творец мира и человека виновен в существовании зла, — приходим к проблеме теодицеи, то есть «оправдания Бога».

Это законный путь рассуждения — искать первопричину, порождающую определенные следствия. Но в данном случае такая логика не вполне соответствует предмету рассмотрения. Если причиной бытия человека является Бог, то причиной зла, творимого человеком, является *сам человек*. Ведь мы по опыту знаем, что зло приходит к нам не только извне. Мы чувствуем, что сами *производим* зло, и не можем, уподобляясь Еве, «переложить» это зло на кого-то другого. Поэтому для нас разрешение проблемы существования зла обязательно связано и с самоиспытанием. Ведь в конечном счете проблема в том, как противостоять злу или, по крайней мере, ему не поддаваться. Но для этого нам необходимо прояснить статус зла с точки зрения богословской онтологии.

Статус зла

Согласно древней церковной традиции, следует утверждать, что зло не есть. В бытии как таковом нет такой «части», которая сама по себе была бы злом. Все сотворенное Всеблагим Богом есть благо, *добро зело* (Быт. 1), а потому у того, что благом не является, не может быть сущности, субстанции. Даже падшие ангелы по природе своей являются благими. Бог зла не сотворил. Автор Книги Премудрости Соломона говорит: *Бог не сотворил смерти и не радуется погибели живущих, ибо Он создал все для бытия, и все в мире спасительно, и нет пагубного яда, нет и царства ада на земле. Праведность бессмертна, а неправда причиняет смерть* (Прем. 1: 13–15). И в другом месте: *Бог создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего; но завистью диавола вошла в мир смерть, и испытывают ее принадлежащие к уделу его* (Прем. 2: 23, 24).

Что же такое зло? Богословский ответ таков: зло — это не природа, не сущность. Зло — это определенное *действие* и состояние того, кто производит зло. Есть известное и часто цитируемое высказывание блаженного Диадокха Фотикийского (V век): «Зло — не есть; или

вернее, оно есть лишь в тот момент, когда его совершают». В этой формуле выражена самая суть зла, но это не «сущность» в философско-богословском значении этого понятия.

Другими словами, источник зла — не в устройении объективного мира, а в воле. Источником зла являются те *существа*, которые обладают волей. Те существа, которым Сам Творец дал возможность, но также и заповедь свободно относиться к богозданному миру — к миру, дарованному Богом Своим творениям.

Таким образом, с *онтологической* точки зрения зло нереально, оно не существует. Однако это с богословской точки зрения верное утверждение входит в очевидное противоречие с нашим опытом. То, что зло не существует онтологически и что оно коренится в свободной воле творений, не означает, что зла вообще не существует. Зло, конечно же, существует в мире, но не так, как существуют в нем вещи, организмы и все, что имеет «сущность». Потому что мир, в котором живет человек, — это не только некое упорядоченное Богом целое. Это также и область деяний тех существ, которых Бог наделил волей. Причиной этих деяний являются не внешние объективные законы, а именно воля и свобода. Так мы приходим к главному выводу: источником зла в мире является не Бог, сотворивший мир, но Его свободные создания.

Реальность зла

В чем же реальность зла? В его действенности. Зло происходит потому, что тварное бытие не является бытием, полностью зависимым от Всеблагого Бога Творца.

Отсюда и другое важное заключение, к которому нас приводит именно рассмотрение проблемы зла. *Бытие*, которое изучает философская и богословская онтология, не ограничивается миром сущностей, то есть тех «идей» и «смыслов», которые являются основой объективного природного мира. Обладающие волей субъекты — тварные существа, также относятся к бытию, потому что они тоже существуют в мире.

Что характеризует эти существа? То, что они сами являются причиной и источником своих действий, несмотря на то что существуют во внешнем для них мире, который ограничивает их свободу. Но *свобода* совсем не означает отсутствия ограничений. Напротив, свобода творений — это именно свобода в тех пределах, которые поставлены Творцом. Это свобода в условиях тварного бытия. А потому она по необходимости включает *свободное отношение* к Богу Творцу.

Ошибка всех концепций зла гностически-манихейского толка состоит в том, что в них злу отводится место в самом бытии — или в тварном, или даже в нетварном. Подобный дуализм противоречит христианскому пониманию творения мира и происхождения зла.

Но если мы утверждаем, что зло относится к сфере воли, тогда, безусловно, нужно говорить о дуализме. Только этот дуализм никоим образом не относится к Богу, а только к свободным тварям.

Человек действительно внутри самого себя пребывает как бы в поле напряжения между двумя полюсами — добра и зла. Таково нынешнее состояние человека после грехопадения Адама. И каждый из этих полюсов обладает притягательной силой. Но их соотношение не симметрично, потому что на одном полюсе — именно *плюс*, а на другом — именно *минус*. То обстоятельство, что зло действует и *в* нас самих, и *вне* нас, что мы сами одновременно являемся и производителями зла, и его восприимчивыми, имеет серьезные последствия: пребывая в состоянии греха, мы, в сущности, не знаем, что есть добро. То есть мы знаем добро именно как нечто относительное, а не абсолютное. Абсолютным Добром является только Сам Бог, как Он есть. В нашем же опыте «добро» и «зло» соотносительны. И потому порой взаимозаменяемы.

Вспоминается высказывание великого русского христианского писателя XIX века Николая Васильевича Гоголя: «Грусть оттого, что не видишь добра в добре». Здесь схвачена очень важная характеристика того, как зло действует в пространстве нашего человеческого добра.

Зло обманывает. И сила его такова, что оно превращает наше добро в себя самого, то есть в зло. Это хорошо знают на опыте аскеты-подвижники, которые устремлены именно к Абсо-

лютному Добру — Богу — и противостоят искушающей силе богопротивника сатаны. Но это знает, хотя и в меньшей степени, каждый христианин, который стремится творить добрые дела, но часто поддается искушению самолюбования и гордыни, когда ему удастся сделать что-либо доброе.

Другой образ добра и зла дает апостол и евангелист Иоанн Богослов — это образ света и тьмы. *Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы* (1 Ин. 1: 5). Свет — это абсолютный позитив, «плюс», а тьма — отсутствие света, тень, нечто внешнее по отношению к свету (как в выражении «тьма крошечная»), «минус». Свет — это излучение благодати Божией. А тьма — это отсутствие света.

Зло, как правило, скрывается от света, оно в тени. Но это не значит, что оно не активно. Зло обманывает и искушает нас изнутри, и особенно тогда, когда мы прилагаем усилия, чтобы творить не зло, а добро.

Зло проявляется в нас самих и нередко овладевает нами. И потому *теодицея* связана с *антроподицеей* — «оправданием человека». Возникает вопрос о том, как оправдать наше собственное существование, потому что мы видим, что грех в нас почти всемогущ, так что и добрые намерения и дела порой превращаются во зло. Потому что добро, нами творимое, мы можем обратить в источник собственной гибели, если оно станет в нас причиной тщеславия, лицемерия, жестокосердия, самопревозношения и гордыни.

Понимание того, что зло — это не субстанция, а воля, что это не природа, а *состояние* природы, заставляет нас, прежде всего, исследовать зло в «пределах» собственной личности. Зло персоналистично.

Персонификация зла

Но как возникло в человеке зло? Не только потому, что человек захотел стать *как Бог* (и тем самым согрешил), но и потому, что человек, будучи не Богом, а тварью, обладает богоподобной свободой. Зло в форме греха возникает как бы в *промежутке* между ограниченной, тварной природой человека и выходящей за пределы природного детерминизма богоподобной свободой. Или, другими словами, в пространстве «между» природой и личностью в человеке.

Свободная воля человека как тварного существа — это воля гномическая, если воспользоваться терминологией преподобного Максима Исповедника, то есть воля выбирающая. Она вынуждена выбирать потому, что человек поставлен в ситуацию выбора уже в силу того, что существует не по своей собственной воле. Человек свободен, но — в ситуации выбора. И главный выбор, который он должен сделать, — это выбор между следованием воле Божией и сопротивлением, отказом следовать Божественной воле.

Свободный человек стоит перед выбором, как относиться к Богу — с доверием или, наоборот, с недоверием. Необходимость веры заложена уже в той ситуации, в которой человек обнаруживает себя, явившись в мир. В этом — парадокс свободы человека как существа *тварного*.

Но Бог, как учит нас Евангелие, есть не только Творец, Который, как любой художник, отстранен от плода Своего творчества. В Богочеловеке Иисусе Христе Творец вселенной открывается как любящий *Отец*, в творческом акте порождающий человека как Своего *сына*.

Человек, начиная с Адама, встречается с вызовом со стороны Бога, а точнее — с призывом доверять Отчей любви Бога. Вера взывает к доверию и требует верности. Эти понятия указывают на *межличностные* отношения, а не на отношения между безличными объектами или вещами.

Проблема происхождения и действия зла в мире, а потому и проблема свободы как источника зла относится к сфере существования личностей — ипостасей бытия. Мы ничего не сможем понять о зле, если будем размышлять о нем как о некоем объективном процессе, как о чем-то внешнем по отношению к личностям. И мы не сможем понять, что такое благо, если не будем помнить, что Бог — как высшее Благо — есть Троица Божественных Лиц, а не безличный Абсолют.

«Последний враг» человека

Есть еще один ракурс, в котором необходимо рассматривать проблему зла, — это связь зла и смерти, которая, по слову Апостола, есть *последний враг* человека (1 Кор. 15: 26).

Смерть действительно есть последнее проявление зла в этом мире. И одновременно смерть — это изначальная перспектива существования человека, та «тьень», которая лежит на человеческой жизни с момента рождения. А смертная агония — высшая степень страдания. И потому можно сказать, что проблема зла — это проблема смерти и смертности человека (недаром одним из величайших проявлений зла считается убийство человека человеком).

Но христианское отношение к смерти коренным образом отличается от того понимания смерти, которое можно назвать языческим. Ибо мы *спасены смертью* — смертью Богочеловека. Мы спасены Крестом Христовым!

А Крест Богочеловека — не только вершина Его земного пути, шествуя которым Он разделил судьбу человека, — разделил с нами все последствия греха, кроме самого греха. Крест Христов — это переживание человеческой смерти как высшего зла и *последнего врага* человека. Митрополит Антоний Сурожский видел в смерти Христовой предельную *солидарность* Бога с человеком и считал, что подлинной «причиной» смерти Господа Иисуса Христа была та богооставленность, которую Он пережил на Кресте.

Но Крест Христов — это символ не только смерти, но и символ любви. Это проявление Божественной любви, торжествующей над человеческой смертью как предельным злом. А потому можно сказать, что Крест Богочеловека есть самая убедительная теодицея.

Но о чем говорит богословие Креста? Оно говорит о том, что зло побеждается не просто через противостояние злу и не просто через делание добрых дел, но через верность Богу, через стояние в устремленности к Нему и пребывание в единстве с Ним, то есть через любовь к Богу. Хотя, конечно, эта победа над злом невозможна без претерпевания зла — как в форме внутренних искушений, так и тех страданий, которые имеют внешний источник.

Чем же должно быть добро в нашей ситуации — в состоянии греха?

Добро — в том, чтобы решительно встать на сторону Добра Абсолютного, то есть на сторону Бога, не удовлетворяясь относительными вариантами. Только вера и верность Богу могут быть надежным путем, спасающим нас от зла, от его силы и его искушений. Думаю, именно это имеет в виду Святое Писание, когда говорит: *Не будь побежден злом, но побеждай зло добром* (Рим. 12: 21).

О НАСИЛИИ, СОЛИДАРНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

На рубеже второго и третьего тысячелетий от Рождества Христова мир был полон надеждами, что война, насилие и братоубийство уйдут в прошлое вместе с кровавым двадцатым столетием. Однако после шумных празднований в честь безликого «миллениума», который для многих заслонил Имя Господа нашего Иисуса Христа, прошло лишь несколько лет, и вот уже во всемирном сообществе все чаще звучит мысль о начавшейся в настоящее время Третьей мировой войне.

В толкованиях к этому утверждению встречается словосочетание «конфликт цивилизаций». При этом на уровне массового сознания на передний план настойчиво выдвигается религиозный фактор как один из основных движущих рычагов нынешних глобальных и местных конфликтов.

Насколько верно утверждение о начале очередной мировой войны — ответит время. Но о попытках подвести религиозное основание под современный взрыв насилия в мире нам необходимо вынести свое суждение решительно и твердо.

Эгоизм как колыбель насилия

Действительно, в наши дни насилие по отношению друг ко другу применяют сообщества людей, которые заявляют о своей принадлежности к мировым религиям — иудаизму,

христианству, исламу...

Верно и то, что внутри каждой из этих религий существуют противоречия, а порою и конфликты между различными традициями, течениями и направлениями.

Уроки трагического двадцатого столетия побудили богословов всех вероисповеданий приложить огромные усилия для исключения религиозного фактора из международной политики. На этом пути были сделаны и продолжают совершаться весьма важные и значительные действия, — благие плоды межрелигиозного и межконфессионального диалога очевидны!

Но мы видим также, что сегодня, как и сотни лет назад, насилие вновь претендует на первенство среди всех возможных путей и способов выяснения истины в человеческом сообществе. Впрочем, к познанию истины насилие не приводит никогда. Поэтому там, где проявляется насилие, речь может идти не более чем об установлении нового или реставрации забытого старого порядка, который не имеет к религии никакого богословского отношения.

Внимательно всмотревшись в вооруженные конфликты, разгорающиеся на Ближнем Востоке и в Центральной Азии, происходящие внутри отдельных государств и в рамках международных сообществ, мы увидим, что основой этих конфликтов являются отнюдь не вероучительные положения религий, а сложный комплекс политических, экономических, социальных, но в первую очередь — психологических факторов.

Современный человек, живущий в Европе, в Африке и в Азии, стремится изменить свое положение в обществе в лучшую сторону. Но при этом он далеко не всегда готов прежде осмыслить самого себя и определить свое позитивное значение для этого общества и для окружающих его людей.

Но как раз на подобном осмыслении зиждется любая религиозная система. И христианин, и иудей, и мусульманин, желающие познать Бога, призваны прежде заглянуть в самих себя.

В лукавую душу не войдет премудрость и не будет обитать в теле, поработанном греху (Прем. 1: 4), — говорит ветхозаветная традиция устами царственного Екклесиаста.

Придите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас (Мф. 11: 28), — благовествует Христос Спаситель. *...Научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим* (Мф. 11: 29), — призывает Господь.

«Нет принуждения в религии», — провозглашает Коран (2, 256 (257)), а тем, «кто уверовал и творил добрые дела, — им Милосердный дарует любовь» (20, 96), — гласит священная книга мусульман.

Но совсем иной дух «правит бал» в современном мире. Всякая религиозная аргументация на острие противостояния заменяется двумя крайностями: с одной стороны — это террористический догматизм, который отвергает всякое инакомыслие и инаковерие по отношению к собственным ценностям и нормам; а с другой стороны — радикальный релятивизм, который вообще не признает никаких высших норм и ценностей.

Ни то ни другое не может удовлетворить разумного человека. Но человек неразумный с легкостью и даже с готовностью удовлетворяется этим упрощенным псевдорелигиозным или идеологическим суррогатом.

Укрепляясь в обществе, создавая в нем ячейки своих приверженцев, эти эгоистические ценности весьма скоро разрушают общечеловеческие отношения. А это приводит к формированию деструктивной религиозности, что в свою очередь порождает конфликты и войны.

В христианстве с предельной четкостью сформулирован главный закон жизни человеческого рода: *Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим: сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: возлюби ближнего твоего, как самого себя; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки* (Мф. 22: 37–40), — сказал Господь наш Иисус Христос. Преемственность этого новозаветного закона от ветхозаветного Синайского кодекса очевидна и общеизвестна.

Христово свидетельство любви и солидарности

Исполняя закон Вечной Жизни, развивая дело спасения рода человеческого от рабства греху и смерти, Сын Божий Своей земной жизнью, Крестной смертью и тридневным Вос-

кресением являет ярчайшее свидетельство любви и солидарности Бога и человека, взаимной жертвенности Творца и Его высшего творения. Этот образец совершенных взаимоотношений Личности Бога и личности человека призывает христианское сообщество к внутренней солидарности друг с другом и к солидарности каждого человека с Богом.

Для объективности замечу, что представители других религий или люди нерелигиозные могут сделать такой же вывод из древнейшего правила этики, которое в разных вариациях присутствует во многих философских учениях и призывает: «Не делай другим того, чего не желаешь себе». В христианстве это «золотое правило» имеет статус заповеди Христа Спасителя и гласит: *Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки* (Мф. 7: 12).

...И в этом же, позволю себе продолжить мысль, лежит основание общечеловеческой и христианской солидарности. Слово «солидарность» обозначает согласие, единодушие, общность. Эти понятия получают свое высшее развитие в христианстве — в таких его категориях, как примирение, евхаристическое общение и братство во Христе.

Понимаемая таким образом христианская солидарность имеет ярко выраженное сотериологическое измерение, которое воплощается в диаконическом служении и в социальной ответственности. Об этом говорит Христос Спаситель в Своей проповеди о милосердии: *...алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня; был странником, и вы приняли Меня; был наг, и вы одели Меня; был болен, и вы посетили Меня; в темнице был, и вы пришли ко Мне* (Мф. 25: 35, 36).

Распространяемая на весь мир, вне зависимости от религиозных, национальных и любых иных обстоятельств, эта заповедь о солидарности с каждым страждущим человеком является основополагающим побудительным мотивом диаконической деятельности христианина и придает высокий смысл его социальным и иным действиям.

Духовное состояние общества определяется его отношением к личности отдельного человека. Значимость самой личности для окружающего ее сообщества людей зависит от того, как эта личность воспринимает понятие солидарности. В свою очередь солидарность напрямую связана с соблюдением прав и свобод человека, а также с исполнением им своих обязанностей, принятых перед другими членами общества.

С одной стороны, солидарность является проявлением свободы личности, но, с другой стороны, она же определяет зависимость человека от общества, от его культуры, целей и интересов. Таким образом, способность к проявлению солидарности является своего рода лакмусом для определения интеллектуальной и нравственной зрелости общества и составляющих его членов. Способность к проявлению христианской, евангельской солидарности говорит весьма многое о качестве нашей веры, о глубине понимания ее Символа.

Религия говорит о пути человека к Вечной Жизни с Богом, к спасению, которое дарует ему Бог. Этот путь пролегает в пространстве культуры и естественно принимает ее характерные формы. Недостаточно полное понимание религиозного смысла жизни может приводить к чрезмерному развитию религиозных форм самого разного качества и масштаба: начиная от «обрядоверия» и заканчивая суеверным сектантством, следуя от схоластических мудрований вплоть до псевдорелигиозных спекуляций.

Всякая чрезмерность, идущая вразрез со здравым религиозным смыслом, может весьма исказить религиозное сознание человека или целых социальных групп, в то время как верующий человек призван быть человеком культурным в самом высоком и бескомпромиссном смысле.

Формы, в которых существует и проявляется культура народа, предоставляют религии те символические образы, которые она использует в своей культовой практике. Однако религиозная вера всегда больше, чем какое бы то ни было заимствование из области культуры. Здесь мы видим опасность того, что иной человек, который упрощенно воспринимает предмет своей веры, начнет еще более ограничивать ее узкими рамками истории и культуры своей расы, своей нации, своей социальной группы.

И если для кого-нибудь эти рамки станут вмещать в себя все его представление о полноте веры, то религия в сознании такого человека или группы людей превратится в деформированную, подчиненную форму субкультуры.

А далее комплекс религиозной и интеллектуальной неполноценности породит идею насилия как единственный способ самоутверждения в обществе, которое сразу покажется чуждым и враждебным.

Понять во имя справедливости

Солидарность неразрывно связана с требованиями справедливости. Не секрет, что справедливость нередко понимается по-разному. А это значит, что способность к солидарности, умение убеждать в справедливости своих взглядов, требований и оценок основана не только на личных убеждениях, но и на тех, которые принадлежат другим людям.

Может ли религиозная справедливость утверждаться насильственными методами? Может ли быть миссионерское служение связано с насилием? Нет, не могут. Потому что без желания понять другого они обречены на провал, ибо несправедливы и не приводят к духовному преображению человека.

О высокой ценности справедливости в человеческих отношениях читаем в библейской Книге Премудрости Соломона: *...праведность... научает целомудрию и рассудительности, справедливости и мужеству, полезнее которых ничего нет для людей в жизни* (Прем. 8: 7). В монотеистических религиях, в иудаизме, в христианстве и в исламе, справедливость — это всегда отношение любви. *Злые люди не разумеют справедливости*, — говорит Премудрый царь Соломон, — *а ищущие Господа разумеют всё* (Притч. 28: 5).

Именно поэтому люди искренне верующие и глубоко знающие догматическое содержание своих религий всегда поймут друг друга. О том, какая это редкость в современном мире, можно найти весьма простое и оттого еще более удручающее свидетельство.

Глубокое недоумение и недоверие можно обнаружить в ином собеседнике, даже не совсем чуждом религиозной теме, если сообщить ему о том, что выражения *Яхве шолом*, *Отче наш* и *Аллах акбар* обращены к Одному и Тому же Богу, Вседержителю, Творцу вселенной. В контексте нынешних массовых стереотипов это сообщение может даже вызвать бурю негодования...

Справедливость уступает место насилию там, где забывают про любовь и прощение. А когда забывается измерение Божественной любви, тогда забывается и любовь между людьми, и справедливость, и тем более солидарность.

В Новом Завете мы находим однозначную иерархию принципов, которые лежат в основании солидарности: *А теперь пребывают сии три: вера, надежда, любовь; но любовь из них больше* (1 Кор. 13: 13), — пишет апостол Павел в своем Первом послании к Коринфянам. Итак, любовь есть высшая ценность солидарности.

Однако в отношении к иноверным многие превозносят букву закона собственной веры над любовью к ближним и дальним, забывая о высшем принципе, который призывает возлюбить даже своих врагов: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас* (Мф. 5: 44). Извращенное понимание справедливости основывается на исключительном подходе, когда человек некритично относится к мнению о своей собственной правоте, а взгляды иных людей заранее считает ошибочными.

В таком случае те, кто не принадлежит к «своим», являются «чужими», от которых потенциально может исходить угроза собственной идентичности. А подобный эгоизм не исключает насилия, в том числе и с религиозной подоплекой.

Христианство снимает вопрос о «своих» и «чужих», ибо в Церкви, по слову апостола Павла, *нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всем Христос* (Кол. 3: 11).

Отвергая групповой эгоизм, христианская вера не мыслит справедливости без всеобщей любви, без универсальной, вселенской солидарности, ибо она основана на единстве всего творения Божия.

Современное богословское понимание места человека в мире с особой силой вызывает к жизни древнюю истину об ответственности человека перед всем творением Божиим, составной частью и венцом которого он является. Человек обладает особой обязанностью, которая

дана ему от сотворения мира и подтверждена после Всемирного потопа: ...*плодитесь и размножайтесь, и распространяйтесь по земле, и умножайтесь на ней* (Быт. 9: 7). И мы поступаем несправедливо по отношению ко всему живому, и к недрам земли, и к природным стихиям, когда перестаем быть их хранителями, но становимся для них ужасом.

Способность быть солидарными с Богом, друг с другом и со всем творением является нашей самой объективной духовной характеристикой. Хотя основана она будет, если кто-то смог бы ее написать, на множестве субъективных фактов и историй из нашей жизни, когда мы имели возможность быть — и были! — солидарны в поисках Правды Божией и высшей справедливости в среде людей.

НАДЕЖДА НЕ ПОСТЫЖАЕТ

Совсем недавно мир горделиво объявлял о своем объединении ради всеобщего блага. Так в чем же это благо, коль скоро большинство деяний рук человеческих направлено на угнетение земли и живущих на ней?

Очевидным становится ныне смятение народов, возрастающее буйство стихий и неприимность вражды в мире. Болезни, бедствия, войны — это неизбежные признаки обратной духовной эволюции человеческого рода. Мир отверг своего Создателя — в этом состоит и причина, и следствие того, что круг всемирного исторического бытия близится к завершению. И теперь, подобно стрелке часов, он неуклонно стремится к тому, что было на заре Первого дня творения: *земля вновь станет безвидна и пуста, и тьма над бездною...* (Быт. 1: 2) Только Духа Божия уже не будет над ней, и воды останутся безжизненны, ибо лишь Святой Дух животворит мир.

Есть ли надежда?

Что ж, еще древние говорили: «*Dum spiro, spero*» (пока дышу, надеюсь). Известно также присловие о том, что *надежда умирает последней*. Но, увы, ни то ни другое не утешает, ибо не содержит в себе истины спасения.

Но надежда все же есть! Не удивительно ли, что это слово ни разу не встречается в Евангелии Господа Иисуса Христа? О надежде Его Пришествия повествует Ветхий Завет, надежде на Его Второе Пришествие учат Деяния и Послания святых Апостолов. Но в Евангелии этого слова нет, ибо Евангелие свидетельствует о Воплощенной Надежде — Христе Спасителе. Имя нашей надежды — Иисус, Сын Божий, Сын Человеческий.

Бог дал нам Слово в том, что мы будем спасены. *И Слово стало плотью, и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его* (Ин. 1: 14).

И если мы верим Богу, то должны изо всех сил держаться за Слово, данное Им роду человеческому, чтобы не отпасть от единственной надежды, которая бессмертна, которая не умрет никогда. Только Евангелие Божественной любви может научить человека надеяться, даже когда его дыхание остановилось, даже когда последняя надежда мира умерла.

Чем меньше надежды внутри, тем больше представляется неизвестность причины, производящей мучение (Прем. 17: 12), — наставляет нас печальный Екклесиаст, мудрейший муж Ветхого Завета. И мысль его о том, что мучения наши не напрасны, но служат воспоминанию о Спасателе Боге, продолжает святой апостол Павел, новозаветный просветитель народов. ...*От скорби происходит терпение, от терпения опытность, от опытности надежда*, — говорит он, — *а надежда не постыжает, потому что любовь Божия излилась в сердца наши Духом Святым...* (Рим. 5: 3–5)

Поэтому надежда — есть! Надежда человечества на продление его бытия есть, пока хоть кто-нибудь оказывается способным *возлюбить Господа Бога своего всем сердцем своим... и ближнего своего, как самого себя* (Ср.: Мф. 22: 37).

Вопрос лишь в том, сколько таких людей остается на земле. Во время оно остался лишь один. И он был назван *надеждой мира* (Прем. 14: 6), и был взят со своим родством в ковчег в дни потопа, и дал жизнь современным народам земли.

Как в те дни, так и сегодня всеобщая надежда складывается из числа личных упований, подобно тому как мужество каждого воина, сражающегося за правое дело, составляет славу Отечества и оправдывает страдание народа, надеющегося на всеконечную победу добра над

ПРИМЕЧАНИЕ

В основу книги, подготовленной пресс-службой Патриаршего Экзарха всея Беларуси, положены следующие доклады и выступления Высокопреосвященнейшего Филарета, Митрополита Минского и Слуцкого:

1. Семинар «Философская и религиозная антропология в современной дискуссии» в Институте философии РАН 4 октября 2001 года, доклад «Богословие и антропологические концепции XX века».
2. Международные Успенские чтения «Человеческая целостность и встреча культур», Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 23–26 сентября 2006 года, доклад «Миропорядок личности».
3. Международные Успенские чтения «Человек. История. Весть», Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 4–8 сентября 2005 года, доклад «Человек в истории: вестник Божий или сын противления?»
4. Международная конференция «Личность и проблема традиции: встреча поколений и связь времен», Свято-Успенский монастырь, Одесса, 5 сентября 2004 года, доклад «Традиции, обычаи, нравы: камни преткновения или связующие нити поколений?»
5. Международные Успенские чтения «Дружба, ее формы, испытания и дары», Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 22–28 сентября 2007 года, доклад «Дочь простоты и доверия».
6. Международная конференция «Образование и семья в постатеистическом обществе», Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 19–24 сентября 2002 года, доклад на Пленарном заседании.
7. XIV Международные Рождественские образовательные чтения «Школа и Церковь — традиции и реформы образования»; слово «Воспитание личности и современное общество» на дневном заседании в Государственном Кремлевском дворце 30 января 2006 года.
8. Слово «Богословское осмысление медицины и проблемы здоровья человека» на церемонии вручения диплома доктора *honoris causa* Гродненского государственного медицинского университета 31 мая 2001 года.
9. Слово «О природе человеческого знания» на церемонии вручения диплома доктора *honoris causa* Витебского государственного университета 14 октября 2002 года.
10. Международная конференция «Пути просвещения и свидетели правды: Личность. Семья. Общество», Свято-Успенская Киево-Печерская Лавра, 30 августа–4 сентября 2003 года, доклад «Путь жизнеутверждающей любви».
11. Лекция «Евангельское свидетельство в современном мире» на открытии академического года Богословской Академии Центральной Италии в граде Ассизи, 2 ноября 2004 года.
12. Слово «Единение Церкви в разделяющемся мире» на церемонии вручения диплома доктора *honoris causa* Христианской Богословской Академии в Варшаве 28 сентября 2007 года.
13. Слово на открытии XIII Международных Кирилло-Мефодиевских чтений «Церковь перед вызовом глобальной цивилизации» в Институте теологии Белорусского государственного университета 24 мая 2007 года.
14. Семинар, проведенный 26 января 2004 года в рамках XII Международных Рождественских образовательных чтений в Институте философии РАН в Москве; доклад «Глобализация с богословской точки зрения».
15. Международная богословско-философская конференция «Проблема зла», проведенная Синодальной Богословской комиссией Русской Православной Церкви и Международным обществом христианских философов в Москве 6–8 июня 2005 года, доклад «Проблема зла в православном богословии».
16. Международная конференция «Христианская этика солидарности против насилия и жестокости», проведенная Институтом религиозного диалога и межконфессиональных коммуникаций при Белорусской Православной Церкви и Международным общественным

объединением «Христианский Образовательный Центр имени святых Мефодия и Кирилла»
1 декабря 2005 года, доклад «О насилии, солидарности и справедливости».